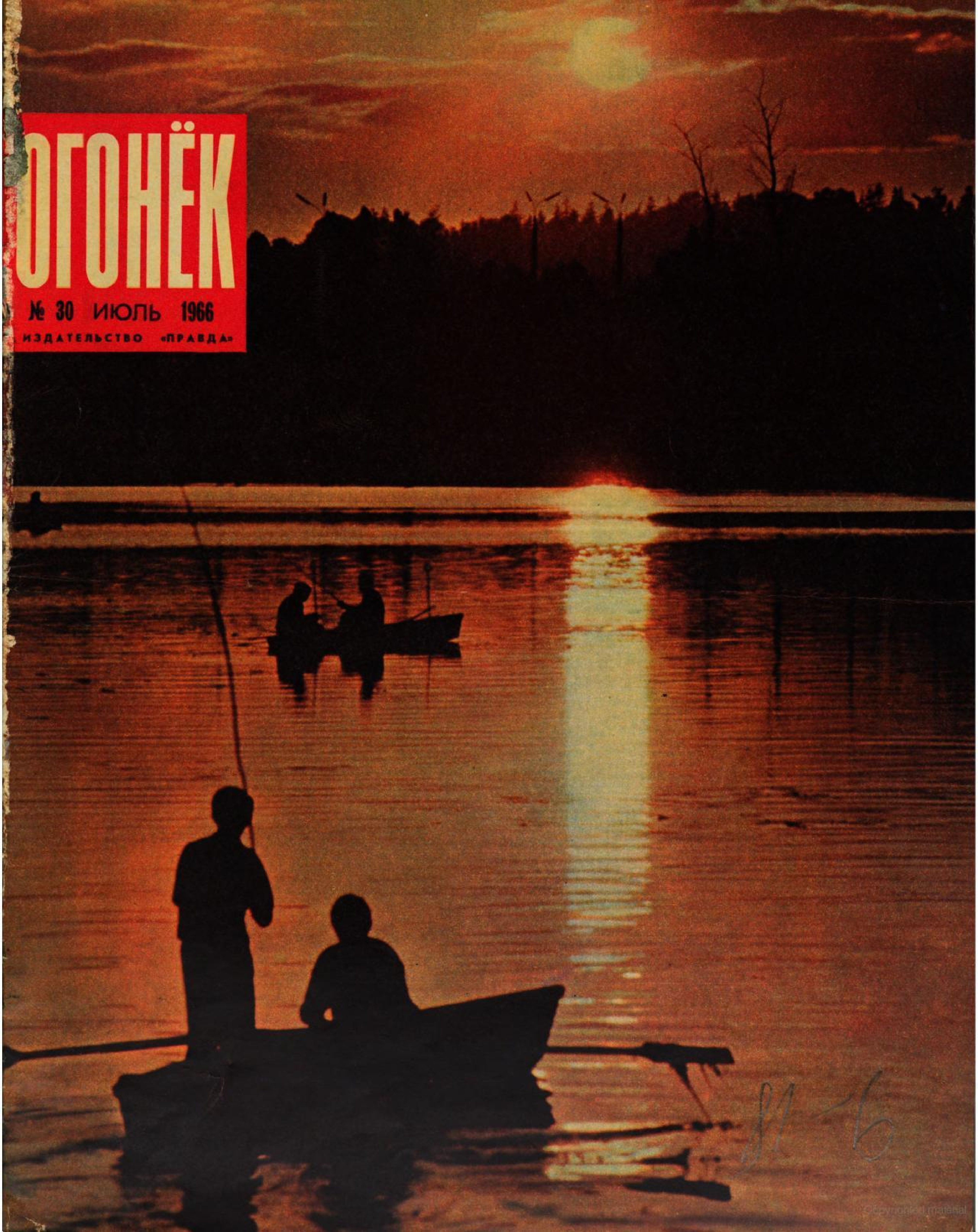

ОГОНЁК
№ 30 ИЮЛЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 30 (2039)

24 ИЮЛЯ 1966

Четыре бригадира.
Снимок 1962 года.

ЖИЛИ-БЫЛИ ЧЕТЫРЕ ПАРНЯ

Репортаж с места события

А. СТАСЬ,
собкор «Огонька»

Фото А. УЗЛЯНА.

Четыре парня идут по цеховому пролету. О чем-то спорят, не обращая внимания на шум станков. Этот снимок был напечатан в № 17 «Огонька» за 1962 год. Раньше парни работали в одной бригаде Владимира Гургаля на машиностроительном заводе во Львове. В тот день, когда наш фотокорреспондент встретил их в цехе, они были в разных бригадах, все бригадиры. Еще до расставания они обещали друг другу: за пять лет получить техническое образование.

Как живут они сейчас — друзья, связавшие свои трудовые биографии с жизнью завода, что раскинулся в районе Подзамче, в шумной, говорливой части города, где комбинезоны и парусиновые робы, пахнущие железной стружкой или столярным клеем, издавна считались самой достойной одеждой?

Сначала бригада изготовляла тяжелое кузнечное оборудование. Потом предприятие перешло на выпуск новой продукции, и они, теперь уже в разных бригадах, с таким же упорством осваивают производство алмазных инструментов, тонких, высокой точности изделий.

Мы отправляемся на Подзамче. Вот и завод алмазных инструментов. Вот цех, где когда-то работали хлопцы из бригады Гургаля.

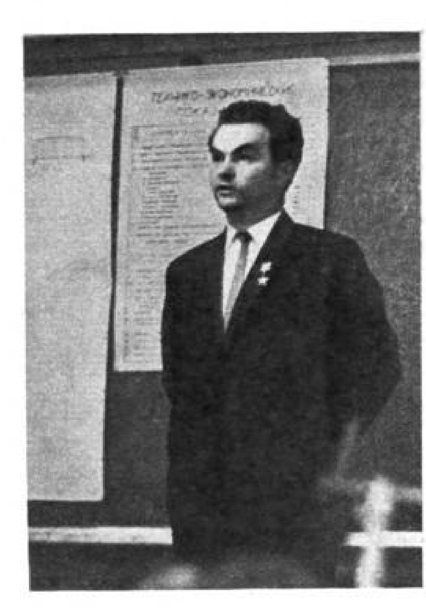
Вениамин Небис — токарь-скоростник. Как же, человек известный! Только он теперь не токарь, а возглавляет отдел технического контроля экспортной продукции. Очень ответственный участок. Встретиться с ним? На заводе вряд ли удастся. Разве что в полиграфическом институте. Шестой курс заканчивает. Одним словом, без пяти минут дипломированный инженер-механик.

Второй из четверки, Николай Жогов,— уже старший мастер. И у него горячая пора сейчас. В этом году в электромеханическом техникуме защищает диплом. Третий, Владимир Кашель, стал технологом по инструментам. От друзей не отстает, учится. Правда, хлопцы иногда подтрунивают над ним. Выбрал он себе несколько неожи-

Сегодня папа выходной.

данную специальность — пошел в техникум пищевой промышленности. В ответ Владимир улыбается: «Сейчас и бублик не испечь без техники, и кто-то должен этой техникой распоряжаться».

Ну, а четвертый на фотографии — бригадир той первой бригады, Герой Социалистического Труда Владимир Гургаль. Где его найти? Адрес дают точный: «Улица Пушкина, Лесотехнический институт. Завтра он защищает диплом».

...Что можно добавить к хорошо известной картине, знакомой каждому, кто присутствовал на торжественно-деловом таинстве посвящения в могучий орден инженерного братства? Все как обычно. Рабочий защищает диплом. Так было до него и будет после. Итог большого и напряженного труда. Победа воли и трудолюбия, что вели его, рабочего, отца троих детей, к раскрытой книге, конспекту, чертежному столу. Вели после часов нелегкого труда, после ежедневных больших и малых забот — своих, личных, и государственных. Результат — дипломная работа на тему «Организация инструментального хозяйства на львовской мебельной фирме «Карпаты».

Но почему токарь-металлист, автор книг и брошюр о скоростном резании, о прогрессивных приемах в этой отрасли производства, изобретатель и рационализатор, который с металлом на ты, обратился к проблемам деревообрабатывающей промышленности? Специфика вуза, дань факультетскому профилю?

Владимир Гургаль защищает проект. В его дипломной работе, как и во всем, что делает этот еще сравнительно молодой человек, явно смущающийся, когда обращают внимание на его значок депутата Верховного Совета УССР,— государственный подход.

В чем беда наших мебельщиков? В несовершенстве и скудости инструментального арсенала: кустарщина в производстве. Отсюда и плохое качество. Оказывается, тот алмазный круг, что изготовляют Гургаль и его товарищи, незаменим и там, где рождаются изделия из древесины. И предложенные Гургалем приспособления для обработки металла тоже могут помочь мебельщикам.

Желающих сказать свое слово о достоинствах дипломной работы немало. Доктор технических наук, профессор Борис Григорьевич Гастев считает, что работа эта выходит далеко за рамки требований, предъявляемых студенту, имеет большое практическое значение. Такого же мнения профессор Николай Максимович Горшенин и доцент Сергей Матвеевич Тимонен.

Короткий перерыв. Комиссия, посовещавшись, приглашает всех в аудиторию. Председатель Вячеслав Михайлович Нодельман объявляет:

— Дипломная работа, представленная к защите Владимиром Иосифовичем Гургалем, удостоена оценки «отлично». Государственная комиссия рекомендует эту работу к опубликованию и считает, что инженер Гургаль должен продолжить ее, положив в основу кандидатской диссертации...

— Какие теперь планы, товарищ инженер?— спрашиваем мы Гургаля.

— Дальних планов много. А ближний — целый выходной напролет отдыхать!..

●

Через час защита диплома.

●

Выступает профессор доктор технических наук Б. Г. Гастев.

●

Дипломант В. И. Гургаль.

●

Поздравляют друзья.

МЫ С ТОБО

Протестует Бухарест. Жители столицы Социалистической Республики Румынии клеймят позором американских агрессоров.

Фото Аджерпресс.

Придет время...

Генрих БОРОВИК,
собственный корреспондент АПН

Й, БОРЮЩИЙСЯ ВЬЕТНАМ!

Москва. Один из митингов солидарности с вьетнамским народом. Коллектив Института химической физики Академии наук СССР выражает протест против американской агрессии.

Фото В. Кошевого (ТАСС).

У меня есть друзья — советские корреспонденты, которые прожили в США не один год и по-разному думают об американцах. У меня есть друзья — американцы, которые прожили в своей стране всю жизнь и совершенно по-разному думают о своих соотечественниках.

Я не тешу себя иллюзиями. Я знаю: нет среднеарифметического американца, как нет такого же русского. А есть бесчисленное множество Стефанов, Бобов, Джонов. Я знаю, что это уравнение с 200 миллионами неизвестных.

Один мой американский знакомый дал мне совет: «Только, ради бога, плюньте на политику! Расскажите об американцах просто: любят ли они детей, собак, смеяться, есть, работать, цветы, своих жен? Вот о чем пишите. А на войну наплюйте. Война пройдет, а американцы останутся».

Я был бы рад последовать совету знакомого. Да не получается это сегодня.

С последнего этажа высокого, узкого, похожего на океанский лайнер здания, построенного когда-то газетой «Нью-Йорк таймс» и принадлежащего теперь химической компании, площадь Таймс-сквер видна, как в перевернутый бинокль. Далекая и маленькая. Но зато почти вся она умещается в кадрике моего «Зоркого». И все, кто на площади, тоже умещаются. И те, что стоят в самом центре с плакатами: «Прекратить позорную агрессию во Вьетнаме немедленно!» И те, что в десятке метров от первых кричат: «Бомбить Ханой! Бомбить Ханой!» И кучка корреспондентов между теми и другими. И сотни машин, обтекающих демонстрантов двумя медленными потоками. И тысячи людей, идущих мимо по тротуарам с двух сторон площади. И синие полицейские, следящие за тем, чтобы все было, как надо.

И мне кажется, что отсюда, сверху, я вижу всю Америку.

Вот уже несколько месяцев по субботам с двенадцати до трех часов дня в самом центре Нью-Йорка, на Таймс-сквер, стоят люди. Пятнадцать — двадцать человек. Не каждый здесь знает друг друга. Сюда приходит, кто хочет. Берет плакат и становится рядом с другими, не произнося ни слова. Они стоят под горячим нью-йоркским солнцем, стоят в дождь, стоят в жару, стоят, когда холодно. Стоят и молчат. И не двигаются. Только поправляют плакаты у себя на груди. Черные буквы плакатов кричат, взывают: «Прекратите преступление во Вьетнаме! Прекратите убийство людей во Вьетнаме! Верните домой наших ребят!»

Худощавый человек с серым лицом. Он переминается с ноги на ногу, опустил подбородок. Нет, он не устал. Просто его только два дня назад выпустили из тюрьмы Хард-Айленд. Джим Пек просидел там два месяца за то, что в зале гостиницы «Уолдорф-Астория», где некое общество вручало президенту Джонсону награду за его «достижения в борьбе за мир и свободу», крикнул: «Господин президент, мир во Вьетнаме!»

Другой человек, помоложе. С украинскими усами (здесь их называют английскими). На его груди плакат «Немедленно остановить войну во Вьетнаме!». Он страховой агент. Приходит на площадь третий раз. Для него это единственный путь выразить свое отношение к войне. Пока мы разговариваем, к нам подходит человек в рубашке и брюках, измазанных краской, наверное, маляр. Читает плакат: «Немедленно остановить...» — и потом обращается к моему собеседнику: «Это ты меня просишь немедленно остановить? Меня? Ха! Сейчас отдам приказ. Где тут телефон — позвоню в Вашингтон. Пусть останавливают».

Он отходит, ухмыляясь своей шутке. От маляра несильно попахивает спиртным.

Врач тридцати лет. Уильям Корей. На груди слова: «Господин Джонсон! Большинство американцев — за уход наших войск из Вьетнама!»

Я спрашиваю врача: он уверен, что большинство?

— Активных сторонников рас-

Эти снимки сделаны на Таймс-сквер, в самом центре Нью-Йорка. Слева — те, кто наблюдает, кто не вмешивается. Это вовсе не значит, что все, кто стоит и смотрит здесь, в сторонке от демонстрации,— за войну во Вьетнаме. Вовсе нет. Но пока они предпочитают позицию наблюдателей...

На правом снимке — американцы, которые пришли сюда, чтобы выразить возмущение подлой агрессией, чтобы потребовать от своего правительства прекращения позорной войны во Вьетнаме.

Фото автора.

ширения войны мало,— говорит врач.— Тех, кто активно выступает против войны, значительно больше. Но еще больше тех, кто просто мирится с войной. Не поддерживает, нет, даже в глубине души считает ее несправедливой или ненужной, но мирится с ней, поскольку правительство говорит: так надо.

По мнению доктора Корей, эти самые американцы, которые раз и навсегда решили для себя, что правительство лучше знает, что надо делать,— самое большое зло Америки.

Маленький магазинчик, в котором продают значки. Разные значки, для разных надобностей, в том числе и для политических кампаний. Их производят здесь одна или две фабрички. Красивые значки, яркие. На одних, например, написано: «Остановить войну во Вьетнаме!» На других: «Бомбить Ханой». Они висят рядом. В одной цене. Я спрашиваю у дюжего молодца-продавца: неужели ему безразлично, бомбить или не бомбить?

Он вдруг громко и раздраженно кричит на меня:

— Да, да, у меня нет ни совести, ни чести! Вас устраивает? Да, да, я аморален. Вообще мы, американцы, аморальны, нам нужны только деньги! Вы довольны? Что же вы не записываете на свой чертов диктофон? Пожалуйста, возвращайтесь в свой Париж, Брюссель, Рим — откуда вас сюда занесло — и передавайте: американцы, мол, аморальны! Вам это нужно?! Валяйте! Хотите снимок? Пожалуйста!

И он вызывающе прикладывает к своей рубашке два значка: «Остановить войну во Вьетнаме!» и «Бомбить Ханой».

Наверное, он не первый раз слышит вопрос, который я ему задал. Но, может быть, впервые сорвался. Он чувствует, что сорвался. И старается поправить дело улыбкой. Но глаза не улыбаются, а смотрят зло и беспомощно...

Рядом с магазинчиком, где продаются значки,— бар. Над стойкой синий экран телевизора. Показывают летчиков, которые бомбили Ханой и Хайфон. Стриженые затылки. Уверенная осанка.

— Да, мы аккуратно бомбили,— говорит один.— Почти научно.— И обаятельно улыбается.

— Откуда вы летели?— вопрос корреспондента.

— С одного из аэродромов Юго-Восточной Азии.

Выразительное подмигивание летчика, хохот журналистов.

— Из Таиланда?— язвительно уточняет кто-то.

— Вам сказали,— обрывает смех невидимый телезрителям руководитель пресс-конференции,— с одного из аэродромов Юго-Восточной Азии.

На вопросы отвечает другой стриженый затылок. Но на лице нет наглой улыбки. И глаза не глядят в телеобъектив камеры — будто чувствует, что на него внимательно смотрят миллионы.

— Я не видел, куда упали мои бомбы,— не очень уверенно отвечает на вопрос.— Там был дым.

— Другие видели,— обрывает его все тот же невидимый руководитель.— Бомбы упали точно в цель. Мирные жители не пострадали...

Как раз напротив демонстрантов — автобусная остановка. Время от времени там собирается маленькая очередь, которую периодически поглощает автобус. Между автобусами я подхожу к новой очереди и обращаюсь к кому-нибудь с вопросом о войне во Вьетнаме и об этой демонстрации молчаливых.

— О какой демонстрации? Ах, об этой! Да ничего я о них не думаю. Стоят себе люди и пусть стоят. А о Вьетнаме не спрашивайте. Ничего я в этом не понимаю.— Это говорит миловидная, еще молодая женщина, которая на мой вопрос о профессии разводит руками и отвечает: — Какая же у меня профессия? Жена...

Молодой парень в белых шортах. Студент колледжа, восемнадцать лет:

— Я против войны во Вьетнаме. Но они (кивок в сторону демонстрантов) спешат. Нам нельзя сразу уходить из Вьетнама. Надо постепенно. Сами понимаете, престиж...

Лысый человек в очках. Пятьдесят лет. Телетайпист на телеграфе:

— Я не считаю, что война во Вьетнаме справедлива. Но раз уж мы ее начали, надо ее выиграть.

Высокий человек, расширяющийся книзу. Похож на оплывшую свечку. Пятьдесят шесть лет. Назвался доктором экономических наук.

— Эти демонстранты глупы. Их, конечно, инспирировали коммунисты. Конечно, коммунисты. А коммунистов надо остановить. Конечно, остановить.

Работник студии документальных фильмов, тридцать четыре года:

— У этих людей много мужества. Я горжусь тем, что такие люди есть в моей стране.

Полицейский:

— Никакого мнения. Я при исполнении служебных обязанностей.

Седой элегантный человек с потрепанной кинематографической внешностью. Пятьдесят два года. Работает в компании, которая показывает туристам нью-йоркские достопримечательности. Отвечает очень охотно:

— Видите ли, демократия есть демократия. И раз вы член демократического общества, вы должны поддерживать то, что общество делает. А как же! Раз наше общество решило воевать против Вьетнама, значит, надо поддерживать эту войну, а не стоять, простите, с глупыми плакатами на площади. Демократия — это все-таки демократия, а не что-нибудь. А как же?

Рядом с нью-йоркскими достопримечательностями стоит человек, который, не дожидаясь моего вопроса, говорит негромко, но так, чтобы слышала вся очередь и чтобы я смог его слова записать на диктофон:

— Придет время, и нам придется отвечать за то, что происходит сейчас. Это будет очень походить на то, как немцы отвечали в Нюрнберге перед судом. Но самое страшное, что нам придется нести ответ перед своими детьми...

Очередь молчит. Никто не опровергает его. Никто не поддерживает...

ИНТЕРВЬЮ С «МИСТЕРОМ ЦЭКОПОМ»

Оговорюсь сразу, никакого «мистера Цэкопа» в народной Польше не существует. «ЦЭКОП» — это сокращенное название Центрального управления экспорта комплексных объектов промышленности. Однако популярность его во всем мире настолько велика и знают о его деятельности так далеко за пределами Польши, что в некоторых странах ЦЭКОП считают существом вполне одушевленным и весьма деятельным.

Во главе ЦЭКОПа стоят очень деятельные люди. Один из них, коммерческий директор объединения Ежи Дзержинский,— племянник Феликса Эдмундовича.

— За первые десять лет,— вспоминает Ежи Дзержинский,— мы экспортировали около 200 крупных промышленных предприятий и свыше 800 небольших. Среди них были заводы и фабрики, а также мосты, ангары, силосные башни, хранилища для горючего, мельницы и т. д. Все это поставлялось во многие страны, практически на все континенты, кроме Австралии и Антарктиды.

Главный вид экспорта среди промышленных объектов — сахарные заводы. Польша начала их строить за рубежом еще до первой мировой войны. И первый сахарный завод в Европе был построен тоже на польской территории, в 1803 году.

— Вас интересует, что мы строим для Советского Союза? — спрашивает Ежи Дзержинский.— Прежде всего я хочу сказать, что народная Польша благодарна Советскому Союзу за помощь при строительстве металлургического комбината Новая Гута, Дворца науки и культуры в Варшаве и многого другого. Что же касается нас, то народная Польша начала поставки комплексных промышленных объектов в Советский Союз в 1957 году, когда мы построили у вас завод по производству ячеистого бетона.

С тех пор за восемь лет Польша поставила в Советский Союз 77 предприятий восьми различных типов. Общая их стоимость составила 115 миллионов рублей. Среди них заводы ячеистого бетона, сахарные заводы, холодильники для фруктов.

Советский Союз занимает 25 процентов общего объема зарубежных связей ЦЭКОПа.

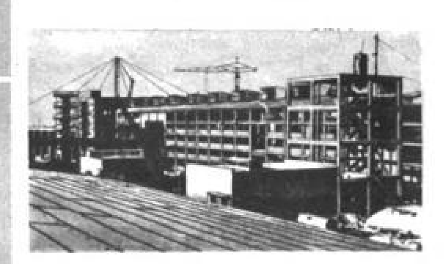
— Ваша страна,— говорит Ежи Дзержинский,— очень удобный заказчик. Она просит много комплектных заводов. Нам приятно выполнять такие заказы. Мы изготовляем такие предприятия поточным методом, а он, как известно, очень экономичен.

Кроме Советского Союза, «мистер Цэкоп» поставляет промышленные объекты во многие другие страны. Ежи Дзержинский показывает мне письма из Венгрии, Югославии, Объединенной Арабской Республики, Индии, в которых выражается благодарность за поставку польских промышленных предприятий.

Вместе с Советским Союзом мы поставили в ОАР трубопрокатный завод и завод режущих инструментов, а в Иран — железнодорожные и ремонтные мастерские. В общем, как видите, деятельность ЦЭКОПа разностороння и многогранна. Мы осуществляем ее на основе взаимной выгоды. Но вместе с тем мы помогаем своим друзьям и народам развивающихся государств.

В. ПАРХИТЬКО

Сахарный завод в Греции, поставленный ЦЭКОПом.

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ

А. СОФРОНОВ

Пусть наши дорогие читатели не думают, что если я дал такое название репортажу из Англии, то речь пойдет о знаменитой шекспировской комедии, в которой есть пленительный образ лукавой и красивой Катарины, отдающей свое сердце после долгих испытаний не менее красивому и достаточно мужественному Петруччио. Но мы находимся в стране, которая дала миру гениального из самых гениальных драматургов. И, попав на родину Шекспира, уже трудно забыть и дом, в котором жил драматург, и театр в Стратфорде на Эвоне, в котором мне когда-то довелось видеть «Ромео и Джульетту».

Конечно, Джульетта по беззащитности своей натуры вряд ли смогла бы выдержать единоборство с находчивой и властной Катариной. Богиня Нике при всей ее закованности в металл все же чем-то близка Катарине. В самом деле, что только не пришлось пережить ей: похищение, шерлокохолмские поиски, возвращение в спортивное лоно и даже заточение в сейф в одном из лондонских банков! А для чего? Все для того, чтобы попасть в конце концов в руки одной из футбольных команд, то бишь двадцати двух Петруччио, которые после всех треволнений и ухищрений увезут богиню, трепеща от радости, за океан или оставят ее в Европе... Но в какой стране? К счастью, мы не можем ответить на этот вопрос. Как в доброй комедии с хитросплетенным сюжетом, еще неизвестно, кто завладеет сердцем коварной богини Нике. А раз так, то все рассчитывают на ее благосклонность. Перефразируя Ломоносова, можно сказать, что надежды юношей питают, отраду старым подают. Юноши сражаются на зеленых полях, а старцы, сидящие на трибунах (да и не только старцы), рассчитывают, что юноши из их команд самые ловкие, техничные и сильные.

Один молодой, но уже вышедший из футбольного возраста спортивный комментатор, сидя со мной рядом, перед началом матча Италия — Чили сказал:

— Каждый такой матч — это хорошая театральная премьера, с той только разницей, что премьера повторяется несколько раз, а затем вы этот спектакль можете посмотреть, если пожелаете, не раз и не два, а игру еще раз не увидите. Так что думайте, уважаемый комедиограф, что ценнее.

Сидя на стадионе Сандерленда, я готов был согласиться с этими доводами, ибо то, что предшествовало матчу чилийцев и итальянцев, напоминало мастерски поставленное и разыгранное действо. Еще днем, бродя по тихим улицам Сандерленда, мы вдруг услышали свистки и дробный звук трещоток. Продавщицы выбегали на улицу. В чем дело? Что случилось? Продавщицы выбегали и останавливались у витрин наподобие улыбающихся манекенов. Посреди улицы под частой сеткой дождя, безуспешно пытавшегося охладить пыл болельщиков, шла колонна итальянцев. Они шли, размахивая национальным флагом, и дудели в рожки, и с завидным усердием вертели трещотки и кричали: «Победу Италии!» Их соломенные шляпы были обтянуты лентами, вобравшими в себя цвета национального флага. Все это происходило за несколько часов до матча. А на стадионе все повторилось в десятикратном размере. На всех четырех трибунах над головами зрителей металось множество итальянских флагов. Гудели рожки и трубы, как огромные барабаны в чугунолитейных цехах, грохотали трещотки. Три трибуны были крытые, дождь не очень волновал зрителей. Но и на четвертой, где словно возле коновязи стояли у барьера любители футбола, все было то же, что и вокруг. Все гудело, кричало, свистело, грохотало, оглушая инакомыслящих, чувствующих себя засыпанными в длинный деревянный ящик стадиона с открытой крышкой.

А вы говорите — футбол. Театральное массовое представление с сотнями действующих лиц — вот что это! Да что с сотнями! С тысячами! В Сандерленде собралось несколько тысяч итальянских болельщиков, и каждый из них чувствовал себя главным действующим лицом. Чилийцев на трибунах было не так уж много. Их флаги и их голоса тонули в море итальянских страстей. И когда на поле выбежали итальянская и чилийская команды, вся психологическая подготовка была уже сделана. Итальянцам оставалось немного — выиграть,— и они это сделали.

Игре сопутствовало немало происшествий. Известно, что чилийские болельщики, провожая свою команду из Сантьяго, насильно внесли в самолет еще одного нападающего, а взамен его высадили из самолета третьего вратаря. И вот перед матчем с итальянцами оказалось, что у одного из чилийских вратарей в предварительных играх повреждена рука. Вратарь Оливарес тоже был не в самой высокой спортивной форме: у него что-то не в порядке было с ногой, и его усердно лечили. А третий вратарь — в Сантьяго. Вот вам весьма некомедийная ситуация. Как говорится, другой жанр. Вратарь чилийцев вышел на поле под 13-м номером. Я не знаю, может быть, в Латинской Америке люди не слишком суеверны, но в Англии есть город, где нет домов под тринадцатым номером. Одним словом, ничего хорошего день 13 июля не предвещал чилийцам. На 10-й минуте Маццола с подачи Баризона забил первый гол. Читатели могут себе представить, что делалось в это мгновение на трибунах. К чести чилийцев надо сказать, что они не пали духом. Зрители, захваченные красотой игры, затихли, и все время слышалось громогласное слово «Аванти!». Чилийские футболисты играли в основном мелкими, но точными пасовками, весьма успешно держали в своих ногах инициативу в центре поля, но приблизиться к итальянским воротам не могли. Несмотря на прекрасную игру Санчеса, доставившего нашей команде в Чили много неприятностей, ворота итальянцев так и не были взломаны ни в первом, ни во втором тайме. Одного из чилийских игроков унесли на носилках, но через некоторое время он снова выбежал на поле. При всей видимой легкости и даже ажурности игры физические затраты были сделаны большие как с одной, так и с другой стороны.

...В конце матча, словно очнувшись от сна, итальянские болельщики снова закричали «Аванти!». Наверное, именно это и оказало влияние на футболистов. Баризон выбрал момент, когда вратарь с 13-м номером оказался далеко впереди от своих ворот, и пушечным ударом забил второй мяч. Через две минуты швейцарец Динст, энергично судивший всю игру, дал свисток. Спектакль был окончен. Я не оговорился, именно спектакль, потому что футболисты и одной и другой команд играли артистично. Мы смогли оторвать свои тела от узких скамеек и направиться к выходу. Дождь лил по-прежнему. Но итальянцы не обращали на него никакого внимания. Они лихорадочно глотали кока-колу и восторженно хлопали друг друга по плечу.

Вместе с писателем Юрием Трифоновым мы молча пробирались через толпу болельщиков. Нам надо было попасть в ресторан «Локарно», где хозяева чемпионата устроили прием в честь советских журналистов. Найти этот ресторан оказалось нелегким делом. Мы обратились к полицейскому. Молодой розовощекий парень в черном шлеме и черной дождевой накидке предложил вывести нас к ресторану. Дорога оказалась длинной. Мы разговорились с розовощеким полицейским, узнали, что он недавно женился и очень рад этому обстоятельству. Он рассказал подробности о себе, в частности, что полицейскими могут быть люди мужского пола, высокого роста. И о том, что он в месяц получает 55 фунтов, что окончил специальную школу.

Так, отряхиваясь от надоедливого дождя, мы подошли к углу, за поворотом которого, сверкая разноцветными огнями, высилось здание ресторана «Локарно». Мы от всей души поблагодарили розовощекого полицейского за любезность, на что он ответил: «Рад был помочь тем, чья команда выиграла сегодня на футбольном поле моего родного города». Нам, естественно, не хотелось брать чужую славу на свои плечи, и мы ответили доброму малому, что мы не итальянцы, а русские.

— Из Москвы? — с некоторой оторопью спросил нас провожающий.

— Да, из Москвы.

— Это тоже неплохо,— сказал он и, откозыряв нам, остался стоять на углу.

В ресторане «Локарно» мы узнали, что Франция с Мексикой сыграли вничью — 1 : 1, Аргентина выиграла у Испании — 2 : 1, а Венгрия проиграла Португалии — 1 : 3.

Через день предстояла встреча в Ливерпуле между командами Бразилии и Венгрии. И мы решили покинуть Сандерленд и отправиться в Ливерпуль. Игра между Венгрией и Бразилией должна быть интересной. В самом деле, венгры, проиграв португальцам, должны сражаться за победу. Бразилия не без труда вырвала победу у болгарской команды, и ей тоже важно укрепить свой авторитет.

Для того, чтобы от берега Северного моря добраться до побережья Атлантического океана, надо пересечь всю Англию поперек. Но здесь, в Англии, наше дело как раз и заключается в том, чтобы ездить с матча на матч, смотреть футбол и писать о нем. А писать о нем сейчас нелегко: в нынешний век техники, когда в каком-нибудь донском хуторе по телевизору отлично видно, что происходит сейчас на английских стадионах, потерялось в зна-

Окончание на стр. 26—27.

И. И. Недбальский.
Фото А. Дитлова.

Современная должность

А. ЩЕРБАКОВ

— Вы говорите об эволюции профессий.— Сергей Тимофеевич Моисеенко, начальник Главного управления лесного хозяйства при Совете Министров БССР, охотно принял приглашение к философскому разговору.— Эволюция бесспорна. Правда, в разных сферах труда она разная... Извозчики исчезли совсем, их место заняли шоферы такси; землекоп бросил лопату и взялся за рычаги экскаватора; глашатай перешел с площади в радиостудию... И в нашем деле есть движение. Суть его не только в том, что лесные люди уже не темные мужики, обитающие в глуши и не имеющие никакого представления о цивилизации. Хозяйство ведем по-современному, и нам нужны не просто знатоки леса, а специалисты, причем разносторонние, сведущие в механизации, биологии, экономике, химии... Хотите цифры? До войны в Белоруссии в системе лесного хозяйства работало двести с небольшим специалистов с высшим образованием; теперь — больше тысячи... Такова эволюция.

Он открыл ящик стола, намеревался достать какие-то бумаги, но передумал и закрыл.

— Да, еще. Всегда считалось, что лесничие, лесники — народ замкнутый. Так чаще всего и было. А сейчас вряд ли найдете такого, чтоб он не втянулся в общественную деятельность. Время втянуло. Течение века... Впрочем, убедитесь сами. Советую, познакомьтесь с Недбальским. Лесничий наш. Интереснейший человек!

Я познакомился.

* * *

Мы ехали с ним и с лесотехником Лосем на подводе и, чтоб не спугнуть чуткую лесную тишину, разговаривали вполголоса.

— Вон утки полетели.— Лесничий показал кивком головы на двух птиц, бившихся крыльями о низкие облака.

— Охотник сейчас не удержался бы, пальнул,— отозвался лесотехник и сердито дернул ременные вожжи, видимо, вспомнил кого-то из чересчур увлекающихся владельцев огнестрельного оружия.

— Умный бы не выстрелил,— возразил лесничий,— не время сейчас уток бить... Неумный, тот бы не посчитался... Между прочим,— обратился он ко мне,— я убедился, что в лесу и вообще на природе человек раскрывает свою натуру откровеннее, чем где-либо. Тут сразу видно, какой он — добрый или злой, жадный или щедрый, завистливый или бескорыстный. Можно почти безошибочные характеристики составлять. Тому, кто сломал дерево, гнездо птичье разорил, подстрелил живность какую-нибудь ради забавы, пиши смело, что звания настоящего гражданина Отечества недостоин.

Утки скрылись. Лесничий посмотрел им вслед, задумался на мгновение, что-то припоминая.

— Я в Молодечненской области несколько лет назад работал, был у нас там лесник, охотник знатный. Жил возле озера, уток держал. Лиса пронюхала и повадилась одно время чуть ли не каждый день за утятиной... Старик ворчал, проклинал воровку. «А чего не застрелишь ее?» — полюбопытствовал как-то я. «Застрелить хоть сегодня могу, все про нее знаю, только нельзя сейчас — у нее лисята малые, худо им без нее будет... Пусть подрастут...» «Зачем же хищников щадить?» «Так ведь лиса — мать!» Спорили, спорили, так и остался каждый при своем мнении. Понравился мне старик со своим умным, возвышенным, я бы сказал, отношением к природе.

Проехали мимо питомника. Недбальский тут же заговорил о выведении новых пород деревьев, о нуждах лесной науки, о судьбе молодых наших лесов. Сразу пришли на память слова Антона Павловича Чехова о талантливом человеке, который посадит деревце и уже загадывает, что будет от этого через тысячи лет, уже мерещится ему счастье...

А Иосиф Иосифович продолжал:

— Нашему брату лесничему нынче сложно. Знать много надо, забот тьма-тьмущая, хозяйство-то необъятное — тысячи гектаров. Да если б только гектары...

И лесничий вдруг заговорил совсем не о лесе:

— Я считаю воспитание хозяйского отношения к природе одной из главных своих задач. Мы отвечаем за ту долю национального богатства страны, которая уже сейчас доступна всем. У нас на глазах человек проверяется на коммунистичность сознания—умеет он распоряжаться общим богатством или нет. Если не умеет, мы, разумеется, не одни, работники лесничеств, обязаны учить. Особенно молодежь, кому принимать от нас все, чем богато Отечество! Вот тут и залегает пласт общественной работы.

Он сделал паузу. Наверное, ждал вопроса: ну как, взялись? Однако упредил вопрос, ответив:

— Пытаюсь!

...Их собралось тогда человек двенадцать ребят и девчонок из школы-восьмилетки в Большой Слепке. Иосиф Иосифович водил их по лесу, и кварталы, которые он показывал им до этого на карте лесничества, оживали перед ними то стайкой юных березок на веселом взгорке, то лесным озерцом в предвечерней дремоте, то неведомо куда убегающей стежкой, то семейством маслят, нерасчетливо облюбовавшим совсем открытую поляну. Как и все деревенские ребята, спутники Иосифа Иосифовича, конечно, знали, что такое лес. Но в тот день они открыли его заново и в познавательном и в поэтическом звучании. Вот эти деревья... Прежде мимо них пробегали, не обращая внимания. Оказывается, их называют экзотами, потому что они привезены из далеких лесов, с других широт. А костры на просеке... Это сигналы, зовущие нашу химию поспешить на помощь лесу, чтобы не пропадали зря ни отрубленная лапка хвои, ни охапка корья, ни сухие сучья.

Лесничий останавливался у сосенок и объяснял, как определить их возраст; учил распознавать болезни деревьев, перечислив, сколько ценного сырья дает народу лес. Будто между делом, вспомнил он, как школьники из Боровлянской школы помогли леснику Артему Ползуну потушить страшный лесной пожар. А следом вдруг прочел на память из Леонида Леонова:

«Было бы неблагодарностью не назвать и лес в числе воспитателей и немногочисленных покровителей нашего народа. Точно так же, как степь воспитала в наших дедах тягу к вольности и богатырским утехам в поединках, лес научил их осторожности, наблюдательности, трудолюбию и той тяжкой, упорной поступи, какою русские всегда шли к поставленной цели. Мы выросли в лесу, и, пожалуй, ни одна из стихий родной природы не сказалась в такой степени на бытовом укладе наших предков... Еще круглее будет сказать, что лес встречал русского человека при появлении на свет и безотлучно провожал его через все возрастные этапы: зыбка младенца и первая обувка, орех и земляника, кубарь, банный веник и балалайка, лучина на девичьих посиделках и расписная свадебная дуга, даровые пасеки и бобровые гоны, рыбацкая шняка или воинский струг, гриб и ладан, посох странника, долбленая колода мертвеца и, наконец, крест на устланной ельником могиле. Вот перечень изначальных же русских товаров, изнанка тогдашней цивилизации: луб и тес, брус и желоб, ободье и мочало, уголь и лыко, смола и поташ. Но из того же леса текли и побарышнее дары: пахучие валдайские рогожи, цветастые рязанские санки и холмогорские сундуки на тюленевой подкладке, мед и воск, соболь и черная лисица для византийских щеголей...»

Его слушали с удивлением и восторгом, относя то и другое и к нему, читавшему очень искренне и очень вдохновенно, и к писателю, талантливо помножившему высокую поэзию на глубину истории и на страстность философии. Недбальский не мог читать иначе, потому что все — и то, что вспомнил из книги о русском лесе, и то, что видел в тот момент вокруг,—было частицей его бытия, даже не частицей, нет, главным его содержанием...

...Он родился в семье лесного объездчика. Воздух, который он вдохнул, едва появившись на свет, был лесным воздухом; первая музыка, которая донеслась до его слуха, была музыка леса; первые его дороги начинались и кончались в лесу. Он рос и учился понимать душу леса, разгадывать его тайны. Иногда разгадка тайны оборачивалась открытием. Так, уйдя мальчишкой в партизаны, он открыл для себя, что лес, недавно мирный и как будто совсем беззащитный, становится, когда нужно Родине, и крепостью, и первой траншеей, и госпиталем, и арсеналом, и убежищем для пострадавших от карателей,— словом, всем, что предусмотрено в огромном и сложном хозяйстве войны.

Солдатская доля заносит Иосифа Недбальского в дальние дали, в чужие края. Случалось, подолгу не видел, не слышал леса. Тогда тосковал, как тоскуют моряки, разлученные с морем. После службы все решилось само собой: вернулся в свою Белоруссию, окончил лесную школу в Борисове, лесной техникум в Полоцке, а позже лесотехнический институт; в промежутках работал в лесхозах. Так вот и пролетела дорога через жизнь — прямая и ясная, как просека в знакомой роще.

...Вылазка с ребятами в лес укрепила Недбальского в мысли, что школьное лесничество, его большая, давняя и беспокойная мечта,— дело реальное. Желание подружить с лесом, он убедился, у ребят проснулось. Остальное зависит от него и от педагогов. День спустя он сидел в директорском кабинете. Вместе с директором школы Николаем Васильевичем Яцкевичем и учительницей биологии Ольгой Николаевной Гернович он обсудил все, начиная с повязок для патрулей и кончая принципами, которые должны лечь в основу воспитания у школьников чувства любви к природе, чувства ответственности за зеленый капи-

тал страны. Обсудили. Поспорили. Пришли к наилучшему варианту. А в прозрачный денек вездесущий самолет лесной охраны сбросил на поляну, где собрались ученики, оранжевый вымпел: Главное управление лесного хозяйства республики поздравляло школьное лесничество с днем рождения.

С того дня прошло около двух будничных, но вовсе не серых лет. Лесничество получило отход в 125 гектаров. Огромный массив в трудной пригородной зоне. Уход, патрулирование летом, а зимой помощь бедующей птичьей братии; закладка питомника, сбор шишек на семена... Дело поставлено солидно: штаб, лесничий, его заместитель, специальная комната в школе (тесно, а для лесничества выкроили!), где на самом видном месте лист ватмана со словами «Хорошие леса есть показатель культурного уровня целого народа».

Уже складываются свои традиции, передаются по наследству. Уходят выпускники, штат пополняется в основном за счет пятиклассников. А с первого по четвертый сотрудничают внештатно.

Растить лес и воспитывать людей... Как, в сущности, схожи два эти призвания! А занятия с ребятами очень напоминают хлопоты в питомнике, когда лесничий— человек, наделенный мудростью и опытом, терпением и нежностью,— пестует, выхаживает и бережет будущий лес... Его радует каждый новый листочек и солнечный луч, согревающий землю вокруг молодых деревцев, и энергия, с какой они тянутся в заманчивую для сильных высь. А в работах — накапливающаяся и вдруг прорывающаяся дерзко и резко жадность к самостоятельности.

Всем этим, по наблюдению Недбальского, наделен Генка Шманай. Его и предложил Иосиф Иосифович в лесничие. Многие педагоги, узнав, удивились. Шманай... Он не укладывается никак в рамки педагогики — своевольный, колючий; полистайте дневник, не раз наткнетесь на тройки... Да и вообще какая нужда?! Мало, что ли, прилежных, безупречных ребят! А у Недбальского свои доводы: в лесу парень преображается, любые задания выполняет играючи, чем больше доверяешь, тем больше старается; выбрать лесничим—почувствует ответственность и в школе подтянется. Риска в конце концов никакого, не оправдает доверия — заменим. Ольга Николаевна, на удивление всем, поддержала Недбальского. Чашка весов медленно склонилась в Генкину сторону. Он стал первым лесничим в школе, правой рукой Иосифа Иосифовича.

Двое лесничих... Каких вещей они только не напридумывали! Тайник в лесу, где хранится книга рапортов, приема и сдачи дежурств, и сама романтика ритуалов — их выдумка; связные, что ходят в большое лесничество,— тоже; сборы по тревоге, когда нужна экстренная помощь леснику,— тоже... Они придумали форму для патрулей, обряд приема в лесничество; их идея — посадить аллею, когда отмечали 90-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Недбальский брал с собой Гену в дальние обходы, учил делать чучела птиц, давал читать книги о лесе. Генкин авторитет в школе рос, учителя в один голос говорили: не узнаем мальчишку! Недбальский улыбался: «Лес благодарите, его заслуга...»

Вот что значит время! Когда-то люди уходили в лес, чтобы пореже видеть друг друга, поменьше общаться с миром. А тут, наоборот, рождается коллективизм, а где коллективизм, там непременно формируются борцы.

...Разговор возник совершенно неожиданно для отца. Трудный, по-взрослому сложный разговор.

— Я не хочу, чтоб ты торговал елками! Слышишь? Мне стыдно! — Дочь, назовем ее Нюрой, пыталась удержать голос на твердых нотах, но он срывался, вот-вот польются слезы и смоют всю твердость...

Отец молчал.

— У нас весь класс записался в школьное лесничество... Я тоже. Договорились следить, чтоб никто не рубил елки без разрешения. Тебя вспоминали. Я дала слово, что поговорю с тобой... Как я пойду в школу, если ты не послушаешь и все узнают, что опять торговал елками в городе! Как?!

Он тяжело зашагал к окну, остановился, посмотрел на улицу, где по-декабрьски вольготно устраивалась холодная ночь.

— Я же знаю, что ты надумал идти; санки в сенях приготовил, топор...

— Собирай ужинать, лесничество!.. Лесничество такое разогнать стоит, которое отцу родному поперек дороги становится... Учились бы, а куда не надо, не совались...

И вышел.

«Пойдет или нет?» Отец постоял на крыльце, вернулся. «Пойдет! Дождется, пока лягу спать, и пойдет...» Дочь долго не засыпала, а утром первым делом выскочила в сени. Салазки стояли так же, как вчера, там же лежали топор, веревка. «Не ходил! Ура! Согласился!»

...Пятый класс торжествовал. А когда уже в январе оценивали все, что сделали школьники в канун Нового года, Ольга Николаевна сначала похвалила Нюру, а потом уже всех остальных: кто дежурил в лесу и помогал лесникам проверять документы у приехавших за елками; кто записывал на шоссе номера подозрительных грузовиков; кто следил за любителями елок в своем поселке. За операцию «Новый год» школьное лесничество получило пять.

...Кто больше всех повлиял на школьницу, которую я назвал здесь Нюрой? Иосиф Иосифович, Ольга Николаевна, Гена? Нужно ли искать ответ? Нет. Так же, как и на вопрос о будущем Гены, Нюры—свяжут ли они свою жизнь с лесом, подобно Иосифу Иосифовичу, или выберут иное занятие...

— Я, например, не ищу. Дело в конце концов не в этом,— считает сам Недбальский.— Любовь к природе они пронесут через все годы и, не сомневаюсь, постараются передать ее всем, кого встретят на пути. Это и есть самое главное.

...Недавно мы встретились с Недбальским снова. Не успели поздороваться, а он уже делится радостью:

— Еще в одной школе лесничество организовали!

— Значит, поддается пласт!

— Поддается!

Я слушал его и думал: пласт-то поддается потому, что человек понимает свою должность как самую современную. Понимает разумом. И чувствует сердцем.

ОТ ВИНТОВОК К ТЕТРАДЯМ

26 июля поет и танцует вся Куба, от Гаваны до Сантьяго. 26 июля по всей стране гордо реют сине-бело-красные флаги со звездой. На кубинскую землю приходит праздник.

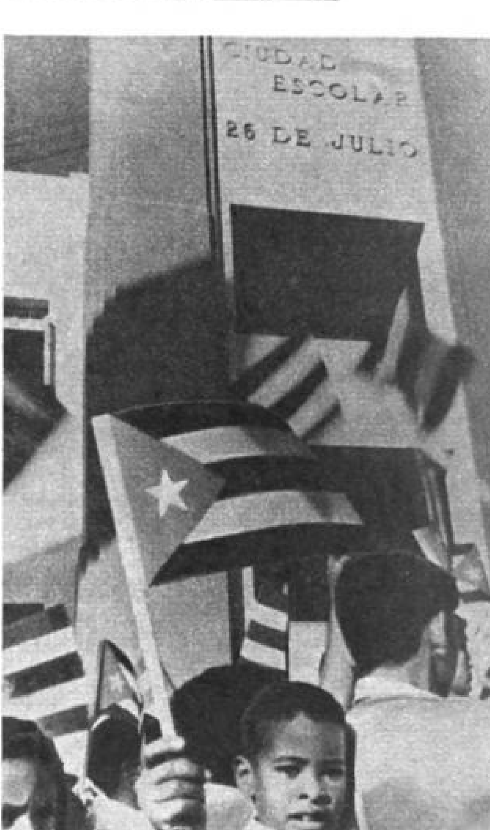
Тринадцать лет назад в этот июльский день в городе Сантьяго горстка храбрецов — около ста пятидесяти человек — бросилась на штурм казарм Монкада. Во главе патриотов стоял молодой двадцатишестилетний адвокат Фидель Кастро. Стянутые правительством Батисты войска нанесли поражение повстанцам. Бо́льшая часть их погибла в неравном бою. Остальные были взяты в плен и отданы под суд. «За восстание против конституционных властей государства», по законам диктатора Батисты, им грозило долгое тюремное заключение. И тогда на всю Кубу прозвучала речь Фиделя— не защитительная речь, а слово обвинителя. «Кто... сказал,— гремел его голос, который с тех пор слышали на всех континентах планеты,— что мы организовали восстание против конституционных властей государства? ...Диктатура, которая угнетает страну, не является конституционной властью». В своей пламенной речи Кастро предсказал, что придет время, когда казармы Батисты будут превращены в школы.

И бывшие казармы Монкада действительно стали школьным городком имени 26 июля, в котором в прекрасных условиях размещены тысячи детей. Казармы Монкада стали исторической достопримечательностью и одновременно местом, где растут и учатся новые граждане Кубинской Республики. Что другое может лучше символизировать смысл и силу кубинской революции!

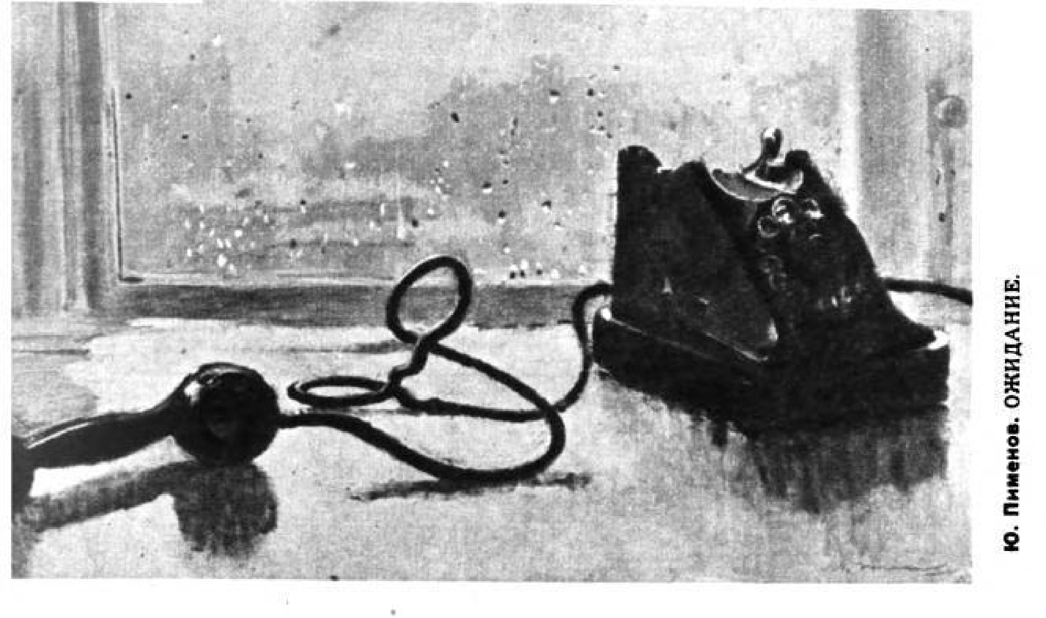
«Куба — свободная территория Америки»— эти слова встречают гостей Кубы в гаванском аэропорту. Да, подлинная свобода, о которой народы большинства стран Америки еще только мечтают, пришла на этот остров. Куба, первая социалистическая страна западного полушария, стала маяком истории для всего американского континента.

Казарма Монкада после нападения патриотов 26 июля 1953 года.

Теперь здесь школьный городок имени 26 июля. Там, где за свободу своей страны сражались герои Кубы, учатся дети.

Ю. Пименов. ОЖИДАНИЕ.

ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Д. ШМАРИНОВ,
действительный член Академии художеств СССР

Шла развеска картин на последней академической выставке. Я задержался у новых небольших полотен Юрия Ивановича Пименова, как всегда, наполненных живым ощущением реального сегодняшнего дня.

Наблюдательным глазом умного и доброжелательного человека следит Пименов за своими героями. И в каждой работе художник находит новую тонкую поэтическую завязку.

Юрий Пименов обладает драгоценной способностью увидеть и раскрыть непреходящую красоту и смысл самых повседневных явлений действительности, мимо которых большинство людей проходит, не задерживаясь.

Эта увлеченность жизнью, переполняющая работы художника, и делает его искусство таким притягательным для нашего зрителя.

А. В. Луначарский писал однажды о Ренуаре, что этому художнику было присуще всегда одно и то же настроение и «это настроение было — счастье». И в конце статьи Луначарский спрашивает: «Неужели этого мало?»

...1924 год. В Москве, на Тверской улице (ныне улица Горького), открылась «Первая дискуссионная выставка объединений активного революционного искусства». Здесь были представлены произведения нескольких групп самых разных творческих направлений. Пименов входил в «объединение трех» вместе с А. А. Дейнекой и А. Д. Гончаровым.

Сейчас уже трудно себе представить, какие страсти бушевали на этой выставке, какие яростные споры шли около произведений и как шумно обсуждались пути и направление, по которому должно развиваться молодое советское искусство.

Юрий Пименов, человек сдержанный и мягкий, всегда был убежденным и горячим борцом за свои идеи в искусстве.

Конечно, молодость брала свое, и авторы полотен и теорий порой гоняли тряпичный мяч в зале выставки, благо было много места и мало посетителей. Естественно, что позже Юрий Пименов, как и многие другие участники выставки, более трезво оценивал свои первые шаги в искусстве. Но мне хотелось бы отметить, что и те ранние произведения художника не были отходом от действительности — это был настойчивый поиск художественной формы, с помощью которой надо было рассказать так много о жизни, о новой, советской действительности. И этот активный поиск помог талантливому художнику позже обрести глубоко своеобразное, самостоятельное и точное вйдение действительности. Его неустанное наблюдение за жизнью, за ее бесконечно изменчивыми и разнообразными явлениями помогло Пименову найти себя, свою тему, свой художественный язык.

Как многие его сотоварищи по «Обществу станковистов» («ОСТ»), Пименов много работал для периодической печати. У меня сохранились старые журналы 20-х годов, где его работы напечатаны рядом с моими первыми графическими опытами. Этому периоду творчества художника была свойственна некоторая резкость, форсированность характеристик, заостренность и повышенная экспрессия формы. Но в начале 30-х годов эмоциональный строй его произведений постепенно меняется. В них начинает звучать более мягкая, поэтическая нота. А затем именно это звучание, как мне кажется, и определило характер всего творчества художника. Вот тогда-то впервые в его произведениях появляется ощущение счастья, светлые образы юности, неисчерпаемая тема Москвы. Юрий Пименов нашел свой путь в искусстве и остался верен ему всю свою творческую жизнь.

Но эта верность своей теме никогда не делает его искусство однообразным, монотонным. Вспомним работы художника, созданные в годы Великой Отечественной войны: одинокая женская фигура с рюкзаком на пустынной, залитой осенним дождем платформе; женщины и дети, обрабатывающие землю на подмосковных пустырях под скупые военные урожаи картошки; следы танковых гусениц на заснеженных дорогах дачного Подмосковья...

Военные годы сделали искусство Пименова еще более глубоким и человечным.

Одна сторона его таланта мне представляется особенно интересной — это его натюрморты. Он сумел расширить мир живописи, обращаясь к вещам, которые еще не удостаивались внимания художника.

Все предметы существуют для Пименова не сами по себе, а только в глубокой взаимосвязи с человеком. И в своих натюрмортах художник так очеловечивает мир вещей, так сюжетно строит тему натюрморта, что зритель, рассматривая картину, обязательно размышляет около нее, дополняет и домысливает ее сам.

Кажется, ну какой повод для размышления может дать натюрморт? А вот натюрморты Пименова дают большой простор для творчества зрителей. Это очень современные работы, современны они своеобразным пластическим решением, современно их сюжетное решение с помощью современных вещей, современно и то, что интеллект художника дает творческий заряд зрителю.

В натюрмортах Пименов как бы осмысливает окружающие нас вещи, и мертвая природа оживает, когда о ней говорит подлинный художник. Благодаря поэтизации самых прозаических предметов он обращает ваше внимание на вещи, мимо которых вы равнодушно проходили, и оказывается, что они вам многое могут сообщить. Натюрморты Пименова — это поэтическая повесть о людях. Он создал натюрморт, который не менее жанра отражает жизнь.

Один из самых поэтических натюрмортов — «Ожидание». За окном дождь. Капли на стекле. Перед окном телефон, снятая трубка лежит рядом. Вот, собственно, и все. Но напряженную тоску ожидания ощутит каждый, кто посмотрит на это произведение. Может быть, просто хозяйки нет дома, может, сняли трубку, чтобы больше не раздался звонок... А на другом конце провода ждут...

«Одежда на вешалке» — кажется, что тут писать? Куртка, штаны, плащ. Но удивительным дарованием своим Пименов и в этом умеет рассказать вам о трудовой жизни семьи. И получается, что это не маленький натюрморт, а большая, значительная картина о жизни веселых, молодых людей, легких на подъем, много ездящих и не боящихся никакой работы.

Пименов действительно современный художник. Это драгоценное чувство сегодняшнего дня буквально пронизывает все созданное им, будь это картина или рисунок, книжная иллюстрация или театральная постановка. И, когда, проезжая по просторным районам новой, строящейся Москвы, мы встречаем оживленную группу молодежи, невольно возникает мысль: совсем как на картине Пименова!

...Новые строения, временные мостки вместо тротуара, весенние лужи, милая веселая молодежь... Все говорит вам, что вы должны ценить радость, данную жизнью.

И «неужели этого мало»?

НА НАШИХ ВКЛАДКАХ

...Четыре картины с последней академической выставки. Четыре новеллы о Москве. Четыре документально-образных свидетельства наблюдательного художника, каждое из которых вызывает ассоциации, далеко выходящие за рамки этих картин.

Настойчивый интерес художника к жизни бурно растущих предместий столицы легко понять. Здесь все ново: поднимаются новые дома, приезжают новые люди, складываются новые отношения. Здесь на каждом шагу тоскует по острому, умному глазу художника пока еще никем не замеченная, непонятная, безвестная красота.

...«Перед танцами». Три подруги остановились на минутку возле клубной афиши. Сегодня — танцы. Пока девушки на картине Пименова прихорашиваются, оглядывают друг дружку, вспомните-ка, товарищи, давно и недавно перешедшие тот возрастной рубеж, когда слово «танцы» много значило в вашей судьбе. С каким вдохновенным старанием наглаживались и начищались вы перед танцами! Какие счастливые встречи грезились вам!

В жанре «Перед танцами» современнейший по духу своего творчества советский художник Пименов, кажется, настроен полемически. Разве девушка с зав-

Ю. Пименов. КУСОК СТЕКЛА.

Ю. Пименов. РАННИЕ ЗРИТЕЛИ.

трашней улицы, статная и нарядная, не достойна того, чтобы о ее приготовлениях к очень важному в ее жизни вечеру у сегодняшнего художника или писателя нашлись бы слова такие же живые и достойные прекрасного современника?

...Городское кафе. Обеденный час. Сюда дружной стайкой каждый день в одно и то же время забегают девушки из магазина. Четыре девушки в синих форменных платьях на картине Ю. Пименова в центре внимания посетителей кафе. Взгляд зрителя влечет к себе, так же как в свое время остановило на себе взгляд художника, яркое цветовое пятно. Четыре девушки из магазина — словно одно целое. Заметьте: каждый сам по себе, и только девушки из магазина — юные москвички с похожими биографиями и разными характерами — все вместе. Это полотно написано с пименовским колористическим изяществом. В нем есть чему порадоваться глазу: это и трогательное разнообразие четырех головок наших героинь, это и золотисто-жемчужная гамма с растворенным в ней красивым фиолетовым тоном, в которой написана раздатчица в окружении судков и тарелок, это и открывшийся, будто невзначай, из-за спины посетителя в зеленом пиджаке звучный натюрморт на буфетной стойке.

«Художник должен быть постоянно внимательным и тонким наблюдателем жизни. У него не все сразу пойдет в дело, но он должен постоянно быть готовым увидеть главное. Это — большое напряжение и большой труд»,— признается Юрий Иванович Пименов.

Ежедневно и ежечасно открывать красоту в обыкновенном совсем не просто. Равнодушному взгляду все вокруг кажется обыденным. Художник помогает человеку увидеть поэзию простого. «Можно быть лириком и романтиком обыкновенного, можно найти в нем эпос и трагедию»,— пылко утверждает Пименов и в своих блестящих по содержанию и языку книгах и своими картинами — искусством современного живописного жанра.

...Театр. «Ранние зрители». Как все интересно, как волнующе ожидание!

Трогательные, устремленные вперед детские лица, нарядные, пышные оборки и банты, красный бархат кресел и неожиданно ворвавшийся в пименовскую палитру золотистый цвет ложи — все удивительно гармонично в этой лирической композиции, все создает торжественность и звонкую радость.

...«Кусок стекла». Оно совершенно прозрачно, это стекло. Сквозь него в легкой белесой дымке виден зыбкий девичий профиль и монолитная толпа древних стен и куполов. Оно умно поставлено в центре этой по видимости случайной, а на деле точно выверенной композиции: задумчивость девушки и мудрая величавость соборов как бы ненароком фрагментированы, объединены светом, льющимся через прозрачный прямоугольник. Для наших дней интерес к культуре прошлого, к памятникам архитектуры столь же осознанно велик, как в тридцатые годы повсеместным было желание каждого самолично видеть большие новостройки пятилеток, как желание художника или поэта определить характерные черты новой Москвы.

Героине пименовской «Новой Москвы» через ветровое стекло автомобиля открывается перспектива зданий-новостроек обновленного Охотного ряда. «Кусок стекла», написанный в наши дни, высвечивает духовную привязанность современников к трудам далеких предков. Одним словом, речь идет о любви художника, которую, подчеркну еще раз, разделяют многие его современники, к культурному богатству. Пименов говорит о любви к древнему, пользуясь насовременнейшими средствами ассоциативной образности. Хрупкая материя стекла на хрупком девичьем плече. Кусок стекла собирает в фокус архитектурные шедевры древности; это мы должны беречь, понимать, как образцы совершенного вкуса в искусстве. Многометровые, монолитные стены исчезнут, если их не будут бережно нести через годы и столетия сознающие их непреходящую ценность люди, нести с такой же бережливой осмотрительностью, с какой поддерживают тонкие, чуткие пальцы девушки в картине Ю. Пименова кусок стекла.

Обаяние пименовского взгляда на перемены в жизни, его представление о поэзии строительной поры так велико, что теперь следом за художником, осуществляющим в последние годы цикл «Москва строится», мы, зрители, пытаемся обнаружить поэтическое начало среди взрытых колесами «МАЗов» строительных полей, когда, оказавшись в окружении новостроек, разыскиваем не обозначенный номерным знаком дом, где без году неделю живут наши друзья или родственники. Но так случается, что снова честь открытия принадлежит Пименову. Вернемся к тем же домам, без номеров: мы, поругиваясь про себя, чуть раздраженно допрашиваем всех прохожих: «Где дом такой-то?» (не видя в этом занятии ничего поэтического),— а художник в очередном жанре с доброй улыбкой знакомит нас с заботливой хозяйкой улицы завтрашнего дня, которая только что получила в жэке новенькие номера и, вся увешанная ими, деловито направляется дать имя каждому безымянному дому.

«Одна из задач искусства,— говорит Ю. Пименов,— расширять границы поэтического, улавливая то новое, что приносит время и что долго остается неосознанным и незамеченным. Искусство должно раскрывать глаза зрителю на глубокую сущность каждого дня, осмысливать и утверждать рождающуюся красоту нового». Это не декларация. Рождающейся красоте нового на протяжении трех десятилетий Юрий Иванович Пименов находит блестящее образное выражение. Художник убежден: новое лежит не в выдуманном, а в наблюденном. Москва — город, где он родился и живет,— постоянный объект его художественного исследования.

Ю. БЫЧКОВ

К 75-летию со дня рождения Бориса Лавренева

ПРОДОЛЖАЮЩИЙ ЖИТЬ

Борис Андреевич Лавренев был не просто великолепным писателем. В его личности словно воплотилась целая эпоха, сложная и подчас очень противоречивая. Все, что можно сказать о передовой русской интеллигенции, восторженно принявшей Великую Октябрьскую революцию, можно сказать и о Лавреневе, понявшем ложь богатых и правду угнетенных.

Все, что можно сказать о цвете русского воинства, никогда не отделявшего себя от народа, можно сказать и об артиллеристе, моряке, офицере Лавреневе.

Все, что можно сказать о писателях, с первого дня революции вставших на бессменную трудовую вахту советской литературы, можно сказать и о Лавреневе, который начал свой творческий путь прославленным «Сорок первым».

И давайте сегодня дерзнем назвать словами то, что давно уже звучит в душах у всех читателей: произведения Бориса Лавренева — классика советской литературы, огромнейший вклад России в золотой фонд мировых литературных сокровищ нового века. Классика... А что это такое? Может быть, жизнь в солидных томах, но не в каждодневном общении с поколениями? Думается, наоборот. Классика — это испытание временем плюс живая, немеркнущая любовь каждой новой эпохи. Именно это и присуще произведениям Лавренева, за ними голос времени и очарование молодости.

Повесть «Сорок первый»! Кто не знает суровой рыбачки Марютки, героини этой повести, застрелившей своего возлюбленного — белого офицера! Она убила свою любовь, но выполнила свой революционный долг. Нелегко и непросто далась Марютке победа над собой — это огромная трагедия, гибель личного, интимного мира. Но если нужно народу, человек должен выполнить долг. Значит, таким надо сделать мир, чтобы не нужно было подавлять личность, чтобы долг стал радостью и гармонировал с личной жизнью людей. Обо всем этом написал Лавренев еще в 1924 году.

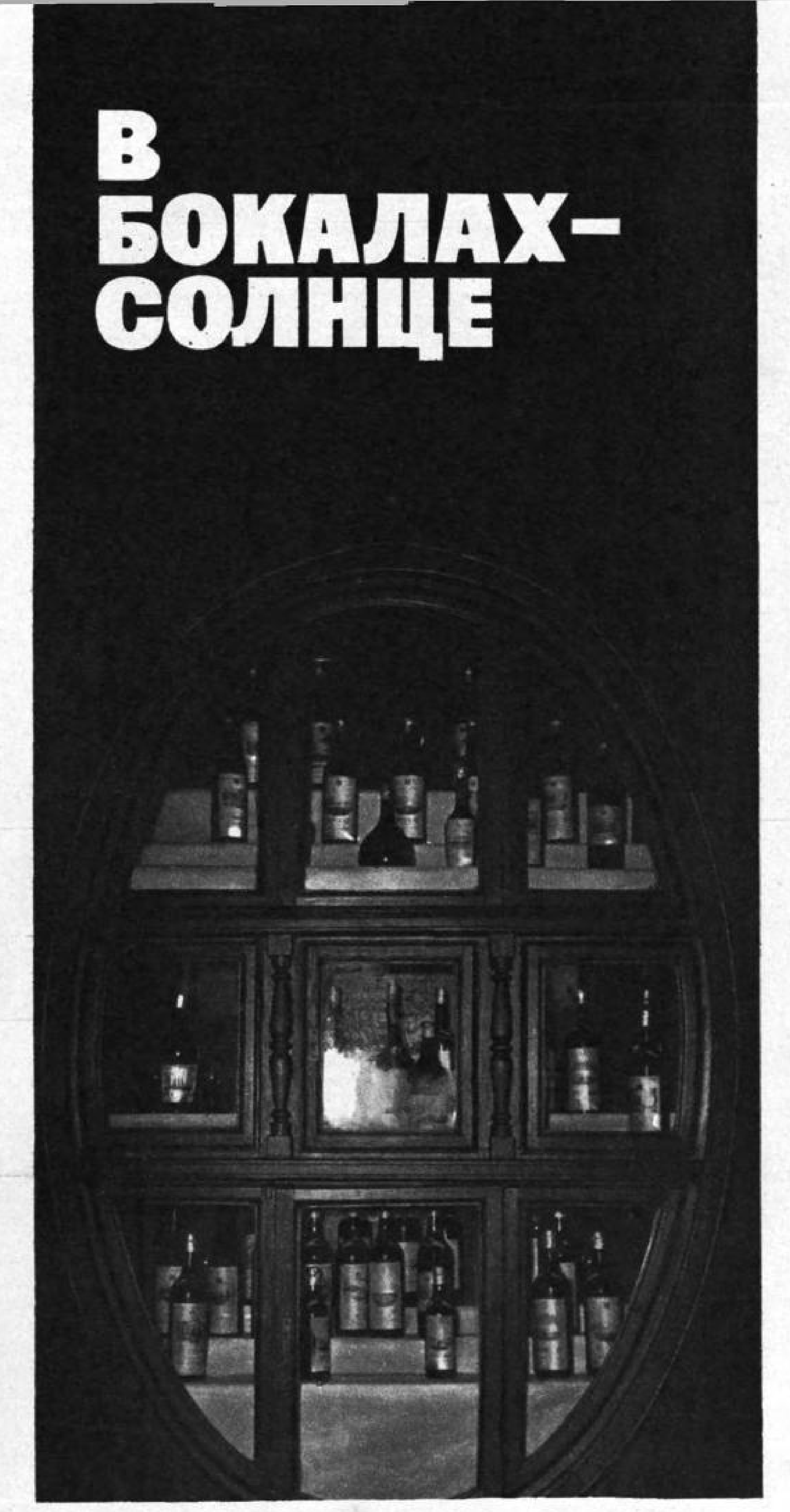
Уже давно классической, в лучшем смысле слова хрестоматийной стала пьеса Лавренева «Разлом», написанная в 1927 году. И в ней писатель исследует человеческую душу в минуты решительных поворотов истории. Матрос Годун, возглавивший матросскую массу, и капитан-дворянин Берсенев, постепенно постигающий народную правду. На разных полюсах жизни Годун и Берсенев. Один малограмотен, другой интеллектуал — человек большой культуры. Но именно они становятся друзьями, единомышленниками, потому что есть нечто более сильное, чем образование, воспитание, среда,— это чувство правды, добра, справедливости, гуманизма. Показав пробуждение к революции широких народных масс, Лавренев ставит в своей драме и другую проблему, волновавшую тогда все наше общество,— участие интеллигенции в великой перестройке мира. Все лучшее с революцией — таков итог драмы «Разлом». Разлом в мире, в душах людей, в политике, разлом, который должен завершиться гармонией,— таков нравственный и социальный смысл пьесы Лавренева. Именно этой пьесой открывалась когда-то одна из первых страниц молодого советского театра. Именно она активно шла на наших сценах во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. «Разлом» каждый раз обретал новую жизнь, и особенно яркую, активную в моменты больших переломных исторических событий...

Шли годы. Неутомимо работал писатель Лавренев. Его перу принадлежала одна из лучших пьес сороковых годов, «За тех, кто в море», и драма о рождающемся неофашизме «Голос Америки», цикл отличных военных рассказов «Встреча», «Парусный летчик», «Железный крест» и трагедия о Лермонтове. Он не переставал писать ни на один день. А за всем этим люди всегда помнили Лавренева — автора «Срочного фрахта» и «Рассказа о простой вещи», «Ветра» и «Гравюры на дереве» — произведений, составивших молодой советской литературе всемирную известность.

Не хочется ни думать, ни писать о смерти рядом с именем Бориса Лавренева. Пусть он всегда остается живым в сердцах всех подлинных любителей родного искусства. Пусть его герои, чья жизнь уже неостановима, продолжат оборванное бытие своего создателя, снова и снова приходят к людям с вестью о революции, о красоте народного духа, о том, что не зря жил и работал замечательный советский писатель Борис Андреевич Лавренев.

В. ПИМЕНОВ

В БОКАЛАХ — СОЛНЦЕ

Образцы массандровских вин.

С. МИХАЙЛОВ,
начальник планово-экономического отдела винокомбината Массандра

Фото Ю. Кривоносова.

С чего начать рассказ о Массандре? Проще всего, пожалуй, сразу показать товар лицом. Описать, скажем, какую-либо изящную наклейку с живописным пейзажем, наклейку, которая украшает бутылку с золотым, как солнце, напитком. Вот хотя бы этикетка «Муската белого Красного Камня». На ней ожерелье медалей и Серебряный Кубок — большой приз победителя в международном соревновании вин. Кстати, на предстоящих в этом году венгерском и болгарском конкурсах виноделы Массандры обязались завершить счет первой сотне наград, полученных ими в последнее время. Но не каждый, пожалуй, знает, что за таким Серебряным Кубком огромный комбинат, труд виноградарей и виноделов.

В начале прошлого века здесь, на краю заброшенной греческой деревушки, был построен небольшой подвальчик-винодельня с убогим оборудованием. Это была скромная прелюдия к сегодняшней Массандре. Потом сюда пришли талантливые русские мастера, отлично знавшие, что кремнеземные почвы придают ягодам нежность, деликатность, букет, глинистые — мягкость и полноту, известковые — огонь.

Подлинный расцвет Массандры, настоящая ее биография начались тридцать лет назад, когда по решению правительства в Крыму было организовано производство высококачественных десертных вин.

28 июля у Массандры праздник — тридцатилетие. Тридцать лет назад в ее хартии было записано: «Производить продукцию только первых и высших сортов, основать золотые фонды выдержанных вин». Это был новый курс в использовании богатств крымских земель.

В разгар возрождения Массандры в Крым вторглись фашистские варвары, перепахали танками плодоносные склоны и долины, разрушили винодельни. Перед самым вторжением врага были открыты все шлюзы огромных винохранилищ, и солнечный напиток растворился в черноморских волнах. Захватчики не поживились крымскими сокровищами.

После войны развернулась закладка новых виноградников, реконструкция и омоложение уцелевших. Однако агрономы не только расширяли плантации на южном берегу, но и начали продвигать виноградники в степь. Замысел таков: весь полуостров должен стать цветущим садом. Сейчас по всему крымскому побережью — от скалистых уступов Фороса до фантастических нагромождений Коктебельской гряды — раскинулись совхозы и заводы комбината. Сюда пришла мощная перерабатывающая техника. Расширились винохранилища. Производство получило крепкую научную базу: химия и микробиология стали править всеми процессами созревания вин. Горы, скалы, камни! Что можно взять от такой трудной земли? Виноградари говорят: «Можно!» Показатель высокого качества мускатных лоз — сахар! Его содержание в ягодах повысилось за семилетку на два процента. Мало? Нет, очень много! Это золотые проценты. Переведенные на деньги, они приносят с каждым урожаем столько дохода, что на него можно воздвигнуть несколько высотных зданий.

Успехи виноделия в Крыму в эти годы связаны с именем А. А. Егорова. Старейший винодел, ученик К. А. Тимирязева, он построил всю свою деятельность на мудрых принципах практического опыта, неразрывно связанного с наукой. Десятки лет работы в Закавказье открыли А. А. Егорову сокровенные таинства виноделия. Он вместе с другими учеными и виноделами разрабатывает новую технологию производства. Каждая марка вина получает название микрорайона, взрастившего виноград. В довоенном ассортименте было лишь десять типов вин, а сейчас — сорок. И есть среди них такие, что не знают себе равных во всем мире.

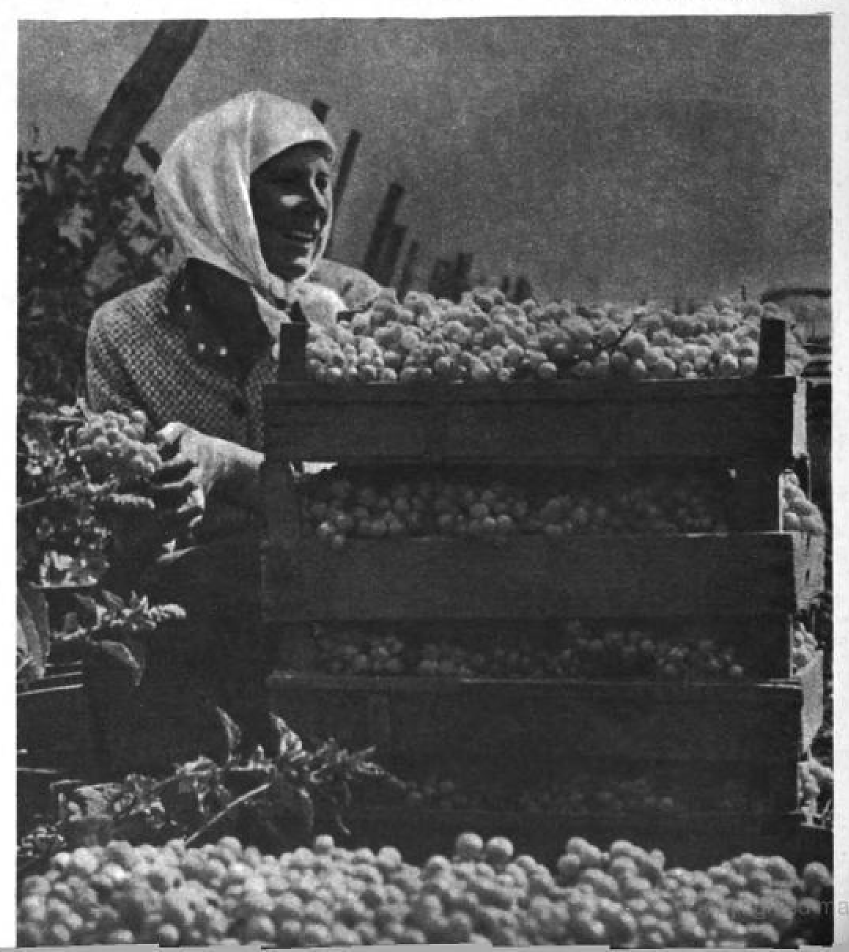
...Мускат черный. За рубежом его почитают чем-то вроде птичьего молока. Пино-гри — своеобразный ликерный напиток с ароматом поджаристой корочки ржаного каравая. Мадера-Массандра — в буквальном смысле слова солнечное вино. Рубиновое крымское «Черный доктор» — богатый витаминами темно-гранатовый сок с привкусом шоколада. Великолепный херес, превзошедший своей огнистостью хересы старой Испании. И, наконец, коронное вино — «Мускат белый Красного Камня»: в его букете — цитрон, в аромате — чайная роза, в его вкусе ощущаешь свежий сотовый мед. В Венгрии на международном конкурсе вин английский эксперт доктор Тейчер, торжественно подняв свой дегустационный бокал, заявил: «Вино столь высокого качества не подобает пить сидя. И хотя я не знаю национальной принадлежности напитка, но все же предполагаю, что местом его рождения может быть только Советский Союз». Действительно, нигде больше вы не найдете такой мускат, даже в долинах французской Жиронды, славной прародительницы белых мускатов.

Природа щедро наделила этот благословенный уголок Советской страны красноземной почвой, оранжерейным теплом, влажным дыханием бризов. Но не одной только природе обязан крымский виноград своими качествами. В Массандре выросли целые династии замечательных виноградарей. Их возглавляют известные всей стране Героини Социалистического Труда Мария Брынцева, Мария Князева, Матрена Удовиченко и другие хозяйки плантаций. Недавно 230 виноградарей Большой Массандры были награждены орденами и медалями.

Большое будущее у юбиляра. Предусматривается полная замена малоценных сортов винограда. Массандра уверенно берет ныне курс на мировые стандарты и в массовом производстве вин. Первые восемь марок вин, отвечающих требованиям мирового рынка, представлены к присвоению им высоких степеней, к занесению на их этикетки специальных эмблем. Готовятся к выпуску новые отличные вина — плоды многолетних опытов искусных мастеров — «Алеатико десертное», «Херес Массандра», легкое столовое вино типа рислинг. К юбилею Октября будут выпущены в праздничном оформлении сотни тысяч миниатюрных бутылочек с натуральными напитками.

...Говорят, чтоб познать какой-нибудь край, надобно отведать его вино. В полной мере это относится к Крыму, к его сокровищам. Это о них написал в книге дегустации Массандры Алексей Максимович Горький: «В вине больше всего солнца! Да здравствуют люди, которые умеют делать вино и через него вносить солнечную силу в души людей!»

Быть вину веселым!

Одежка для картошки

Я. МИЛЕЦКИЙ

Разговор шел в «Гастрономе» у прилавка. Собеседники — продавщица и покупатель. Тема разговора в буквальном смысле слова в руках у покупателя: небольшой брикет, обернутый в белесую, грубую бумагу с напечатанными на ней блеклыми пятнами — плодоягодный кисель.

— Какой-то неказистый вид у него. И качество, наверное, такое же?

— Никто не жаловался,— без энтузиазма возразила продавщица.

— По одежке встречают,— вздохнул покупатель,— а на эту смотреть-то противно...

Он собрался уйти, но взгляд его остановился на блестящем целлофановом пакете с хрустящим картофелем. Привлекла внимание как раз одежка: краски яркие, печать четкая, броская. Нарисована девчушка, уплетающая ломтики картофеля, она словно приглашает последовать ее примеру. Наш покупатель так и сделал — положил в сумку несколько пакетов с хрустящим картофелем.

А я пошел дальше вдоль прилавков, посмотрел другие одежки. Увы, они оказались серыми и тоскливыми. И не только там, где продавали набившие оскомину кисельные брикеты Московского завода пищевых концентратов № 2, но и за кондитерским прилавком, которому по роду его товаров следует быть особенно ярким и радостным.

Но кто же делает упаковку для продовольственных товаров?

Я стал разыскивать «неизвестного». Оказалось, что многие предприятия сами готовят наряды для своих товаров. В частности, некоторые кондитерские фабрики Москвы, Ленинграда и других городов. Там есть художники. На этих фабриках современное оборудование, и одежки, которые они шьют, обычно поминают добрым словом.

Однако основную работу по оформлению продовольственных товаров выполняют два независимых друг от друга предприятия: художественный комбинат с весьма прозаическим названием «Продоформление» и Московская картонажная фабрика.

С директором «Продоформления» Иваном Дмитриевичем Воиновым беседа шла, разумеется, о красоте упаковки.

Пятьдесят художников этого комбината создают рисунки новых этикеток, коробок и оберток. Изготовлением же их занимается картонажная фабрика.

Я видел эскизы новых видов упаковки, познакомился с их авторами. Художники эти совсем молоды, недавно окончили вузы. Там их, к сожалению, не учили тому, как оформлять продовольственные товары. Эту премудрость, имеющую свою специфику, они познают сейчас на практике, и, конечно, не все у них идет гладко. Но есть и успехи. Вот две коробочки для новых сигарет, которые решено назвать «Былина» и «Эра». Работа, на мой взгляд, удачная и, вероятно, будет принята. Однако фамилия художника не появится на сигаретной пачке, когда вы ее купите, автор останется неизвестным. Такова, к сожалению, установившаяся традиция. Непонятно, зачем придерживаться традиции, если она мешает привлечь к нелегкой работе по оформлению продовольственных товаров талантливых, известных графиков!

Стремясь поднять художественную ценность оформления, преградить доступ безвкусице, при комбинате и даже Министерстве пищевой промышленности СССР созданы художественные советы. В них вошли видные представители советского искусства, такие, как народный художник СССР Н. Н. Жуков или заслуженный деятель искусств художник С. Г. Сахаров. Хорошее, многообещающее начало, но это еще не решение проблемы. Отличный, со вкусом сделанный эскиз сплошь и рядом становится уродом на этикетке, выпущенной массовым тиражом.

Теперь мой путь — на Московскую картонажную фабрику, с чьей безымянной продукцией покупатель сталкивается ежедневно во всех магазинах.

Директор фабрики Федор Иванович Розанов провел здесь всю свою трудовую жизнь: сорок один год назад начал закройщиком — есть такая профессия и у картонажников. А с сорок первого директорствует.

Картонажная фабрика — большое, современное, высокомеханизированное предприятие. Она снабжает своими изделиями многие города страны. Продукция ее исчисляется сотнями миллионов единиц, многими тысячами тонн. Фабрика делает этикетки, обертки, разных размеров коробки из жести и картона, специальную бумагу для пакетов под молоко и сливки, для упаковки творога. Купив пачку пельменей или банку быстрорастворимого кофе, концентраты или детскую смесь,— всюду вы видите работу картонажников.

Нет, Федор Иванович не собирается спорить. Недостатков много. Этикетки и обертки действительно бывают плохие. Только не надо всех собак вешать на картонажников.

— Что такое этикетка?— спрашивает он и сам отвечает:— Прежде всего бумага. А мы получаем почти восемьдесят процентов полуотбельной бумаги. Этим «радует» нас Марийский целлюлозно-бумажный комбинат. А вот Коростышевская бумажная фабрика, та, спасибо ей, дает хорошие сорта. И этикетки получаются что надо.

На стол ложится обертка, предназначенная для карамели «Клубника со сливками» производства ярославской кондитерской фабрики «Путь к социализму». Неплохая обертка. Ярославцам повезло: это бумага коростышевцев. Зато поплачет алма-атинская карамель «Малина»: ей Марийская фабрика подбросила такой матерьялец на платье, что вся типографская краска расползлась.

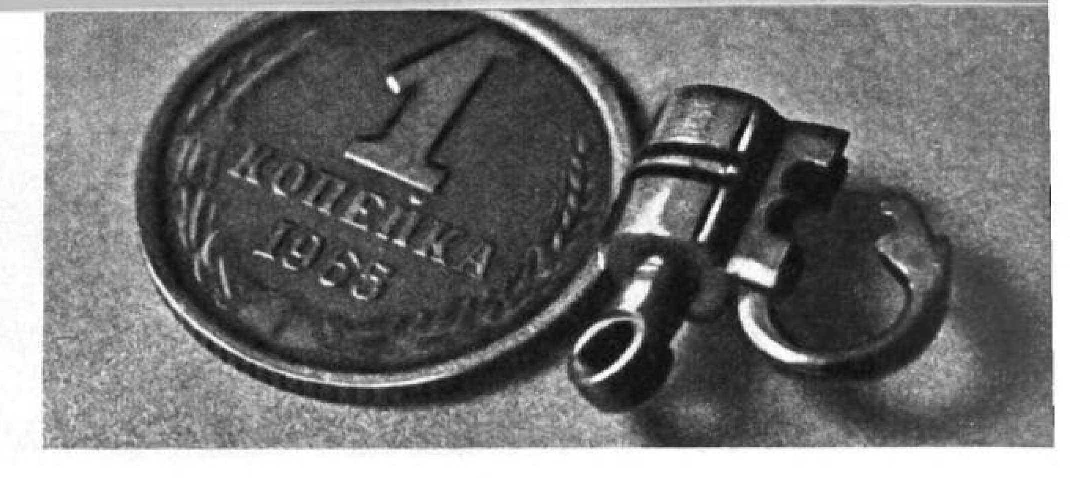
Продукция бумажных фабрик — это еще что! А вот химики... Федор Иванович сказал коротко и ясно: «Для нас химики еще спят!» Когда разговор зашел о качестве картона, директор даже рукой махнул: «Нет специалистов по картону. Растеряли!»

Я побывал во всех цехах фабрики. Особенно запомнились машины, изготовляющие жестяные банки. Современное производство. В этом цехе я услышал об Иване Михайловиче Ворове, крупнейшем специалисте по жести. С его помощью фабрика скакнула с трех миллионов до пятидесяти трех миллионов банок в год.

Ивану Михайловичу за восемьдесят. И сейчас, несмотря на преклонные годы, приезжает на фабрику, едва только ощутят в нем нужду, хотя и живет за городом. А нужда в таком специалисте случается часто: никто ведь не готовит кадров по этому делу.

...Я уходил с картонажки, захватив под мышку трофеи, хорошие и плохие,— целый комплект оберток, этикеток и коробок. Теперь я знаю, что хрустящие хлебцы будут пока наряжаться в тусклую одежку из плохой бумаги, что вид картонной банки с овсяной мукой, как начертано на ней, по-прежнему останется непригладным,— словом, преграда серости еще не поставлена.

Но, дабы быть объективным, признаюсь, что видел и много красивых одежек. Черная круглая коробка с чайной розой на крышке, предназначенная для конфет или печенья, может служить хозяйке и после того, как содержимое ее будет съедено. Если вам встретится в магазине цветной горошек в целлофановом мешочке с нарисованными на нем смешными рыбками, вряд ли вы пройдете мимо.

Замок весом в 0,7 грамма. Работа мастера Хворова, о котором упоминал В. И. Ленин: «Знаменитый павловский замочник Хворов делал замки по 24 штуки на золотник; отдельные части таких замков доходили до величины булавочной головки».

Не на потеху!

Виктор МАЛАФЕЕВ

Фото В. Бородина.

Город Павлово, на Оке, стоит на семи холмах. Узкие улочки сбегают по крутогорью к самой реке, по склонам лепятся дома, иногда самой причудливой архитектуры. А с высоких мест открывается взору раздольная приокская ширь в дымке солнечного марева.

Но не красотой ландшафта славен город, есть, наверное, и более живописные места в России. Славится Павлово своими мастерами, которые превращают холодный, неподатливый металл в хитроумные вещи, а порой и в настоящие произведения искусства.

Правда, эти умельцы не подковывали блох, как лесковский Левша. Но вам тут могут показать и замок с музыкой, который, кстати, отмечает и время суток, и складной нож размером всего в два сантиметра, и художественную композицию «Герб Советского Союза», сделанную из ста двадцати четырех ножей. А слесарь А. В. Ананьев смастерил складной нож, в котором сто предметов — всевозможные лезвия и даже зубочистка.

И еще тем гордятся павловцы, что в кремлевском кабинете В. И. Ленина на столе лежит перочинный нож работы их земляков.

Сейчас на павловском заводе складных ножей выпускается около сорока видов изделий, а готовится к производству сто пятьдесят!

Геннадия Ногтева, начальника экспериментальной группы завода, мы застали за совершенно неожиданным занятием: он углубился в комплект журнала «Охота и охотничье хозяйство».

А ларчик просто открывался: экспериментальная группа готовит ножи для охотников.

— В нашей группе,— рассказывает Геннадий Ногтев,— люди разных профессий: художники, граверы, слесари, чеканщики — и все настоящие мастера своего дела. Недаром павловские складные ножи пользуются огромным спросом, идут и за границу. Сейчас выставка наших изделий — на пути в канадский город Монреаль.

...У слесаря Анатолия Григорьевича Молокина свой, довольно своеобразный взгляд на лесковского Левшу.

— Блоху подковать, конечно, не просто, но это же баловство, на потеху только делалось. А умение мастера должно на службу людям поставить...

Когда члену-корреспонденту Академии медицинских наук профессору Борису Алексеевичу Королеву требуется какой-либо новый сложный инструмент для операции на сердце, он обращается к Анатолию Григорьевичу и инженеру Николаю Витальевичу Хапилову, который принял эстафету павловских умельцев от своего отца, погибшего на фронте. Хапилов и Молокин уже разработали и сделали специальные ранорасширители, модернизировали автоматическую установку для введения рентгеноконтрастных веществ.

Павловский инструментальный завод снабжает сейчас все лечебные учреждения страны, а кроме того, его продукция идет в Польшу и Австралию, Сирию и Ливан, Югославию и Индию — почти во все концы земли. Номенклатура предприятия — шестьсот наименований только хирургического инструмента. И если вам помог исцелиться врач, то помяните добрым словом и павловских мастеров, снабдивших его удобным, добротным оружием. Не случайно здесь, при заводе, создан филиал научно-исследовательского института экспериментальной хирургии и аппаратов.

...В июле павловцы отмечают 400-летие своего города. Сейчас он славен не только металлистами: здесь выпускаются комфортабельные автобусы — выносливые, экономичные, получившие широкое признание у нас в стране и за рубежом.

— В начале будущего года,— рассказывает директор автобусного завода Александр Семенович Тренихин,— с конвейера сойдут новые машины «ПАЗ-672». У них мощный восьмицилиндровый двигатель, дистанционное управление коробкой передач. В салоне автобуса отличная вентиляция, из окон открывается широкий обзор. Недавно новый автобус проходил испытания в Якутии. Результаты отличные!

Начальник экспериментальной группы завода складных ножей Г. Ногтев и художница Ф. Романова, выпускница Павловского художественного училища.

Только здесь, в Павлове, умеют делать складные ножи со 100 предметами.

ИГНАСИО ИДАЛЬГО ДЕ СИСНЕРОС

«МЕН

Боевая солидарность.

Республиканцы отправляются на фронт.

Между тем Арагон и я заправили свой самолет горючим, выпили кофе в столовой аэродрома, которая, несмотря на восстание, конечно, работала нормально. Мы могли видеть, как арестованные нами офицеры, поскольку их было много, открыли двери зала и свободно разместились в вестибюле. Когда мы проходили мимо, ни один из них ничего не сказал, но они смотрели на нас, как на редких животных, в которых вселилось безумие, однако у меня сложилось впечатление, что они не испытывали в отношении нас ни злобы, ни ненависти, несмотря на то, что мы их заперли.

В «Куатро Виентос» царил энтузиазм. Количество сторонников республики увеличивалось за счет трамвайщиков, которые, прибывая на конечную станцию и узнавая о восстании, просили дать винтовки, чтобы оказать нам помощь. Когда мы перекрыли Эстрамадурскую дорогу, все буржуа присоединились к «арестованным» офицерам, а рабочие, шоферы и извозчики, то есть народ, с огромной охотой просили оружие и с замечательной решимостью шли в первые ряды защитников аэродрома.

Мы вновь поднялись в воздух, чтобы опять сбросить над Мадридом прокламации, в которых призывали народ примкнуть к нашему движению. С разочарованием нам пришлось наблюдать, что движение автомобилей, трамваев и людей в городе продолжалось; на вокзалах совершенно нормально отходили, приходили и маневрировали поезда. Одним словом, обещанная всеобщая забастовка не была объявлена.

Вернувшись на аэродром, мы могли видеть колонну Кейпо де Льяно развернутой, но остановленной силами Кампаменто, которые, вместо того чтобы перейти на нашу сторону, заняли позиции фронтом против нас. Когда мы приземлились, нас с тревогой спрашивали, что происходит в Мадриде, и никто не понимал, почему там все спокойно.

Рамон Франко решил бомбардировать королевский дворец, полагая, что это может изменить обстановку в Мадриде. Он вылетел на своем самолете, нагруженном бомбами. С естественным волнением все следили с «Куатро Виентос» за его полетом, с нетерпением ожидая взрыва бомб. Но после того, как он несколько раз пролетел над дворцом, мы увидели, что его самолет возвращается, не сбросив бомбы. Когда же его спросили, что произошло, он ответил, что на Восточной площади было много детей и он побоялся начать бомбардировку.

Продолжение. См. «Огонек» № 29.

В это время вернулся генерал Кейпо де Льяно. Он дал своей колонне приказ отступить и занять оборонительные позиции у аэродрома, так как войска мадридского гарнизона уже окружали нас, а артиллерия занимала позиции, готовясь начать обстрел. На совещании Кейпо де Льяно, Рамон Франко и другие офицеры решили организовать круговую оборону аэродрома. Под четыре самолета было приказано подвесить бомбы, а остальным трем сбросить над Мадридом прокламации и попытаться рассмотреть, решилось ли наконец население присоединиться к нам. Обстановка быстро ухудшалась. Проклятое опоздание Кейпо де Льяно, помешавшее захватить Кампаменто, и неудача со всеобщей забастовкой нанесли нам тяжелый удар. Большая часть «арестованных» офицеров вышла из Паласа и совершенно свободно разместилась на лестнице здания, наблюдая все перипетии. Знаменательно, что, видя плохой оборот наших дел, никому из них не пришло в голову ни тогда, ни позже, когда уже дело стало явно проигрышным, восстановить, так сказать, статус кво. А их было в четыре раза больше, чем нас. Я уверен, что они не сделали этого не из страха, а из-за отсутствия желания защищать монархию.

Арагон и я опять полетели посмотреть, что происходит в Мадриде, сбросить прокламации и понаблюдать за позициями атаковавших нас войск. Оказавшись над столицей, мы увидели, что она продолжает жить своей нормальной жизнью: ни забастовки, ни скопления народа на улицах, ничего, что указывало бы на восстание. Мы сбросили прокламации, летая очень низко. Я так был возмущен, что бросал свой самолет чуть ли не в улицы, желая заставить жителей понять, что мы восстали в «Куатро Виентос». Мне запомнилась одна деталь, имевшая для меня определенное значение. На Каррера Сан Херонимо, вблизи отеля Палас, пролетая низко, чуть не царапая черепичные крыши, я увидел какого-то господина, очень спокойно читавшего театральную афишу. Это обескуражило меня: если этот дядя раздумывал, в какой театр пойти сегодня вечером, то чего же тогда ждать от мадридцев?

Затем мы полетели посмотреть позиции атакующих нас войск. Их силы состояли из нескольких колонн, наступавших развернутым строем на аэродром. Особенное впечатление на меня произвела колонна жандармерии, так называемой гражданской гвардии, шедшая через Карабанчель. Поскольку было холодно, они надели черные плащи, и с воздуха было очень неприятно смотреть на эту черную массу, направлявшуюся к нам. Впервые в жизни я смотрел на жандармов, как на врагов. До сих пор они для меня были приветливыми и услужливыми людьми, каждую неделю приходившими в поместья моей семьи Сидамон или Канильяс. Их приглашали закусить, и они спрашивали, не нужно ли нам чего-либо от них.

Артиллерия начала стрелять. Мы хорошо видели разрывы снарядов на взлетно-посадочной полосе и у ангаров. Позже я узнал, что артиллерией командовал мой шурин Педро Хевенос.

Как только мы произвели посадку, навстречу нам прибежал полковник Анхел Пастор и очень возбужденно сказал, что хунта, состоявшая из Кейпо, Рамона Франко и группы офицеров, приняла решение прекратить сопротивление, так как все потеряно и дальнейшие жертвы бесполезны, а офицерам, которым может угрожать расстрел, следует на самолетах бежать в Португалию. Далее он сообщил, что рядовой состав отправился в казармы поставить оружие в пирамиды. Рамон Франко, Кейпо и группа офицеров уже улетели в Португалию, а солдаты, которыми теперь командовали «арестованные» офицеры, сдавали оружие. Мы же — единственные оставшиеся офицеры — должны были немедленно бежать, если не хотим попасть в плен.

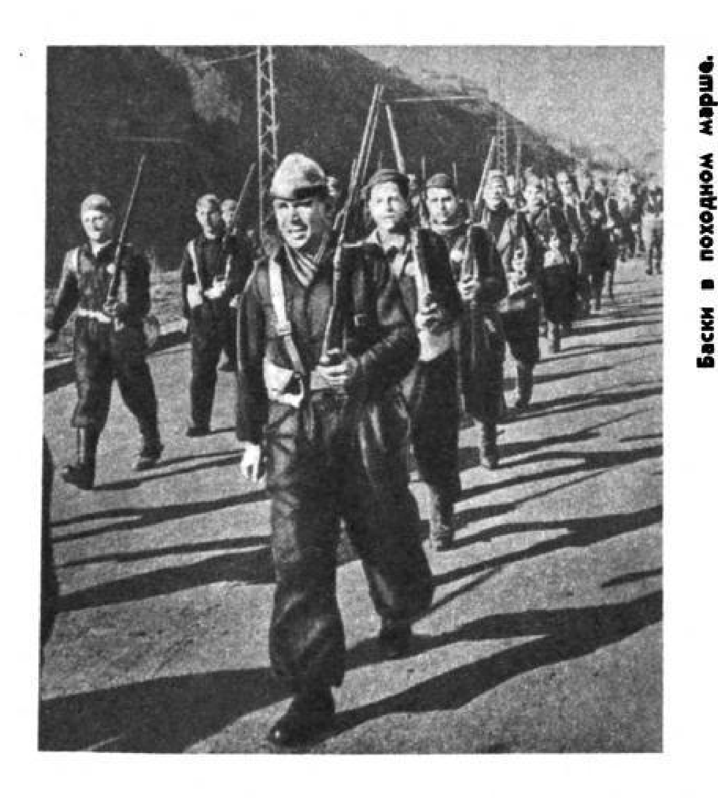
Конечно, для меня это оказалось настоящим ударом. Никогда я не представлял себе, что в финале этой авантюры придется бежать на самолете. Однако Пастор, обладавший бо́льшим здравым смыслом, нежели мы, сказал, что нас расстреляют в 24 часа, как расстреляли Галана и Гарсия Эрнандеса за два дня до этого.

Между тем артиллерия продолжала обстрел, башня управления и один ангар были уже уничтожены, снаряды рвались главным образом на взлетно-посадочной полосе, явно препятствуя взлету самолетов.

Наш самолет не имел горючего, и в условиях, в которых мы оказались, о его заправке нечего было и думать. Итак, решив бежать в Португалию, мы не могли осуществить своего намерения.

В этот момент явились механики, сообщившие, что в ангаре есть один заправленный самолет, который, наверное, можно было использовать. Это был «Р-Ш». На самолетах этого типа я никогда не летал, но, ни минуты не колеблясь, залез в пилотскую кабину. Пастор сел на место наблюдателя, а Арагон устроился у него в ногах. Механики пытались запустить мотор, но он никак не заводился. Я не знаю, сколько безрезультатных попыток было предпринято. Правительственные войска уже вступали на аэродром. Мы посоветовали

ЯЮ КУРС»

Баски в походном марше.

На защиту Республики.

механикам убираться, чтобы их не захватили на месте преступления. Но они не слушали нас, и вдруг при одной из попыток удалось наконец запустить мотор. Не ожидая, пока он прогреется, я дал газ, и наш самолет покатился по полю. Холодный мотор не давал возможности оторваться от земли. На конце аэродрома уже развернулся в цепь инженерный батальон. Солдаты увидели, что мой самолет не отрывается от земли и несется на всей скорости на них. Я отчетливо разглядел, как разорвался их строй. Наконец, встретился маленький выступ земли, и мы оказались в воздухе. Ни одному солдату не пришло в голову стрелять в нас, хотя мы и промчались всего в нескольких метрах от них.

Это произошло в два часа тридцать минут пополудни. Вскоре нам стало холодно, а у нас не было пальто. Самолет находился в ремонте, и поэтому на нем не работал ни один бортовой прибор. Не было ни компаса, ни карты. Бензиномер не действовал, и поэтому я не имел ни малейшего представления о том, как долго мы сможем продержаться в воздухе. На протяжении всего полета я каждую минуту был готов к вынужденной посадке...

Для ориентировки я взял направление по реке Тахо и так летел два часа. Когда же все горючее было израсходовано и мотор остановился, мы не знали, находимся ли мы еще на испанской земле или уже в Португалии. Я совершил посадку на убранном поле и спросил у пастуха, кому принадлежит эта земля. Он ответил, что это Португалия. Мы удовлетворенно вздохнули.

Трудно объяснить мое состояние, когда я оказался в Португалии. Я был подавлен. За несколько часов я потерял родину, друзей, семью, карьеру,— одним словом, все то, из чего состояла моя жизнь. В то время я еще на все реагировал с позиций того странного экземпляра человеческой породы, который носил название «испанского аристократа» — тщеславного, самолюбивого и мыслящего о каком-то особом достоинстве[1]...

* * *

...Наконец, мы переехали границу, где тысячи и тысячи людей со множеством оркестров и сотнями красных и республиканских знамен встретили нас с энтузиазмом. Впервые я увидел республиканский флаг, о существовании которого даже не подозревал, и также впервые услыхал крики: «Да здравствуют герои «Куатро Виентос»!» И я устыдился, услыхав, что меня называют героем. Никогда я не представлял себе, что мое неожиданное и вынужденное участие в восстании могло явиться героическим актом. Более того, я был немного обеспокоен теми непродуманными действиями, которыми началась и закончилась эта авантюра.

Все станции, которые мы проезжали, были заполнены народом. Кругом колыхались знамена.

Я не пытаюсь описать прием, устроенный нам в Мадриде. Скажу только, что не знаю как я и еще несколько человек очутились в автомобиле с большим республиканским флагом. Меня доставили и бережно сдали на сцену актового зала Атенео, битком набитого людьми. Оказавшись один на сцене, перед тысячами людей, аплодировавших мне и, как казалось, ожидавших от меня чего-то, я не знал, что делать, пока не обрел спасительную и гениальную мысль поднять кулак и крикнуть здравицу в честь республики. Публика ответила с неподдельным энтузиазмом и, возбужденная, ринулась на сцену.

Меня повезли к центру города по очень оживленным улицам. Никогда я не видел такого энтузиазма. Лица людей выражали радость, незнакомые люди как близкие разговаривали друг с другом. Народ Мадрида, несомненно, был рад провозглашению республики.

Нелегко объяснить мое состояние в ту ночь. Республика победила. Я вернулся в Испанию почти героем. Моя карьера восстанавливалась, значит, я могу летать — то, чего мне так сильно не хватало в эмиграции. Но в действительности все оказалось очень, очень сложно...

Моя семья, мои друзья и знакомые, конечно, не ходили по улицам, выкрикивая здравицы и распевая песни. Они заперлись в своих аристократических особняках, многие из них боялись последствий этого изменения. Им пришлось пережить немало горьких минут, и падение монархии они считали большим несчастьем. Я не мог повидать ни своей семьи, ни своих друзей. Не мог появиться в местах, где я часто бывал раньше.

Трудно было полностью осознать изменение строя в Испании, как и привыкнуть к мысли, что с этого дня для меня начиналась новая жизнь, совершенно отличающаяся от прежней.

В условиях новой обстановки я не знал, что делать. Естественно, моей первой обязанностью было явиться в авиационное управление военного министерства, но я испытывал нелепую застенчивость, полагая, что при встрече с товарищами буду выглядеть победителем.

Под предлогом позднего времени я отложил свое официальное представление и решил пойти пообедать со своей сестрой Росарио и ее мужем. При этой встрече я тоже чувствовал себя неловко. В их доме мне предстояло встретиться с крупнейшими монархистами...

Сестра, увидев меня, разволновалась. Росарио была очень расстроена падением монархии. Во время обеда мы все чувствовали себя неловко. Стараясь не говорить о политике, мы не могли держаться непринужденно.

Мне показалось, что муж сестры, хоть и был адъютантом короля, на изменение строя реагировал более спокойно, нежели сестра. Зато горничная и кухарка сестры смотрели на меня с симпатией и даже как на сообщника, как бы говоря: «Мы тоже республиканцы».

Правительство назначило Рамона Франко командующим авиацией. Когда я шел в военное министерство, мне было трудно представить себе, что в кабинете командующего испанской авиации я увижу именно его — Рамона Франко. Он остался таким, каким был всегда: неряшливо причесанным, в военной форме, оставлявшей желать много лучшего. В этом отношении на него совершенно не подействовало высокое назначение.

Стараясь скрыть свое волнение, он обнял меня и спросил, куда бы я хотел получить назначение. На это я ответил, что если возможно, то хотел бы получить свой старый пост заместителя начальника авиационной школы в Алькала де Энарес.

На следующий день я опять находился на скромном, но милом мне аэродроме в Алькала, совершенно счастливый тем, что снова без забот и спешки могу пилотировать один из самолетов школы. Я жаждал летать, и хотя со дня моего последнего полета истекло много месяцев, я не испытывал ни малейшего затруднения, управляя аппаратом. Летать — это все равно что ездить на велосипеде: научившись раз, никогда не забудешь...

* * *

...В ночь на 10 августа 1932 года генерал Санхурхо при участии монархических и фашистских элементов поднял восстание в Севилье. К нему присоединилась часть гарнизона. Правительство республики отдало приказ остальным гарнизонам Андалузии немедленно отправиться в Севилью и подавить мятеж. Эти верные Республике силы выполнили приказ

[1] Сиснерос жил в эмиграции до 1931 года, когда в Испании была провозглашена республика.

правительства. Генерал Санхурхо, убедившись, что большинство войск в Андалузии не поддерживает его, бежал из Севильи и пытался пробраться в Португалию, но был задержан в Уэльве преданными Республике войсками.

В ту же ночь кавалерийские части под командованием генералов Кавальканти и Фернандеса Переса с группой монархистов и фашистов пытались захватить здание военного министерства в Мадриде. После сильной перестрелки, приведшей к потерям с обеих сторон, путчисты были подавлены. Удалось задержать главарей, среди которых находились и два названных выше генерала.

Восстание было для меня полной неожиданностью. Я никогда не думал, что реакции удастся организовать такое сильное выступление. Оно оказалось весьма широким. В нем были замешаны лица, не выступившие активно только в силу плохой организации.

Но самой большой неожиданностью для меня оказалось, что во главе восстания стоял генерал Санхурхо. Мне трудно понять причины, заставившие его примкнуть к силам, которые он всегда презирал. Как мог Санхурхо, всегда казавшийся мне простым, скромным и без каких-либо замашек «сеньорства», совершить подлость, восстав против режима, оказывавшего ему свое доверие, ценившего его и поставившего на один из самых ответственных постов в армии!

В момент провозглашения Республики в армии имелось небольшое количество республиканцев и также немного ярых реакционеров. Подавляющее же большинство военных были политически нейтральными, не испытывавшими к новому строю ни любви, ни ненависти, но допускавшие его и подчинявшиеся ему.

Я считал, что на это подавляющее большинство и следует обратить особое внимание. Необходимо было приложить усилия с целью привлечь его на свою сторону или по меньшей мере уметь противодействовать вражеской пропаганде в его рядах.

После восстания 10 августа деление испанцев на два лагеря значительно усилилось. Нейтральные или безразличные тоже как-то определялись, одни присоединялись к правому лагерю, другие — к левому. Мои старые знакомые, как и друзья моей жены Кони, в большинстве своем, как и наши родственники, остались в лагере правых. Другого невозможно было и ожидать. Все трудней становилось найти среди них кого-то, кто бы правильно понимал события.

В тот период я впервые увидел советский фильм. Это была «Путевка в жизнь» — история группы беспризорных детей 12—17 лет, появившихся в России после гражданской войны. Потрясенные реализмом, с каким была показана ужасная эта трагедия, мы вышли из кинотеатра. Вторым советским фильмом был «Броненосец «Потемкин», потрясший нас еще больше. Я прекрасно помню, с каким вниманием публика следила за ходом фильма. Мне кажется, что у всех зрителей нервы были напряжены до предела. Помню разговоры и споры, возникшие в нашей среде по поводу этих фильмов. Впервые эти споры заставили меня серьезно задуматься над тем, что существует страна, где народная революция коренным образом изменила порядок вещей.

Трудно поверить, что такое важное событие, каким явилась русская революция, до этого очень мало обсуждалось в нашей среде. Источниками моей информации о происходящем в России были три или четыре книги, написанные антисоветскими пропагандистами.

Несмотря на мои скудные в то время представления о происходящем в России и о том, что думали и делали эти непонятные большевики, в некоторых кругах меня называли «большевиком». Друзья моей сестры, говоря обо мне, спрашивали ее: «Что делает твой брат-большевик?» Нечто в этом роде происходило и со знакомыми Кони. Несколько раз ее спрашивали, правда ли, что мы большевики. Мне было совершенно безразлично, какого мнения они были о нас. Мне думалось: что у меня общего с этими далекими настоящими революционерами?

* * *

Однажды Пепе Легорбуру сообщил мне о том, что министерство решило направить в наиболее важные страны авиационных атташе, и посоветовал мне попроситься на один из этих постов. При этом он заметил, что подобное назначение дало бы мне возможность ознакомиться с жизнью за рубежом и расширить свои знания в области современной авиации. Позже я узнал, что этот совет в какой-то степени был инспирирован моими братьями, считавшими для меня полезным на некоторое время покинуть Испанию.

Пепе хотел бы поехать в качестве авиационного атташе в Москву и очень сожалел, что в этой столице не было посольства Испанской Республики. До тех пор я не знал, что Испанская Республика не имела дипломатических отношений с Советским Союзом. Такая позиция республиканского правительства меня немного удивила, но, по правде сказать, я не придал этому большого значения.

После долгого раздумья я решил запросить место авиационного атташе в Мексике, приятной стране, с которой было бы интересно ознакомиться поближе.

Я подал рапорт и спустя два месяца с удивлением и разочарованием узнал, что меня назначают авиационным атташе при посольстве Испании в Риме и одновременно в Берлине. По причинам экономического порядка правительство упразднило должности авиационных атташе в американских странах.

По сугубо личным соображениям я принял новое назначение, хотя меня и не привлекала жизнь в нацистской Германии или фашистской Италии.

* * *

...Не требовалось большой прозорливости, чтобы заметить, что одной из самых выделяющихся черт итальянского фашизма было фанфаронство. Все у них носило театральный характер. Фашистские руководители обладали удивительным умением создавать сценарии, организовывать показные парады, большие пропагандистские перелеты, давать фантастические обещания, как, например, о создании мощной итальянской империи и т. д. и т. п. Непрерывно сообщалось о победах и достижениях, существовавших только в представлении их пропагандистов.

Особый упор делался на показ вооруженных сил. Здесь прибегали к всевозможным трюкам, чтобы симулировать большую военную мощь и наводить страх на другие страны.

Итальянские власти и большинство военных атташе держали в изоляции советского атташе. Хотя Испанская Республика не поддерживала дипломатических отношений с СССР, и, следовательно, мы не должны были иметь контакта с его посольством, я настолько был возмущен этой нелепой ситуацией, что в виде протеста был очень внимателен с советским коллегой, часто приглашал его к себе домой и демонстративно посещал советское посольство в военной форме, когда он меня приглашал. Это был первый советский человек, с которым я познакомился, и он мне показался компетентным, непринужденно державшимся и по-настоящему приятным человеком. Мы стали хорошими друзьями.

Первый раз я увидел Муссолини в обстановке очень впечатляющей — во время большого парада на новой грандиозной площади Виа дел Импeро в римском Форуме.

Дипломатическая трибуна находилась напротив статуи Юлия Цезаря, перед которой на трибуне, несколько более высокой, чем пьедестал Цезаря, стоял дуче, принимавший парад.

Впечатление от этой первой встречи с Муссолини было таким, как будто я находился в театре и видел зрелого, довольно упитанного комика, игравшего роль героя-любовника, одетого в очень крикливую форму и слишком затянутого в корсет, чтобы казаться стройным.

Меня удивляли его постоянные усилия казаться очень энергичным. Он часто становился, подбоченясь на пьедестале, поворачивался спиной к Юлию Цезарю, выпячивал грудь, поднимал подбородок, приветствуя проходящие колонны резким жестом театрального фашистского приветствия. Бравый внешний вид его сильно проигрывал, когда он снимал головной убор и показывал свою огромную, круглую и лысую голову. Кстати, я был очень удивлен, увидев, как маршируют священники и монахини, одетые в рясы. Они проходили перед Муссолини в хорошем строю, отчеканивая шаг и приветствуя его поднятием руки на фашистский лад.

Публичное появление короля также оставило у меня неприятное и грустное впечатление, хотя я и не питаю симпатий к королям. Унизительно было видеть маленького и незначительного человека короля Виктора-Эммануила Савойского, казалось, нарочно одетого врагами в нарядную военную форму, чтобы подчеркнуть его смешной вид рядом с Муссолини.

Всегда высокомерный и спесивый, Муссолини обращался с королем с невероятным презрением, беспрестанно и демонстративно подчеркивая, что настоящим хозяином Италии является он, а не король...

Доходившие до Рима известия о политическом положении в Испании были неблагоприятными. Наступление на Республику усиливалось с каждым днем. Реакционные силы организовывались и действовали все более нагло, а правительство, по-видимому, ничего не предпринимало для противодействия надвигающейся опасности.

Впечатление о неблагоприятном ходе дел в Испании подтвердилось письмом, полученным мною, где предсказывалась катастрофа для республиканцев на ближайших выборах в кортесы.

Несмотря на увеличение числа реакционных депутатов, республиканцы по-прежнему имели большинство в кортесах. Нужно было Леруесу поистине предать Республику и продать себя реакции, чтобы последняя пришла к власти.

С формированием правительства Леруесом начинается так называемый период «черного двухлетия». В это время силы Хиля Роблеса, опирающиеся на радикальную партию Леруеса, монархистов и фашистов, начинают предпринимать решительные шаги к уничтожению всего того, что сделало предшествующее, республиканское правительство, всего, что носило мало-мальски прогрессивный характер. То есть, используя сами республиканские институты, они таким образом обрели силу. Программа их заключалась в аннулировании всех социальных реформ, пересмотре конституции и ликвидации Республики.

Я не понимал позиции ни левых партий, ни рабочих профсоюзов, позволивших отнять у себя, не оказывая сопротивления, все, что им удалось завоевать за последние три года. Глубоко веря в народ, я был дезориентирован, видя только его внешнюю пассивность.

5 октября 1934 года стали поступать первые сведения, говорившие, что испанский народ без борьбы не допустит, чтобы у него отняли Республику. Хотя римские фашистские газеты, естественно, очень тенденциозно освещали события, не было никакого сомнения в том, что в Испании шла борьба. В Мадриде была объявлена всеобщая забастовка. В Барселоне республиканские партии выступали против правительства Леруеса. В Астурии шахтеры решились на вооруженное восстание.

Эти известия произвели на меня огромное впечатление. Я считал абсолютно правильным то, что народ дает реакции такой энергичный отпор.

Я чувствовал себя окончательно и безоговорочно на стороне бастующих шахтеров и вообще тех, кто боролся вместе с народом за справедливость и благополучие. Я был очень спокоен, очень уверен в себе и не испытывал ни малейшего колебания, когда сел за свой рабочий стол и написал военному министру телеграмму с просьбой об отставке. Судя по выражению лица посла, которому я передал телеграмму для официальной отправки, я понял, что составлена она была в очень энергичных выражениях (эта телеграмма должна еще храниться в архивах посольства). Я не помню ее точного содержания, но в ней говорилось примерно следующее: «Занимаемая мною в посольстве должность требует доверия правительства. Поскольку я не согласен с политикой нового правительства, прошу об отставке и предоставлении мне должности в Испании».

Мое положение было довольно странным. Целиком посвятив себя делу Республики, я решил все отдать за нее. Но я не принадлежал ни к одной политической партии или организации, поэтому всегда поступал интуитивно, как снайпер. Моей единственной связью в политическом мире являлся Индалесио Прието, но для дона Инда я был только хорошим другом, верным человеком, на которого можно было рассчитывать, но не больше. Весьма авторитетный социалистический лидер, Прието никогда не воспринимал меня как человека, интересующегося политикой, никогда не говорил со мной о своей партии и не пытался привлечь к социализму. Почти всегда я находился вне намечавшихся планов, то есть никогда не был одним из своих.

...Я находился в Мадриде уже более месяца и еще не видел Рамона Франко. До меня дошли слухи, которым не хотелось верить: мне сказали, что он очень дружен с Леруесом, ничего не хочет знать о левых и что вообще его поведение оставляет желать много лучшего. Как-то раз, когда я был один в своем кабинете, открылась дверь, и появился Рамон Франко. Судя по выражению его лица, я понял, что мою дверь он открыл по ошибке. На мгновение он заколебался, но наконец вошел и протянул мне руку. Я сказал ему, что рад его видеть, так как до меня дошли некоторые слухи, очень встревожившие меня. Вначале он говорил несколько неуверенно, но вскоре подтвердил, что слухи эти соответствуют действительности. Он высказывался с цинизмом, поразившим меня, и, казалось, что я слышу настоящего фашиста.

Я очень резко сказал ему, что отношения наши с этого дня окончились, и предложил выйти из кабинета.

Так в последний раз я видел Рамона Франко.

Под давлением народных масс президент Республики дон Нисето Алькала Самора подписал декрет о роспуске кортесов. Выборы депутатов в новый парламент должны были состояться в феврале 1936 года.

Понимая важность этих выборов, левые силы образовали Народный фронт, включавший в себя все демократические партии.

Настал день выборов. Народный фронт одержал большую победу. Этот триумф был встречен с неподдельным энтузиазмом подавляющим большинством народа. Победа укрепила оптимизм, подняла дух и убедила людей в том, что объединенные левые силы Испании значительно сильнее реакции.

Народный фронт получил 268 депутатских мандатов (158 — республиканцы, 88 — социалисты и 17 — коммунисты) против 205 мандатов, полученных партиями центра и правыми.

...Мне довелось присутствовать на одном из самых интересных дебатов в кортесах этого созыва.

Первым говорил Хиль Роблес — один из самых крупных главарей реакции.

Затем выступил Кальво Сотело. Его выступление тоже было резко реакционным. Он яростно нападал на силы Народного фронта, приписывая ему с непостижимой наглостью все преступления, совершенные реакцией.

Дон Сантьяго Касарес ответил ему ясно и убедительно, сказав, что Кальво Сотело ответствен за антиреспубликанскую деятельность. И, наконец, от коммунистов выступила Долорес Ибаррури.

Я впервые присутствовал на ее выступлении и очень интересовался тем, что она скажет.

Она была привлекательна по-настоящему. Ее простая, но сделанная со вкусом прическа выделяла тонкие и правильные черты лица. Долорес Ибаррури производила впечатление очень женственной и в то же время очень энергичной.

Коммунисты продолжали удивлять меня. В Долорес Ибаррури я обнаружил совершенно не такую женщину, как та, какой я ее себе представлял по всему тому, что было написано о ней в газетах.

Она говорила приятным голосом, страстно и очень непринужденно. Ее выступление было ясным и конкретным, и речь без сложных выражений и слов произвела в палате очень благоприятное впечатление.

Я чувствовал себя воодушевленным и счастливым. Долорес Ибаррури публично и очень красноречиво сказала все то, что я думал о положении в стране и что я без устали повторял своему министру, не будучи в состоянии его убедить.

Окончание следует.

Перевод с испанского
Л. ВАСИЛЕВСКОГО

ИЮЛЬ, СОРОК ПЕРВЫЙ

Шел июль. Бушевали короткие летние дожди. И вновь пригревало солнце. Наливались хлеба. Зрел в полях небывалый урожай...

Эх, убрать бы его — тот урожай сорок первого года!

Нет, не судила судьба повязать снопы, обмолотить, провеять, ссыпать в закрома зерно.

Катило по земле военное лихо. Громче громов громыхали по полям танки, втаптывая в землю тяжелые колосья. Ярче молний вспыхивали артиллерийские зарницы. И пахари, сжимая в руках не чапыги плугов, а винтовки, дрались и умирали в полях, силясь остановить врага.

Катило по нашей земле военное лихо, и казалось, сметет оно все от края и до края...

Гитлер и его генералы были уверены, что немецкие войска уже сломили Красную Армию, что она после огромных потерь, понесенных в приграничных клиньям взламывать нашу оборону.

10 июля грянуло Смоленское сражение. Гитлеровское командование рассчитывало с ходу взять Смоленск. Но части Красной Армии, малочисленные, почти без танков и без авиации, раз за разом отбрасывали немецкие дивизии...

Несколько тяжелейших дней дрались наши войска, сдерживая бешеный натиск отборнейших дивизий группы армий «Центр».

Арьергардные части советских войск медленно отходили на Восток, выигрывая у немцев час за часом.

Драгоценные часы! Именно эти бои, именно эти не предусмотренные гитлеровским планом «Барбаросса» задержки дали возможность эвакуировать районы, которые уже невозможно было отстоять, вывезти на Восток оборудование фабрик и заводов. Дали время для организации обороны Москвы.

Ленинград. Июль 1941 года. Колонна бойцов народного ополчения направляется на фронт.

боях, уже не поднимется, не окажет более сопротивления. Начальник генерального штаба гитлеровского вермахта генерал Гальдер записал в эти дни в своем дневнике: «Фронт противника, в тылу которого уже нет никаких резервов, не может больше держаться».

Да, нашим приходилось очень трудно. Гитлеровцы имели тройное превосходство — и по численности и по вооружению. Вот несколько цифр. К середине июля наши войска на Западном фронте, который защищал самое трудное направление, насчитывали 145 танков, 3 800 орудий и минометов и 389 исправных самолетов.

А противостоящая Западному фронту гитлеровская группа армий «Центр» имела в своем распоряжении 1 040 танков, 6 600 орудий и минометов и более тысячи самолетов.

За шумом победных реляций руководители гитлеровского рейха просто не хотели замечать, как час от часу крепнет, нарастает сопротивление советских войск, как все труднее приходится гитлеровским танковым

У моста через речку Добрость наша арьергардная часть встретила огнем вражеские танки. Танков было много. Темно-зеленые, почти черные, с белыми крестами на боковинах, поддерживая неукоснительный боевой порядок, ползли они к кустам, в которых расположилась горстка советских артиллеристов.

Двести метров, сто пятьдесят, сто, семьдесят...

Что удержит стальную лавину?..

Но вот рявкнули пушки. Задымился один танк. Закружился на месте, разматывая перебитую гусеницу, другой. Еще залп — и еще три машины зачадили багровым, дымным пламенем...

Артиллеристы несли урон. Одно за другим выбывали из строя орудия. Падали бойцы. На полуслове оборвал команду и ткнулся лицом вниз, в горячую землю, командир орудия. И все-таки одно орудие продолжало стрелять. Раненый наводчик Николай Сиротинин разворачивал его то вправо, то влево, и его снаряды один за другим прошивали броню танков. Наконец и он упал и больше не поднялся... Но главное было сделано: еще два драгоценных часа отбиты, отколоты от времени, отведенного на «блицкриг»...

15 июля под Ярцевом дала первый залп батарея реактивных гвардейских минометов — знаменитых «катюш», которым суждено было сыграть в дальнейшем выдающуюся роль в боях с гитлеровскими захватчиками. Залп «катюш» — и еще одна атака гитлеровцев захлебнулась. И еще час, а то и два выиграны у гитлеровских генералов.

На всем огромном фронте от Черного до Баренцова моря гремели упорные бои.

Первые ордена и медали, первые высокие награды за воинскую доблесть вручала Родина своим защитникам.

Вот три летчика, три первых в Отечественную войну Героя Советского Союза: М. Жуков, С. Здоровцев и П. Харитонов. Это высшее звание было им присвоено 8 июля первого военного года за подвиги, совершенные в ленинградском небе.

Стойко бились и зенитчики, отстаивая воздушные подступы к Москве. Первый налет фашистских стервятников 22 июля был отбит с большим уроном для врага.

К фронту, в бой шли все новые и новые части кадровых войск. Формировались дивизии ополчения.

Коммунисты и комсомольцы, оставленные партией в глубоком тылу врага, собирались в лесах у первых партизанских костров.

...1941 год, июль. Месяц тяжелых, упорных боев. На Западном, на Северном, на Южном направлениях... Красная Армия отступала. Гибли наши замечательные люди в серых солдатских шинелях.

Но каждый новый шаг, который совершали гитлеровские захватчики, давался все трудней.

Нам еще было бесконечно далеко до рейхстага... Но им до Москвы было еще дальше!

В. ПАВЛОВ,
Герой Советского Союза

ЛЮБОВЬ МОЯ И БОЛЬ МОЯ

Иван СТАДНЮК

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Каждый раз, когда я собираюсь навестить Винничину, испытываю, кроме волнующей радости, тревожное чувство, что не сумею увидеть, распознать, осмыслить что-то самое главное, очень важное для меня как для писателя. Что же есть это главное, в чем суть его?.. Трудно сразу ответить на такой вопрос, трудно облечь в слова чувства, которые смутно брезжат в сердце... Дело в том, что в каждую поездку главное бывает совершенно разным...

Соловьиная Винничина, благословенная земля! Как в каждом краю, обитает там счастье и горе, любовь и ненависть, добро и зло, обитает там все вечное и преходящее, из чего складывается человеческая жизнь. Но по моему, может, наивному, убеждению Винничина — это самая близкая к небу, самая живописная и песенная земля на планете. Такого мнения придерживаюсь я, наверное, потому, что там, в селянской хате, родился и вырос, что все там начиналось для меня впервые в жизни — от первого, самого дорогого слова «мама», от первого шага по глинобитному полу, от первой боли, первого радостного осознания, что я человек. Все, что есть во мне, в моём сердце,— доброе и дурное — все родилось там, и я не стыжусь восторженности, когда думаю и пишу о родном крае, о дорогих моих земляках. И надеюсь, что читатель не осудит меня, как не осудит другого человека за его сердечную любовь к матери...

Я помню Винничину двадцатых годов, помню свое полусиротское детство с пастушьими тропинками и зябкими рассветами. Нет, не замирало мое сердце от восторга, когда над темной гребенкой далекого леса величественно вставало огненное светило, зажигая на полях и лугах росное серебро. В сердце несмышленыша-пастушка еще не просыпалась поэзия, еще не родилась чуткость к красоте. Пастушок относился к солнцу чисто потребительски — ему нужно было тепло, ему хотелось, чтоб быстрее спала холодная роса, обжигающая босые ноги.

Детство почти всех селянских детей в те не столь далекие годы протекало на пастбищах. И, как всякое детство, оно никогда не задумывалось ни над прошедшим, ни над будущим; оно жило настоящим, а природа не спешила совершенствовать его ум в ущерб еще не окрепшему сердцу; она как бы впрок откладывала самое себя в потаенные уголки памяти детей, чтобы, когда прозреют их сердца, воскреснуть в них живыми картинами, может, более яркими и более волнующими, чем те, которые они будут наблюдать вокруг себя в трудовой обыденности, отягощенные тревогами о земле и хлебе.

А пока хлопчики и дивчата упивались своим настоящим, жили нехитрыми ребячьими забавами и пастушьими заботами, неосмысленно постигали сущность всего живого, что их окружало. С закатом солнца, смертельно усталые, брели они домой. В сумерках хаты присаживались к столу, где вечеряла из одной миски семья... Засыпали там, где сморивал сон,— на топчане, на лавке, на полатях либо на печке. Никто не имел понятия, что такое «моя кровать», «моя подушка». Одеяла и простыни заменяли домотканые рядна или старые свитки. Единственное, что каждый имел свое,— это ложку, ароматно пахнущую деревом. И никому в голову не приходило, что жизнь может быть иной, никто не задумывался, почему белый хлеб появлялся в хате лишь на рождество и на пасху, почему чай кипятили только для захворавших, хотя в коморе стоял мешок, а то и два сахара, полученного на сахарном заводе за сданную свеклу.

Каким все это кажется сейчас далеким и невероятным! Как не похож образ жизни нынешнего украинского села на ту отшумевшую жизнь! И детство — далекое Вчера,— как всегда, самое верное зеркало Сегодня. По его цветению легко распознать все содержание людского бытия.

Во многих селах Винничины побывали мы недавно с моим другом Николаем Козловским. Мне почему-то хотелось увидеть хоть одного босоногого хлопчика — ну, не из-за бедности бегающего босиком, а хотя бы озорства ради. Не увидел. Смотрел на детей, которые выросли на той же земле, под тем же небом, что и я, разговаривал с ними, даже угадывал знакомые черты в их лицах, черты, передавшиеся от их родителей, известных мне. И, кажется, совсем они другие, ничем не похожие на наше пастушье племя двадцатых—тридцатых годов. Не потому, что все они хорошо одеты, со школьными портфелями или сумками, что многие — с велосипедами. Это дети новой эпохи, перед которыми жизнь уже успела раскрыться своими самыми прекрасными гранями.

Все это не ново и элементарно, но иногда нужно прикасаться к нему мыслями, чтобы явственнее ощущать всю глубину преобразований жизни народной.

И вот мы странствуем по живописным дорогам Винничины. Немировский шлях — добротное асфальтовое шоссе; по обочинам его раскинули могучие ветви липы-гиганты. Но нас тянет в «глубинку», и наша машина сворачивает на Гуменное, за которым распростерлись необозримые поля хлебов и свекловичных плантаций. Вот она, богатая земля Винничины, та самая земля, о которой говорят: «Воткни в нее оглоблю — телега вырастет».

Нас сопровождает заместитель председателя Винницкого райисполкома Петр Павлович Чорный — действительно чернявый, густобровый крепыш с улыбчивыми глазами. После того, как мы побродили по хозяйству колхоза имени Мичурина, поговорили с доярками и поехали дальше — в село Александровку, затем в Олеповку, я уловил удивленно-насмешливый взгляд Петра Павловича. Этот взгляд как бы говорил: «Ничегошеньки ты из окна машины да при коротких остановках не увидишь и не поймешь». Но я видел именно то, что меня интересовало: строятся ли новые дороги, много ли осталось хат под соломенными крышами, есть ли во всех селах клубы, много ли телевизионных антенн над каждым селом, шагнуло ли электричество в самые отдаленные переулки. И еще хотелось увидеть босоногого хлопчика... И хотелось понять что-то самое главное, которое действительно может не прийти на ум, когда ты из машины пялишь глаза на село, на людей или бродишь по колхозным фермам...

И тут мне вспомнился недавний разговор в Москве с моим другом и моим любимым прозаиком Анатолием Калининым, который постоянно живет в хуторе Пухляковском, на Дону. «Как аккумулятор нуждается в периодической зарядке от источника электроэнергии,— сказал он,— так и писателю надо пополнять свои чувства, наблюдения, свой эмоциональный заряд от родной земли, от людей, среди которых он родился и вырос».

Какая верная мысль! Ведь нечто подобное происходит и со мной, когда я попадаю на родную Винничину. Да и сейчас, когда мы ездим по селам Винницкого района, я не могу сдержать радостного волнения от того, что редко встречаются соломенные стрехи и что там, где еще уцелели старые хатенки, уже вырастают рядом с ними шлакобетонные стены новых домов. Это главная примета всех сегодняшних сел Винничины. А разве ни о чем не говорит цифра 108 миллионов рублей, которые в прошлом году только из местного бюджета истратила область на социально-культурные нужды?

Да, цифра внушительная. Но совсем не внушительно выглядит цифра другая. Когда мы увидели строительство новых булыжных дорог, ведущих к колхозам «Богатырь» и «Путем Ленина», заговорили о дорогах во всем Винницком районе.

— Только шесть колхозов не связаны булыжными дорогами с центральными магистралями,— сказал нам Петр Павлович Чорный, но умолчал, что каждый колхоз объединяет по два, а то и по три села. Значит, сколько еще сел бедствует во время весеннего и осеннего бездорожья!.. Тут уж я скосил на нашего попутчика насмешливые глаза, дав ему понять, что кое-что смыслю.

В селе Михайловке нас ожидала приятная встреча с председателем колхоза имени Чапаева Явтухом Ивановичем Ксенчиным, недавно награжденным орденом Ленина за успехи артели в выращивании свеклы. Мы с ним старые знакомые: в тридцатые годы Явтух Иванович был председателем колхоза в моем родном селе Кордышивке и славился не только как хороший хозяйственник, но и как автор всякого рода афористичных изречений; это ему, например, принадлежит ставшее широко известным предупреждение выпивохам: «Не пей самогонки, а то ботва на голове вырастет».

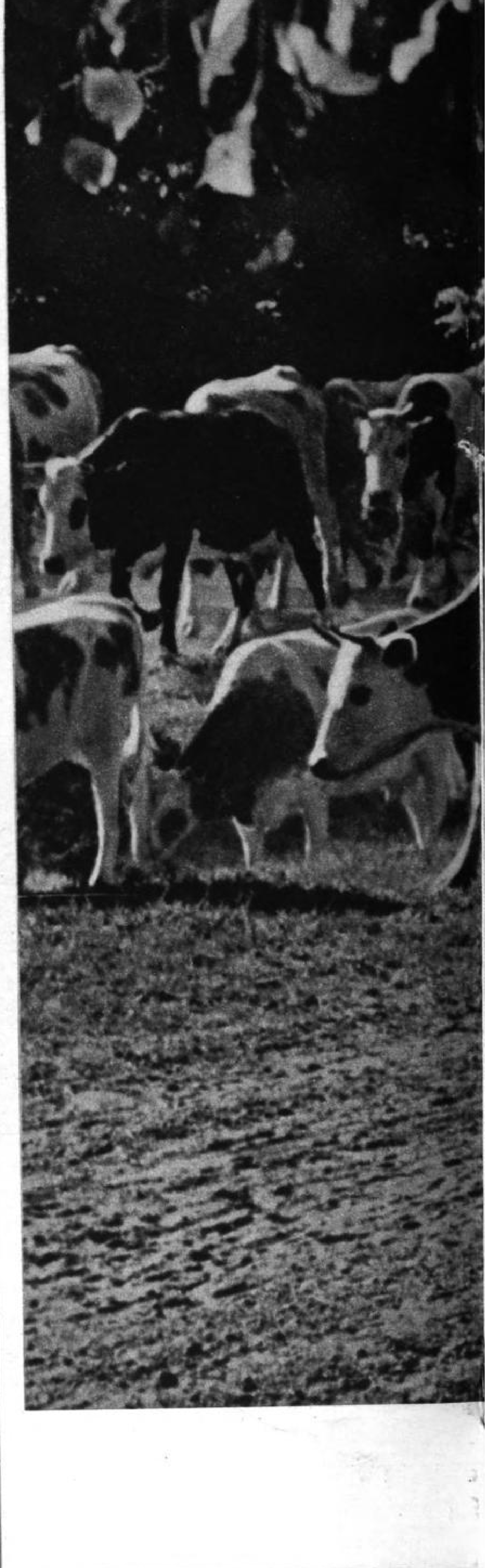
Заговорили о делах в колхозе, о видах на урожай, о преимуществах выращивания свеклы перед зерновыми, о заработках механизаторов и животноводов, о степени обеспеченности работой колхозников зимой и летом. Картина довольно отрадная: артель с превышением выполняет государственные поставки и дает людям полную возможность иметь хороший заработок.

Я ощутил смутную тревогу от того, что не задал Явтуху Ивановичу какого-то главного вопроса, и когда он приглашал нас на обед, я старался оттянуть время и подольше посидеть в тени на лавочке возле конторы колхоза. Наблю-

Председатель колхоза имени Чапаева Явтух Иванович Ксенчин — рачительный хозяин.

Немировский шлях...

«Огонек».
1966.

Заместитель комсорга Цекинской средней школы Ямполь
Грабовская счастлива: она окончила девятый класс с отли

С пастбища.

кого района Таня
іными отметками.

Комсомолку Светлану Дацюк знают в колхозе «Рассвет», Винницкого района, как хорошую работницу.

Солнце уходит на покой, а у механизаторов еще много хлопот. Подкормка сахарной свеклы на полях колхоза имени Чапаева.

дательный Петр Павлович Чорный, то ли уловив мою тревогу, то ли обратив внимание на сбивчивость моих вопросов, предложил зайти в контору и познакомиться с документами артели. Но разве могли документы сказать больше, чем прямой разговор, тем более что я еще до этой поездки был оснащен цифрами вполне достаточно! И деликатно отказался заходить в контору. Тут же мелькнула догадка: «Не ждали ли нас в этом колхозе, если документы наготове?»

Я помню Явтуха Ивановича Ксенчина как рачительного хозяина, как председателя, умеющего ладить с людьми и всегда проявляющего о них заботу. Вспомнилось, как в голодный тридцать третий год он открыл в колхозе столовую для учеников начальной школы и однажды, когда я, третьеклассник, дежурил по столовой, дал мне тайком кусок хлеба сверх пайка.

За обедом Явтух Иванович, посмеиваясь, напомнил мне, что я не умел толком управляться с парой захудалых лошаденок на каких-то работах, а я предъявил ему претензию, что недополучил чашку меда за то, что пас колхозных телят, и мне этого меда жалко до сих пор. Словом, велся то веселый, то грустный разговор, какой обычно ведется между старыми знакомыми, которые давно не виделись. А вот то главное, о чем нашептывала мне интуиция и что хотелось узнать, никак не удавалось оформить в четко выраженную мысль... Так, не уяснив для себя какого-то самого главного вопроса, мы и уехали, взяв курс на Кордышивку, где нас в ряду других встреч ждала встреча со Светланой Дацюк.

Впервые я увидел ее два года назад в кордышивском лесу — самом прекрасном из всех лесов на земле. Я возвращался из знакомого ельника, который мы, второклассники, посадили в тридцать втором году. Закопали в землю еловые шишки, и сейчас на том месте вымахали могучие великаны, непривычно соседствуя с лиственными деревьями.

Над крутым лесным оврагом перекликались грибники. И вдруг мне навстречу вышла девушка с лукошком. Я замер на месте. Кажется, я ничего очаровательнее еще не видел! Ни на одном полотне самого гениального художника.

— Добрый день,— певуче поздоровалась девушка, с любопытством посмотрев на меня бездонными, диковатыми глазами.

— Здравствуй,— ответил я и заметил, что под моим взглядом девушка чуть покраснела. Тут же по сельскому обычаю спросил у нее:

— Чья ты такая?

— Сяньчина,— ответила девушка и, смутившись еще больше, заспешила к подружкам.

Идя к селу, я все думал о том, как богата земля красивыми людьми и как жаль, что у меня нет сейчас возможности заснять вот такую девушку в кино и показать ее всему миру.

«Сяньчина»,— звучал в моей памяти ее голос. И вдруг я вспомнил: Сянька — жена моего школьного дружка Мити Дацюка!.. А девушка эта — их дочь, Светлана!

И сердце мое зашлось от боли. Заметьте: девушка, когда я спросил, чья она, назвала имя матери, а не отца.

Дмитрий Павлович Дацюк... Вернулся он с войны в звании старшины, вся грудь — в высоких боевых наградах. Избрали его председателем колхоза. Трудные то были времена послевоенной разрухи. Многое удалось сделать Дмитру, а многое не удалось. За давностью не помню, как все произошло, но знаю, что Дмитро Дацюк оставил семью, родное село и переехал в соседний район. И там погиб — трагически, при загадочных обстоятельствах: его нашли повешенным. Было ли то самоубийство, никто не знал...

А теперь мне рассказали, что ходят слухи, будто Дмитро Дацюк погиб насильственной смертью. Я вспомнил о его дочери Светлане, которую два года назад видел в лесу.

И вот мы ведем с ней неторопливый разговор. Перед нами сидела красивая девушка с загорелым лицом и несколько недоумевающими глазами. Ее лучистый взгляд с какой-то нетерпеливой деликатностью спрашивал: «Что вам от меня нужно?» А я с горечью размышлял над тем, что Светлана уже не казалась мне лесной русалкой (да простит она меня за такую откровенность), что два года, которые я не видел ее, будто бы чуть притушили красоту девушки, огрубили нежный овал лица. Но тут вспомнил, что, когда впервые увидел ее, была весна; сейчас же — разгар лета, разгар полевых работ, а солнце да ветер никого не щадят, как не пощадили они и Светлану. В памяти всплыла заключительная строфа поэмы Василия Федорова «Проданная Венера», по-иному прозвучали взволнованно-горестные слова:

За красоту
Людей живущих,
За красоту времен грядущих
Мы заплатили красотой.

Да, что поделаешь: приходится платить и человеческой красотой во имя того, чтобы жизнь не была уродливой... Как узнал я, на попечении Светланы Дацюк около двух гектаров свеклы! Тяжкий это труд, еще мало механизированный. Сколько раз, согнув спину, надо тяпкой переворошить такую площадь земли, вначале уничтожая сорняки, а потом и лишние всходы! Каждую свеколку приходится обласкать пальцами, оставляя в кустистом ряду самую сильную. Сколько часов, дней, недель надо провести на жаре и ветру в нелегкой работе... А потом в слякотную осень уборка свеклы...

— Тяжело? — с чувством виноватости спросил я у Светланы.

— Конечно, нелегко,— ответила она с веселой снисходительностью.— Но кому ж, как не нам, молодым, за нелегкое браться?— И посмотрела на нас, как на неразумных детей.

В этом ее взгляде, в мимолетной улыбке, в певучем голосе проглянуло такое очарование, что мне опять погрезилась лесная королева из сказки и подумалось о том, что живописцы, наверное, вот в такие мгновения и постигают всеобъемлющую сущность человеческой красоты, запечатлевая ее сияние на полотне.

— Работаем же не за спасибо,— добавила Светлана, будто рассеивая какие-то наши сомнения.— Теперь все хотят работать...

Я уловил глубокий смысл в этих непростых словах, но пришлось отвлечься и заговорить со Светланой о ее покойном отце.

...Да, Светлана подтвердила: ходят настойчивые слухи, будто Дмитрия Дацюка погубили его недруги и будто есть люди, которые могли бы это доказать, но боятся мести, а следственные органы за давностью времени не возвращаются к «закрытому делу».

Народная молва, конечно, великая мастерица рождать слухи. Но если эти слухи будоражат умы людей, их надо развеивать, если они беспочвенные, или не спешить «закрывать» дело, если не все ясно... Будем верить, Светлана, что правда и справедливость не покорятся злу.

...Наша «база» в Кордышивке — в новой, отлитой из шлакобетона хате Миколы Яковлевича Штахновского, шофера автобазы Степановского сахарного завода. Микола — муж моей племянницы. Несколько лет терпеливо возводил он хату, и сейчас у самого леса на краю села высится она, могучая, гордая, как некое оборонительное сооружение. Попутно замечу, что столбы для ворот и для штакетника Микола отлил тоже из смеси цемента и гравия (разумеется, на каркасе из толстой проволоки), и суждено им теперь целые века нести свое прозаическое назначение.

Вечером Микола Яковлевич решил по случаю приезда гостей устроить иллюминацию — дать дополнительное освещение не только в хате, но и во дворе, в переулке. И перестарался: начисто сгорели пробки на щитке и даже перемычки на столбах. Все погрузилось во тьму. Но электрослужба в селе работает надежно: через полчаса на столбе уже сидел монтер и не в лучших выражениях благословлял обескураженного Миколу.

...Застольная беседа не всегда располагает к деловым темам. Мы сидим в компании первого секретаря Винницкого райкома партии Кравчука Василия Кирилловича и секретаря по пропаганде Кугая Петра Трофимовича. Здесь и председатель колхоза имени Можайского Веретинский Леонид Игнатович и уже знакомый читателю Ксенчин Явтух Иванович.

Петр Трофимович Кугай — непревзойденный мастер рассказывать анекдоты. И каменные стены хаты даже гудят от надсадного хохота. От небылиц переходим к былям.

— Недавно на колхозном собрании был случай,— рассказывает Леонид Игнатович.— Собрание уже к концу подходило, но председательствующий все выспрашивал, нет ли еще желающих выступать. А один дедок уснул в заднем ряду. Какой-то школьник, шутки ради, растолкал его и шепчет:

— Диду, чего ж вы молчите? Выступайте!

— Га-а?— проснулся дед.— Зачем мне выступать?

— Так решили ж на вашем огороде мельницу колхозную строить! Каменную!

— Что-о?! На моем огороде?!— И сорвался с места.— А ну дай слова, голова!

Вылетел дед на трибуну да как заорет:

— Вы что, сдурели?! Я столько лет в колхозе проработал, а вы мельницу на моем огороде?.. Кто дал право? За такие дела по шапке получите!

А собрание ничего не понимает. Все пялят на деда глаза, думают: рехнулся. Утихомирили только тем, что напомнили: права колхозников на приусадебные участки закреплены в партийных и правительственных документах.

Постепенно переходим к разговору о самом главном — о задачах сельского хозяйства, выраженных в директивах XXIII съезда КПСС. Василий Кириллович Кравчук — делегат съезда. Заметно, что в нем еще не улеглось волнение, вызванное пребыванием в Москве. Говорит он темпераментно, со знанием всех тонкостей проблем земли и крестьянина, раздумчиво напоминает, что директивы съезда по сельскому хозяйству исходят из решений мартовского Пленума ЦК КПСС.

Меня вдруг обожгла до обидного ясная мысль, та самая, которую я так упорно искал. Я вспомнил, как вскоре после мартовского Пленума группа литераторов, пишущих о селе, и редакторов была приглашена в ЦК КПСС для беседы. В кабинете секретаря ЦК П. Н. Демичева состоялся откровенный разговор о наших тревогах и сомнениях, о том, куда каждый из нас устремляет свой творческий поиск в новых условиях. Не без оснований мы выразили озабоченность тем, что прежние многочисленные решения по вопросам сельского хозяйства заметно не изменили экономического и правового положения крестьян, и может случиться, что крестьяне отнесутся с недоверием и к новым решениям со всеми вытекающими отсюда нежелательными последствиями. Вставала пропагандистская задача огромного значения.

И Василий Кириллович сейчас говорил о том, что итоги уже прошлого сельскохозяйственного года показали: партия хорошо справилась с этой задачей. Настроение у колхозников прекрасное. Повысились доходы колхозов, стал по-настоящему весомым трудодень. Сыграли огромнейшую роль и решения о пенсиях для крестьян, о приусадебных участках и домашнем животноводстве.

А для меня из комплекса всех этих факторов и встали те самые главные, искомые вопросы, которые можно сформулировать примерно так: о чем мечтают сейчас колхозники, когда в их дом вошел достаток, приходит городской быт и когда они обрели веру в постоянство своей полновластности на земле? К каким идеалам устремлены теперь сердца крестьян? Каким бы они хотели видеть свое ближайшее будущее и будущее своих детей?..

Коль ясны вопросы, надо искать ответы на них. Этим мы и занимаемся в последующие дни. Очень хотелось встретиться с опытным механизатором Шинкаруком Василием Семеновичем. Но Василь еще на рассвете оседлал мотоцикл и растаял в безбрежности полей. Столкнулись близ усадьбы бригады со старым колхозником Гуменюком Арионом Степановичем. С ходу неудобно расспрашивать о самом главном, но он будто угадал наши мысли и заговорил первым:

— Повезло людям, которые позже родились.

— В чем же повезло?

— Во всем повезло. Пришла жизнь, которую мужик в счастливых снах видел: и заработок хорош, и с землей стали по-хозяйски обходиться, и пенсия тебе полагается... Вот я, например: все у меня есть для хорошей жизни... Нет только сил: изработался... стар

Л. И. Веретинский — председатель колхоза имени Можайского. Недавно земляки поздравили его с орденом Трудового Красного Знамени.

стал... А время пришло такое, что молодым хочется быть...

Удивительно, что затем почти эти же мысли высказал мой дядька — восьмидесятишестилетний Иван Исихиевич. У него еще и другая боль: вырастил Иван Исихиевич пятерых сыновей, и никто из них в село не вернулся — один погиб на войне, трое много лет прослужили в армии и в звании старших офицеров ушли в запас, а самый младший после действительной застрял на строительстве в Москве.

— Вот я и говорю,— размышлял мой дядька,— надо что-то делать, как-то объяснять теперешней молодежи: всем места в городах не хватит. Да и в селе сейчас не хуже, чем в городе. Селянин избавился от каторги, которая была при единоличном хозяйстве. Раньше работали, как лошади, а теперь куда ни глянь — машины. И за трудодень добре платят, и свет, и радио, и читать есть что, и с огорода хорошая подмога.

Зная, что Иван Исихиевич любит «пофилософствовать», умышленно подначиваю его:

— Но при огородах трудно крестьянину избавиться от частнособственнической психологии.

— А ты не будь таким разумным!

— Почему?

— А потому, что не дело говоришь! Скажем, у вас в Москве многие покупают себе квартиры, дачи, машины. Так что, они тоже ломают свой характер в сторону кулацкого? Как ты думаешь?

— Квартира и дача дохода никому не приносят.

— И опять не то говоришь. Верно: огород и садок дают прибыль. Но дело не в прибыли, а в том, что если у тебя квартира, машина и дача, купленная на скопленные грóши, ты чувствуешь себя собственником! А интеллигентам такие чувства ни к чему! Интеллигенция нам должна помогать избавляться от этой коросты.

Точка зрения старого колхозника насчет того, какие обстоятельства рождают мелкобуржуазную психологию, разумеется, не бесспорная, но любопытна хотя бы потому, что крестьян интересуют абсолютно все и подчас далеко не простые стороны нашей жизни.

Итак, кажется, я узнал многое из того, что не давало мне покоя. Но вот беда: Николаю Козловскому надо делать фотосъемки, а небо все эти дни затянуто тучами. И я тревожился, что не приглянется ему Винницкая земля в сумрачном освещении непогожих дней. Солнце, будто дразня фотомастера, только изредка выглядывало из-за туч. Выглянуло оно и в ту минуту, когда мы зашли в акациевый лес, раскинувшийся над огромными прудами Степановского сахарного завода. Непередаваема эта картина. Высокие, с неприятно шершавой корой деревья густо облеплены белыми гроздьями цветов. Даже трудно дышать от густого нежно-сладкого запаха. В ветвях — неумолчный, монотонный пчелиный гуд. И когда солнце бросило косые лучи на кроны тысяч акаций, будто свершилось волшебство: цветущие гроздья приняли светло-янтарный оттенок, словно засветились изнутри, и, кажется, еще нежнее и устойчивее заструился пьянящий аромат. Зарумянился внизу пруд, где-то в стороне встрепенулась кукушка и разразилась вещим звоном...

Затем мы опять бродили по улицам Кордышивки, разговаривали с людьми, прислушивались к далекой голосистой песне девчат, смотрели на молодые сады, поднявшиеся возле новых хат. Не радовали нас только дороги — две накатанные колеи среди комьев затвердевшей земли, перемолотой колесами машин в весеннюю распутицу так, что уже и трава на ней не растет.

И все-таки я замечаю, как суровый Николай Козловский светлеет лицом: он присмотрелся ко всему, что нас окружает, понаслушался разговоров (может, передалась ему и моя восторженная взволнованность и моя тревога), и он завздыхал, задумался. С досадой посматривал на небо в надежде, что тучи совсем выпустят из плена солнце.

Но мне думается, что все-таки фотопленка не в силах отразить глубинное биение пульса жизни народной с ее радостями и печалями. Разве можно запечатлеть крик родившегося ребенка и тихую радость родителей? Разве сфотографируешь спокойствие повелителя земли — крестьянина, уверенного в завтрашнем дне? А как передать скорбь матерей, чьи сыновья не вернулись с войны, как рассказать об уснувшей боли, но вечно живой тоске овдовевших молодиц, как проникнуть в души выросших без отцовской ласки хлопцев и девчат? Да, раны земли, которые оставила война, рубцуются быстрее, чем раны человеческие.

А как передать необъятную доброту людскую? Добрых людей — море, а злых — что бодяков на хорошо ухоженной ниве.

Никогда не забуду слез на глазах первого секретаря обкома партии Павла Пантелеевича Козыря. Он рассказывал мне о судьбе своего товарища — Поштарука Степана Гавриловича и говорил о человеческой сердечности.

Степан Гаврилович работал секретарем райкома партии, затем его избрали председателем райисполкома. А двенадцать лет назад, один из первых тридцатитысячников на Винничине, он пошел в самый отсталый колхоз, в село Кукавку. Там избрали Поштарука председателем и взвалили на его плечи все беды колхоза: неурожаи, запущенное хозяйство, пустые коморы и пустую кассу. А со временем колхоз имени Богдана Хмельницкого стал одним из лучших в области.

Нежданно семью Степана Гавриловича подкараулила страшная беда. Их дочь Галя, студентка медицинского института, во время пожара в селе смело кинулась в огонь, чтобы спасти двоих маленьких детей. Галя получила тяжелые ожоги и вскоре скончалась.

Более страшное горе трудно себе представить. И семья Поштаруков решила уехать из Кукавки, где все напоминало о Гале.

Степан Гаврилович созвал колхозное собрание, чтобы отчитаться о своей работе и избрать нового председателя... Колхозники решили по-иному.

— Ваше горе, Степан Гаврилович, это и наше горе,— заявили они. И нашли другие слова, идущие от самого сердца, от глубинной народной мудрости, и убедили Поштарука в том, что самая тяжкая беда легче переживается в кругу друзей, побратимов, соратников. Единогласно постановили отправить Степана Гавриловича и его супругу, сельскую учительницу, в длительный отпуск и снабдить за счет колхоза путевками на курорт. Заверили, что все будут работать так, как еще никогда не работали, во имя памяти о Гале Поштарук, во имя большой человеческой любви ко всему праведному, настоящему, светлому.

— В этом — душа народная,— рассказывал Павел Пантелеевич Козырь,— чистая и честная, любвеобильная и искренняя...

Справедливые и мудрые эти слова. Душа народная щедро откликается всей глубиной своих чувств на любые прикосновения к ней жизни. Именно на все прикосновения. Весь уклад нашего социалистического бытия научил людей не отделять себя, свою судьбу ни от событий, происходящих рядом, ни от событий в государстве и во всем мире. Родилось новое, совершенное общество, где каждый член его живет заботами, выходящими далеко за пределы личных интересов.

Таков облик трудовых людей современного украинского села. Они научились мыслить широкими категориями.

Наполненной, интересной жизнью живет соловьиная Винничина. Как же не любить ее, если люди там добрые и работящие, мудрые и веселые, если все там наполняет твое сердце радостью и поэзией, как не болеть о ней, если нет для тебя на земле более родного края!

Николай СИДОРЕНКО

ВЕЧНОЙ СВЕЖЕС

Весенняя капля

Дорожку буравит под снежной
крышей
И — сорвалась в корытце.
И день услышал, и я услышал:
Свет на земле творится.

И невозможно прервать движенье,
Если она, предтеча,
Предвозвещает весны рожденье...
Будет же где-то встреча!

Не замирай, тишину вбирая,
Шире открой оконце.
Пора туманная и сырая...
Светит же где-то солнце!

Все измельченное, все случайное
Сразу куда-то канет,
И необъятно-необычайное
Властвовать нами станет.

И сплошь воды и ветра сияние.
Хочется быть счастливым!
Катится круглое воркование
С темно-синим отливом.

Мы брали город

Нас город ждал
В сугробах за рекою.
Плескались
От снарядов полыньи.
Бил пулемет
Над мерзлою землею,
И умирали
Сверстники мои.

О своих друзьях— книгах

«Когда пишешь о книгах, всегда вступаешь в круг событий, связанных с ними, и, может быть, самое прекрасное в том, что события эти беспредельны и неповторимы по своему разнообразию». К этим словам хотелось бы добавить, что и читатель, открыв «Заметки книголюба», написанные В. Лидиным и озаглавленные им «Друзья мои — книги», вслед за автором тоже вступает в круг поразительных событий. Вот, например, одно из них. Во время первой мировой войны группа венгров-военнопленных, живших в Красноярске, создала рукописную книгу — перевод «Евгения Онегина» на венгерский язык. После

Вл. Лидин. Друзья мои — книги. Заметки книголюба. Издательство «Книга», 1966.

ТЬЮ ВЕЕТ...

Мы залегли.
Бил пулемет с погоста.
Солдат пополз,
Вжимая тело в снег.
Светило солнце
Радостно и просто.
Слепила высь,
И день сиял для всех.

И в этот миг
Немыслимой лазури,
В неистовстве,
Открыв беззвучный рот,
Он встал, шагнул,
Прижался к амбразуре
И умер так.
И полк пошел вперед.

Мы город взяли...
Время, словно глыба,
Загородило
Белизну дорог.
Иван Петров,
За жизнь тебе спасибо,
За то, что встал.
Прости, что я не смог.

* * *

Анне Андреевне Ахматовой

Постепенно отходит ненастье
От безбрежья небес и воды.
На песчаном, невысохшем насте
Снова узкие тают следы.

Это Муза в сиротстве бродила,
Вспоминала свое ремесло.
Реют пó ветру сосен ветрила,
День цветочной пыльцой занесло.

Все живое, родное по крови
Утверждается заново тут.
По-хозяйски скворцы в Комарове
В деревянных домишках живут.

Я грущу о несбыточном чуде
И впадаю на миг в забытье...
Как прекрасно, что смертные люди
Детски верят в бессмертье свое.

Вечной свежестью веет в аллее.
Тихий вечер затеплил звезду,
И звучат, как в старинном лицее,
Ямбы строгие в Вашем саду.

Спартак

Рабы уснули после боя —
Живой в обнимку с мертвецом.
Он был лицом к лицу с судьбою,
Между началом и концом.

Смерть обошла его, не тронув.
Плыла над станом тишина.
Но поступь свежих легионов,
Из Рима посланных, слышна.

Он примет бой. С отвагой львиной
Он будет мстить, покуда жив.
Спартак не явится с повинной,
Безвольно щит и меч сложив.

Пусть обречен. Но видят боги:
На гладиаторских кострах,
Как за спиной мосты в дороге,
Он сжег неверие и страх.

Пусть в героическом походе
Не всем судилось уцелеть.
Кто заглянул в лицо свободе,
Не может рабски умереть.

Исчезнут имена злодеев,
Надгробья обратятся в пыль,
Но вспомнит Спартака Рылеев,
И вспомнит Спартака Джалиль.

Павел ГРУШКО

Сахарный тростник — кáнья,
Рубка тростника — сафра.
Канья в этот год ранняя.
Сафра начинается завтра.

Остров наточил мачете,
остро наточил мачете:
чтобы был одним срезом
стебель тростника срезан.

День раздвинул туч клочья,
потянулся и, вздохнув сонно,
расколол кокос ночи,
вылущив ядро солнца.

День в густую шерсть кáньи
запустил дорог руки,
день во сто колес катит.
Наступает час рубки.

В рукоять впились пальцы.
Срубленных тростин скрежет.
Убегают прочь пальмы —
сгоряча еще срежут!

Рубят, чтоб с землей вровень:
на счету вершок каждый.
Жестко сведены брови,
на губах пожар жажды.

Тлеет на плечах полдень.
Все светлей лучи просек.
Лбы окроплены потом —
рубщики воды просят.

И, кувшины взяв в руки,
задирают вверх локти,
струек ледяные дуги
бережно вонзив в глотки.

А потом опять в пекло,
чтоб кипела кровь в теле,
чтобы звонко сталь пела,
натрое деля стебли.

Едкий пот глаза жалит,
и тростник сечет скулы.
Патокой зари залит
синий небосклон Кубы...

Через тростники пальмы
медленно бредут в темень.
В этот поздний час парни
ищут посочней стебель.

И грызут его с хрустом,
всасывая сок сладкий,
и уходит прочь усталь,
распустив на лбах складки.

Все смелей цикад гомон,
все синей вдали взгорья.
Солнце золотым комом
падает на дно моря...

победы Великой Октябрьской революции, уезжая на родину, венгры подарили книгу своим русским друзьям. Об удивительном этом подарке рассказано в главе «История одной мечты», которую нельзя читать без волнения.

У книг долгая жизнь. Они переживают своих создателей, сохраняя и донося до последующих поколений драгоценные свидетельства эпохи. Простая дарственная надпись на книге проливает свет на отношение писателя к тому или иному лицу, помогает установить некоторые забытые или попросту неизвестные биографические факты. Рассказам о таких надписях посвящены многие страницы книги Вл. Лидина, и любознательный читатель откроет для себя немало нового и волнующего, связанного с именами Г. Р. Державина, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, В. Ф. Одоевского, Н. С. Лескова...

С особой теплотой и бережностью рассказывает Вл. Лидин о писателях ныне забытых. Ведь их труд — немаловажный вклад в общий литературный процесс: «Времени дано во всех его видах отложиться в литературе, и весь вопрос в том, кто в силу своего таланта лучше отобразит это время». Справедливое это рассуждение писатель подкрепляет выразительным художественным образом: «Чтобы понять закономерность прилета или отлета птиц, орнитологи обращаются не к одним лебедям или певчим птицам, но и к птицам, которые петь не умеют: однако и они определяют законы перелетов». И действительно, воскрешаемые Лидиным забытые имена и судьбы, названия книг и различные факты литературной жизни помогают ощутить и понять «дуновение времени», атмосферу далеких лет.

Немало места уделил писатель рассказам об энтузиастах издательского дела, о собирателях книг и старых букинистах — о людях, страстно любящих книгу.

«Все труды и дела человека, все его открытия, всю его пытливую мысль и искания отражает прежде всего книга... Ее судьбы богаты, величественны, иногда трагичны и горестны, но на всех своих путях и при всех обстоятельствах книга служила и служит человеку...» — пишет Вл. Лидин. И созданная им книга, богатая интересными фактами, превосходно написанная, не только увлекательна своим содержанием, но и служит большому, важному делу. Она воспитывает в читателе, и прежде всего в молодом читателе, любовь и уважение к книге — этому «воздуху, без которого не может жить и развиваться человек».

Н. ЦВЕТКОВА

Поколение победителей

Совсем недавно писатель Сергей Баруздин опубликовал свой первый большой роман о войне «Повторение пройденного». И вот на страницах журнала «Нева» появилась его военная повесть «Речка Воря».

Не скрою, я начинал читать повесть с чувством некоторой тревоги. Не повторит ли писатель совсем недавно сказанное? Не окажется ли его новое произведение вариантом предыдущего, как это, к сожалению, не раз случалось в нашей литературе? Но тревога бесследно исчезает после прочтения первых же страниц повести. Ведь вот рассказывает писатель о ситуациях и людях, как будто не раз и не два описанных, казалось бы, хорошо знакомых читателям. А воспринимается повесть как маленькое, но дорогое открытие: такой свежестью, чистотой, благородством веет от образов главных героев — связистки Вари и младшего лейтенанта Славы Солнцева.

В повести постоянно ощущаешь атмосферу неподдельной достоверности, безыскусности. Невелик объем повести. Очень проста и ее фабула. Двадцатилетняя московская девушка Варя добровольно идет на фронт в трудные дни весны 1942 года. Знакомство в пути с сопровождающим группу девушек-добровольцев младшим лейтенантом. Прибытие в часть. Внезапно возникающее первое взрослое чувство любви. Первые бои. Гибель Славы.

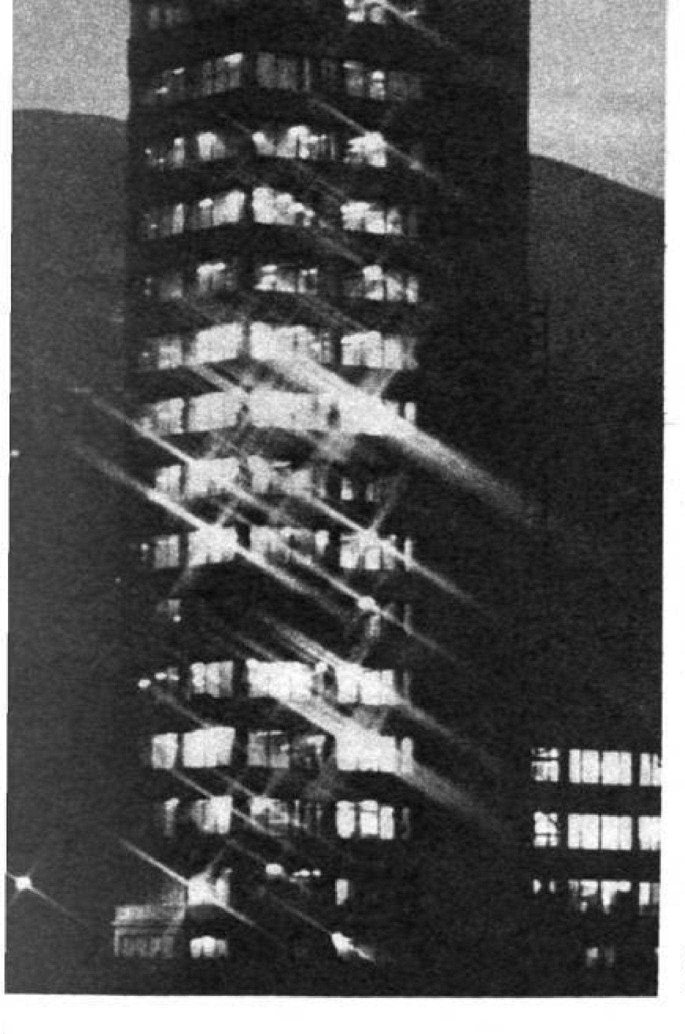
В этой простой истории нет ничего исключительного: вероятно, подобных историй в годы войны было великое множество. В ней нет и придуманной романтики: все совершается очень естественно, обычно, как и было в действительности. Но разве не исключительна сама типичность скромных героев, разве не исполнен самой высокой романтики эпизод, когда Варя во время боя, в траншее, узнает, что у Славы день рождения, и дарит ему свесившуюся в окоп ветку сосны, которую Слава кладет под ствол автомата, изрыгающего огонь по фашистам!

Сергей Баруздин в новой повести демонстрирует высокое композиционное мастерство. Автор точно мотивирует поступки героини, ее мысли и чувства, убедительно показывает истоки формирования ее характера. Мне представляется крайне важным отметить как большую удачу автора ту точность, с которой он передает присущее советским людям чувство интернационализма, постоянное ощущение братства с трудящимися всего мира. Описывая зверства фашистов на нашей земле, писатель нигде не изображает священную ненависть советских людей к оккупантам как слепую ярость по отношению к немцам вообще. И знаменитая «Песня единого фронта» Эйслера и Брехта не случайно возникает в памяти Вари и Славы среди крови и смертей как символ веры в международную солидарность рабочих, в победу антифашистского фронта.

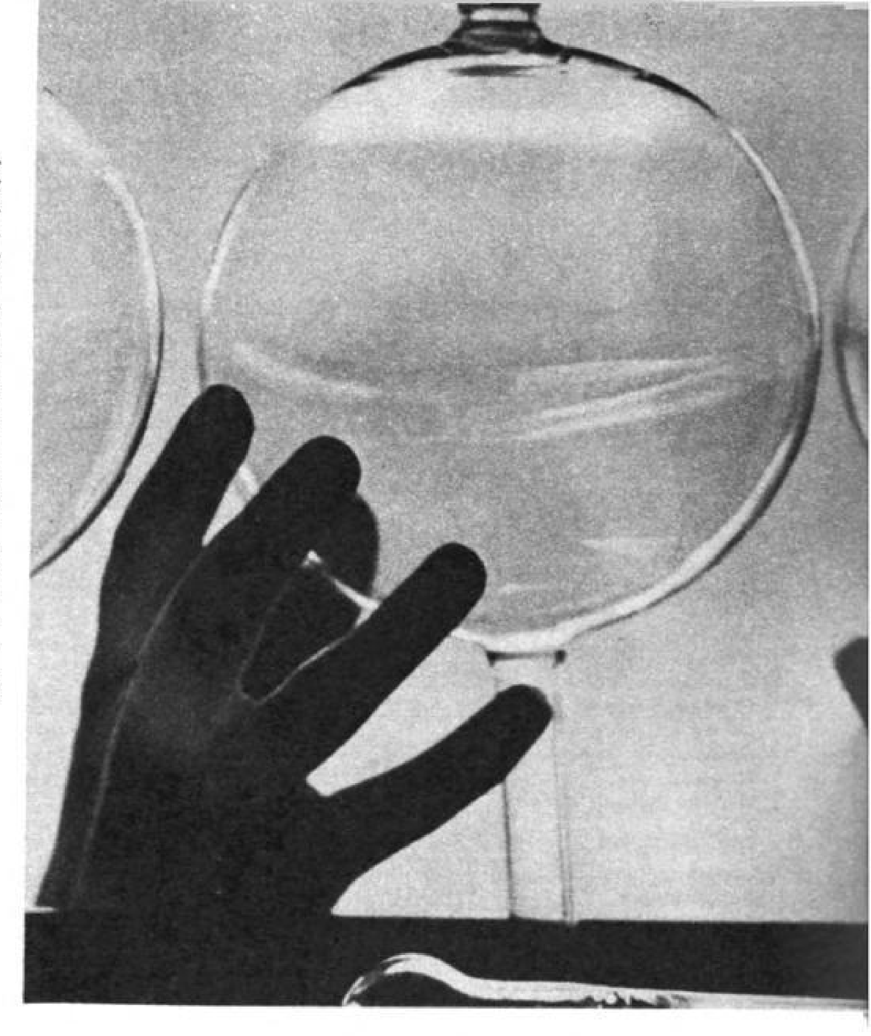
Поколение Вари и Славы, принявшее революционную эстафету от отцов, достойно выполнило свой долг. Оно не только прошло суровое испытание. Оно победило. И Сергей Баруздин талантливо рассказал об истоках этой победы, о ее героях и жертвах, принесенных ради нее.

Юрий ИДАШКИН

Сергей Баруздин. Речка Воря. Повесть. Журнал «Нева» № 2, 1966 год.

В таблице Менделеева немногим более ста элементов, а их разновидностей — изотопов известно около тысячи семисот. Большинство из них радиоактивны и недолговечны. Но встречаются и устойчивые, стабильные. Некоторые из них, выделенные в чистом виде, обладают ценнейшими свойствами. Они открывают небывалые возможности в ряде новых областей техники, таких, например, как атомная или радиоэлектроника. Для многих проблем строительства атомных реакторов использование таких изотопов дает единственно возможные или существенно новые решения. В Тбилисском институте стабильных изотопов Госкомитета по использованию атомной энергии впервые в мире осуществлено комплексное производство стабильных изотопов.

← **Пятнадцатиэтажный кристалл — жемчужина Сабуртало.**

ЖЕМЧУЖИНА САБУРТАЛО

Лев КОКИН

Фото Дм. Бальтерманца.

Большой Гурам.

Юрий Яковлев.

И. Гвердцители и Э. Озиашвили.

1

Прозрачная, геометрически точная башня уходит в небо, как огромный кристалл, украшая собой район тбилисских новостроек Сабуртало. В переводе с грузинского это означает «место, где играют в мяч». Когда-то сюда приезжали горожане, чтобы на просторе погонять мяч в старинной народной игре лело.

...Весенним утром 1960 года на пятом километре Цхнетского шоссе, что карабкается в горы на юго-запад от Тбилиси, затормозила «Волга». Несколько человек подошли к обрыву. Внизу лежала широкая пустынная долина, только справа вдали начинали свое наступление на Сабуртало кубики домов да дымила труба кирпичного завода. В тот теперь уже далекий весенний день пассажиры «Волги» выбрали место для будущего Института стабильных изотопов. Будущей жемчужины Сабуртало.

Но если возвращаться к истокам, к началу, то начался институт задолго до этого весеннего дня.

Первая установка, с помощью которой получали чистый изотоп,— разделительная колонка, прабабка современных, сверху донизу пронзивших башню в Сабуртало,— умещалась на столе в лаборатории Сухумского физико-технического института, где работали Тарасий Гагуа и Ираклий Гвердцители.

Разделение изотопов требует прецизионности — особой точности, чистоты. Многие элементы в природе встречаются в виде смеси изотопов, не отличимых друг от друга по химическим свойствам. Они разнятся по весу, притом эти различия столь малы, что в недавнем прошлом исследователи оказывались не в состоянии их уловить. Изотопы одного элемента — как близнецы, которых родная мать различает лишь по пятнышку на щеке.

Сухумские физики начали свою работу с элемента, известного под номером пять в периодической системе,— с бора. Один из его изотопов — бор-10— сильно поглощает нейтронное излучение. Он необходим в системе защиты и регулирования ядерных реакторов: защита из бора-10 в двадцать раз эффективнее свинцовой и в пятьсот раз — защиты из бетона такой же толщины.

Бор-10 чуть-чуть легче, чем его близнец — бор-11, другой изотоп этого элемента, и, стало быть, более летуч. Жидкость с бором-10 закипает раньше. Правда, разница эта составляет всего одну сотую градуса, но именно ею и решили воспользоваться ученые. Как бы выпаривая бор-10 из смеси, исследователи рассчитывали собрать чистый изотоп в виде паров.

Эксперименты начались с неудач. Получался эффект, прямо противоположный ожидаемому, и не удавалось выяснить, в чем дело, почему в парах вместо бора-10 оказывается в изобилии его близнец — бор-11. Ломали голову, но ничего не могли понять, пока случайно кто-то не взял пробу снизу разделительной колонки — туда стекала жидкость. Оказалось, что легкий бор ведет себя как тяжелый и собирается в жидкость. Это было совершенно необъяснимо, исследователи много раз проверяли себя, прежде чем окончательно убедились: ошиблась теория, а не они...

Первые два литра соединения, богатого бором-10, послали в Москву, и вскоре услышали от Игоря Васильевича Курчатова, приехавшего к ним в институт: «Все так просто? Давайте побольше!»

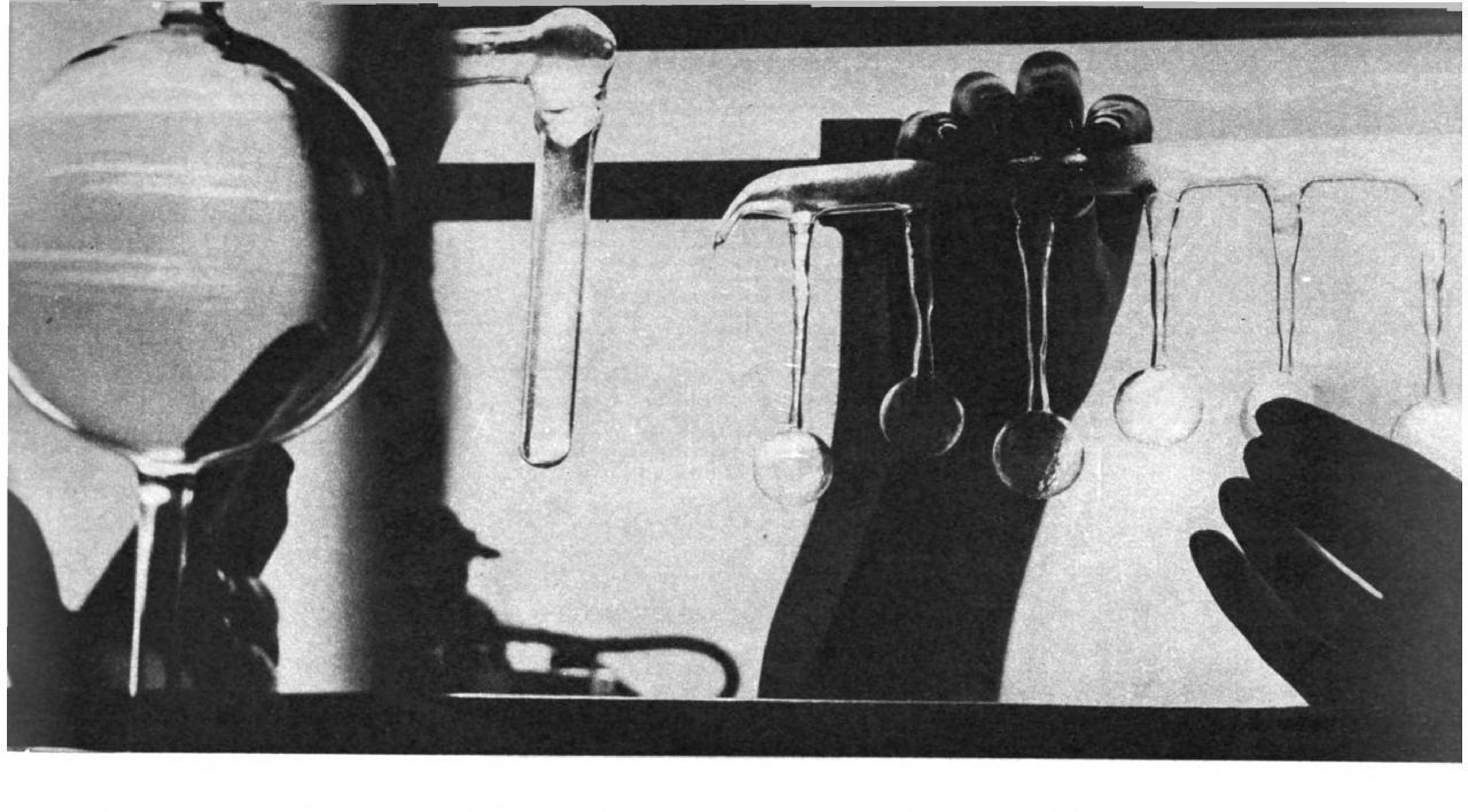
И стали давать.

За настольной колонкой последовала колонка двухметровой высоты. Ее сменила двенадцатиметровая. Так, постепенно подрастая, шаг за шагом приближались они от пробирочных опытов к производству. Все до единого узлы шестидесятиметровой колонны в Сабуртало были полностью отработаны в лаборатории сухумского института. Результат? Сразу после монтажа, без единого срыва установка вышла, как говорят специалисты, на режим.

2

Лет восемь назад специалист по автоматике Гурам Мусхелишвили впервые встретился в Сухумском физико-техническом институте с химиком Элико Озиашвили. Покрывая схемами и химическими формулами «разговорный лист», терпеливо объясняла Элико гостю, что, собственно, происходит в разделительной колонке. А потом показывала ему лабораторные установки, внутри которых шел тонкий процесс разделения изотопов. И Гурам Мусхелишвили сказал тогда, что нужно четыре месяца, чтобы оснастить установки автоматикой. Идеи принципиально ясны, и, если не встретится непредвиденных обстоятельств, четырех месяцев достаточно, сказал тогда Гурам. И, к сожалению, ошибся. Почти в десять раз!

Автоматчики получили задание и уехали делать приборы к себе в Тбилиси — они работали тогда в Институте электроники. На бумаге все получалось нормально, и приборы, собранные без единой лампы, целиком на полупроводниках, выглядели как игрушки, пока их не привозили в Сухуми. И тут выяснялось: техно-

логи тоже не сидели сложа руки — изменили параметры. Или автоматчики что-нибудь недоглядели. Или, кажется, все в порядке: прибор работает. Наладят его окончательно, займутся другим. А прибор вдруг начинает сбиваться по причине, которая никому и в голову не приходила. Слишком малые потоки жидкостей требовалось регулировать. Буквально капли в минуту.

Но как бы там ни было, держались строгого распорядка: работа с утра до позднего вечера, с перерывами на обед и кино, независимо от того, какую картину крутят.

В самом интересном месте нередко кому-нибудь шепнут на ухо: «Барахлит установка». Человек вскакивает, вылетает из зала, а за ним бегут остальные, и, встречаясь возле установки, убеждаются (к сожалению, не всегда), что их попросту разыграли.

Летом, если ежедневная киноразрядка не помогала и выход из очередного тупика не брезжил, махнув на все рукой, сбегали на пляж. Но и тут, как волна, настигала работа. После часа безмятежного пляжного блаженства, вооружась палочкой, кто-нибудь обязательно принимался рисовать на прибрежном песочке блок-схему или кривую регулирования, а остальные подползали на животах и, укладываясь вокруг рисунка этакими лепестками — головы вместе, а ноги врозь,— приступали к обсуждению. Среди действующих ныне приборов есть такие, которые были «построены» на песке...

С разделением изотопов азота они долго возились втроем: Элико Озиашвили, Гурам Мусхелишвили и Юра Николаев. Но однажды их прогнали с азотной колонки. С их колонки! Две недели перед этим они бились с наладкой — ночей не спали, но никак не могли попасть на режим после очередной остановки. И тогда Гвердцители пришел и сказал: «Отдыхайте три дня». И опечатал двери. На глазах у Юры Николаева были слезы: он ни за что не хотел уходить.

Юра показал свой характер, едва приехал в Сухуми, еще студентом Московского инженерно-физического. Был он маленький, тоненький, очень юный. Пожилая женщина-химик, которая готовила ему материалы, возмущалась: «Что за мальчик у нас появился, на наше горе? Я сказала ему: приходи через час, прибежал через двадцать минут. Нет совсем у человека терпения!»

Вообще-то, когда Юре предложили делать дипломную работу в Сухуми, первое, что пришло ему в голову — что скрывать! — было Черное море. А потом он работал в километре от пляжа, но к морю было некогда сбегать. И это почему-то не огорчало. Потому, вероятно, что в лаборатории всем было некогда. Время — единственное, чего здесь всегда не хватало.

3

Труднее экзамена, чем пуск установок в Сабуртало, еще не было в жизни Элико Озиашвили, хотя крестьянская девушка из Душети немало получила пятерок на своем веку.

Было холодно в том декабре. По не застекленным еще этажам институтской башни гулял резкий ветер. В ватных брюках и телогрейке, Элико успевала повсюду. Как-никак, она была главный химик, и хлопот у нее всегда находилось довольно.

Ее товарищи-физики двигались к четко обозначенным целям. Для одних такой целью служил изотоп бора, для других — изотоп азота, необходимый в исследовании агрохимикам и биофизикам, медикам и химикам, третьи жаждали выделить изотоп неона, знаменитый теперь неон-22, с помощью которого дубненские ученые получили новые элементы периодической системы. Спору нет, товарищи Элико продвигались к своим целям не по асфальтовому шоссе. Но в услугах химика нуждались и первые, и вторые, и третьи. Все работали, не наблюдая часов. Неосторожный взгляд на часы, случалось, вызывал ожесточенные дискуссии. Пять часов — но утра или вечера? Вот в чем трудно бывало разобраться! И все-таки именно главный химик принесла в лабораторию раскладушку и развернула ее у азотной колонки.

Не берусь утверждать, что невозможно работать иначе. Но люди были увлечены, и жалеть им об этом нет причин. Несколько лет действуют установки в Сабуртало, и за это время не было ни единого срыва.

4

— Если бы мне предложили начать все сначала, повторить проделанную работу теми силами, какие у нас были, скажу честно: я бы отказался...

Это говорит доктор физико-математических наук Ираклий Гвердцители.

— ...Мы были университетскими физиками, а не инженерами и поэтому свято верили, что стоит осуществить идею в эксперименте, остальное — вопрос техники. Мы не знали, что значат производственные испытания. Не понимали, что такое обеспечить надежность. Многого мы не знали и не понимали тогда...

Гурам Тевзадзе — теперь он главный инженер Института стабильных изотопов — приехал в лабораторию, которой руководил Гвердцители, за Юрой Николаевым следом. Тоже делать диплом. Что умеет студент? Не очень-то много. Но здесь не принято было опекать, водить за руку или прятать от студента дорогие приборы. Гвердцители сказал: вот задача, которая нас интересует. Вот литература, приборы. Разбирайтесь. Мерьте. Исследуйте. Нам важен ответ, мы хотим знать, как пойдет разделение изотопов неона в масс-диффузионной колонке с жидкостью большого молекулярного веса.

При такой постановке задачи разве можно не сделать всего, на что ты только способен... и даже немножко больше?! И Гурам Тевзадзе стал разбираться, и мерить, и добиваться ответа.

Высокий, грузный, он неожиданно оказался на редкость ловким в работе. Вскоре о молодом исследователе стали говорить: «У Большого Гурама руки экспериментатора». Просто удовольствие было смотреть, как он работает.

Теперь о главном инженере говорят: «Из Большого Гурама получается неплохой организатор». На пуске в Сабуртало в этом все убедились.

Есть два способа учиться плавать. Способ А. Изучить теорию на берегу, пройти практику на мелком месте, затем постепенно выбираться на глубину. Способ Б. Прыгнуть с лодки вдали от берега и поплыть. Примечание. При способе Б. возможен вариант, что утонешь.

Есть два способа выделки специалистов. Способ А. Долго водить его на ученическом поводу. Способ Б. Столкнуть его с лодки и т. д.

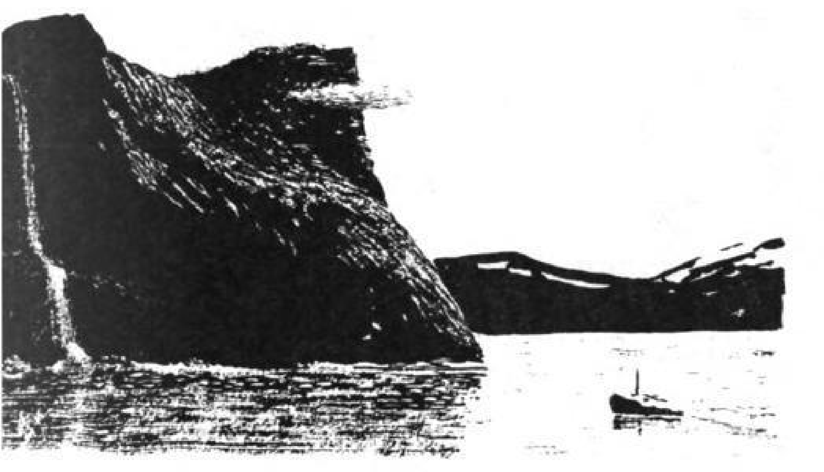
Во всех случаях Ираклий Гвердцители, Тарасий Гагуа, Гурам Мусхелишвили и их товарищи выбирали второй способ. У них просто не было другого выхода. Изотопы требовалось получить срочно. Опытных в этом деле людей раз-два — и обчелся. Оставалось увлечь молодежь. И увлечь удалось: ведь в руках оказалась судьба нужнейшего дела!

Юрий НАГИБИН

Из цикла «По следам одной экспедиции»

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

В стране Амундсена

Когда о стране судишь по книгам, то невольно попадаешь впросак. Я ожидал в каждом норвежце увидеть лейтенанта Глана, в каждой норвежке — Эдварду. Но юные богатырши и длинноногие, спортивного напряжения спутники их, заполнявшие вечерние улицы Осло — днем город пустынен,— обескураживали однозначностью простых своих устремлений: к танцам, джазовой музыке, ледяному пиву и горячим сосискам. Их старшие соотечественники поражали уравновешенностью и самодовольством.

Даже демонстрации — а здесь все время чего-то требуют — начисто лишены бурления чувств. Идут ровными рядами чистенькие, в серебряных букольках, пастельно-румяные старушки и под стать им аккуратнейшие старички. Думаешь, массовая воскресная прогулка, нет, это демонстрация, участники ее требуют повышения пенсий. Так же спокойно и дисциплинированно государственные служащие требуют тринадцатой зарплаты, докеры— прибавки жалованья и т. д. Несколько красивых полицейских на рослых, зеркально-полированных конях с тонкими забинтованными ногами призваны скорее украсить гражданский праздник коллективных требований и протестов, нежели помешать его ровному течению.

Малую суету вносят лишь толстозадые, евнуховидные братья и сухопарые сестры из Армии спасения, примазывающиеся к каждой демонстрации, дабы нажить общественный капитал.

Потом я утешил себя тем, что Гланы, как им положено, скрываются в лесах, слушая мягкий постук еловых шишек, сшибаемых осенним ветром, а Эдварды возле них несут службу любви, томления и неверности.

Но это пришло позже, а в день, когда я отправился в Киноцентр, мной еще владели романтические иллюзии. Я полагал, что меня примут с распростертыми объятиями. Ведь наш фильм воспоет героев Норвегии: Амундсена и Рийсер-Ларсена; в нем пройдут: король Гакон и капитан Вистинг, знаменитый Лейф Дитрихсен и юный Лютцов-Хольм. Семидесятимиллиметровая камера запечатлеет красоту уютного Осло, яркого ганзейского Бергена, чуть печального северного Тромсё, суровое очарование Лофотенских островов, фиордов, шхер, заснеженных гор...

Все это весьма мало тронуло кинематографическую главу Норвегии — рослого, толстого, словно набитого ватой, и его заместителя с тусклой наружностью профсоюзного лидера, изменившего интересам рабочего класса.

Трюгве Нюгор, служащий нашего отделения Союзэкспортфильма, присутствовавший при этом свидании, объяснил глетчерную холодность норвежских кинодеятелей следующим образом: они поняли, что наш фильм будет стоить слишком дорого, чтобы они могли рассчитывать на участие в постановке, и потому сразу утратили к нему интерес и симпатию. «Наши богатые люди недостаточно богаты, чтобы позволить себе хоть какое-то бескорыстие. Дайте им заработать, и вы увидите, какими они могут быть оживленными, искрящимися, нет заработка — нет жизни, нет тепла!»

До конца встречи я пробыл словно в морозильнике. Лишь на миг в толстяке затеплился тусклый огонек гостеприимства, и он подарил мне справочник, посвященный норвежским актерам театра и кино. Этот справочник мог пригодиться нашей съемочной группе при выборе актеров. Но в прихожей, под рокот прощальных слов, вице-глава хладнокровно забрал у меня справочник. Поглядев в последний раз на боссов норвежского кино, я подумал, что девятую музу едва ли ожидает здесь стремительный расцвет, и с этой мыслью покинул негостеприимный кров...

А на улицах царил фиолетовый березовый подвечер. Пока я томился в кинооффисе, прошел дождь, и освеженные старые березы запахли во всю мощь стволами в серо-зеленом мохе и листвой в первой сентябрьской прожелти. Как красивы березы в городе! Куда красивее лип, кленов, тополей и кипарисов, которые — шутки Гольфштрема — в одной лишь Норвегии соседствуют с северянками-березами. Амундсен любил Осло. Но едва ли не больше он любил Берген. Он любил все города своей родины, от Драммена до Тромсё, откуда совершил свой последний роковой вылет. Но Тромсё расположен слишком далеко, а срок моей командировки краток. Я смогу лишь съездить в Драммен — час на машине, слетать в Берген — сорок минут пути на САСовской «Каравелле». Но до этого я побываю в Арктическом институте...

А сейчас я шагал от Киноцентра в сторону Карл-Иоганна, вдыхая щемящую горечь берез, порой дружески касаясь их влажных, шершавых, добрых стволов, и думал об Амундсене. Что заставило его отправиться на поиски Нобиле? Жизнь одарила его тремя огненными любовями: к Норвегии, к Арктике, к славе, и одной ненавистью — к генералу Нобиле. Он ненавидел Нобиле столько же из-за тех материальных потерь, которые принесла ему бурная журналистская деятельность последнего по возвращении из полета на «Норге», сколько и за то, что Нобиле втиснулся — в шитом золотом парадном мундире — между ним и славой. Когда, перелетев Северный полюс, дирижабль «Норге» опустился возле города Нома, жители, кинувшиеся приветствовать героев, невольно отдали предпочтение блестящему итальянцу перед заросшими щетиной, по-мужицки одетыми скандинавами, чьи имена — Амундсен, Рийсер-Ларсен, Вистинг, Мальмгрен — им мало что говорили.

Это определило дальнейшее поведение Нобиле, впервые ощутившего хмельной аромат славы. Нельзя сказать, что он, создатель и командир дирижабля, вовсе не имел права держаться на равных с Амундсеном, начальником экспедиции. Руководители норвежского летного клуба, которые от имени Амундсена вели с ним предварительные переговоры, очень плохо защитили интересы своего доверителя, не обеспечив ему обычных привилегий.

Давно разорившись, Амундсен осуществлял свои смелые походы и полеты в долг. Статьи, книги, фотографии, киноленты, доклады помогали ему кое-как удовлетворять кредиторов. В данном случае он оказался лишенным приоритета, чем не преминул воспользоваться Нобиле.

Взбешенный, Амундсен не слишком справедливо обрушил весь свой гнев на генерала. Тот не остался в долгу. Началась ожесточенная и недостойная перепалка. А затем был полет Нобиле к полюсу на дирижабле «Италия», катастрофа, и Амундсен без колебаний устремился на выручку своего злейшего врага. Конечно, у него не было ни самолета, ни денег. И тут французский ас, майор Гильбо, предоставил в распоряжение своего любимого героя самолет «Латам», экипаж и себя самого. Они вылетели из Тромсё в Кингсбей, чтобы оттуда начать поиски Нобиле, но так и не достигли Шпицбергена. Вскоре к берегу прибило поплавок «Латама»...

И было торжественное возложение венка на могилу Амундсена. В открытом море Фритиоф Нансен, крепкий и гибкий, как стальной прут, легкий, как дух воздуха, бросил за борт большой железный венок, перевитый траурной лентой с именем Амундсена. По герою и могила — весь Ледовитый океан!

Полетом на «Латаме» Амундсен перечеркнул все им же самим установленные законы.

И главный из них: в Арктике не летают в одиночку.

Амундсен не был ученым-исследователем Арктики, хотя и сделал значительный вклад в науку. Но собранные им материалы обрабатывались Нансеном и другими учеными. Вместе с тем Амундсен не был и спортсменом в чистом виде, как, например, американский летчик Бэрд, опередивший его в достижении Северного полюса по воздуху. Бэрд действовал согласно поговорке: пан или пропал. Он отправился к полюсу, не обременив свой двухместный самолет ни солидным запасом горючего, ни продовольствием, ни снаряжением, и полюс, беспощадный к людям, отдававшим ему мозг и душу, знания и опыт, отпустил подобру-поздорову этого мотылька.

Пафос жизни Амундсена был прямо противоположен бэрдовской спортивной лихости. Обуянный верой в человеческое всемогущество, он хотел доказать, что человек — подлинный хозяин своей планеты и для него нет недоступных мест на земном шаре. Надо только

Осло.

суметь возвести предусмотрительность в степень фанатизма, продумать, взвесить каждую мелочь, ничего не забыть, ничем не поступиться в стадии подготовки. Разработку предстоящей экспедиции надо начинать с возвращения. Поэтому и оказался по плечу Руалу Амундсену весь комплекс задач, стоявших перед целым поколением полярных исследователей начала века. Он осуществил полный арктический цикл: открыл Южный полюс, совершил трансполярный перелет через Северный полюс, прошел Северо-восточным и Северо-западным Великими морскими проходами.

А на поиски Нобиле он ринулся с азартной, легкомысленной отвагой, достойной Бэрда, но никак не старого, матерого полярника, творца мудрых, самоохранных законов. Его не смутило, что «Латам» летит в одиночку, что жидкий корпус да и вся конструкция самолета непригодны для Севера, что перегруженная машина лишь с третьей попытки сумела оторваться от водной глади Тромсё-фиорда! Не проявил он и всегдашней скрупулезной заботы о провианте и снаряжении. Почему вообще Амундсен при всей закоренелой ненависти к Нобиле так рьяно устремился ему на выручку? Его залубеневшая на арктических ветрах, жестко огорченная душа чуждалась снисходительной отходчивости. Большинство современников видело в этом высокое благородство Амундсена; недоброжелатели — фашистская итальянская печать — показной, рекламный жест; Лион Фейхтвангер—отдающее демонизмом торжество над поверженным соперником, торжество, вершина которого — гибель не за други своя, а за ворога, героико-трагический финал, достойный Амундсена!

Ну что же, для того я и нахожусь в Норвегии, чтобы разобраться во всем этом, и если не проникнуть в истину — что есть истина? — то хотя бы найти правду для себя самого.

С этими размышлениями вступил я в толчею Карл-Иоганна. Посасывая эскимо, длинноволосые юнцы и прелестные их коротко стриженные подруги вяло, без любопытства наблюдали какое-то шествие, движущееся в сторону Национального театра. Туда же на рысях направлялась кучка толстозадых мужиков в униформе Армии спасения. Обитатели дома для престарелых требовали повышения суточного содержания...

...Тот профессор, с которым меня познакомил милейший Трюгве Нюгор, был копией кинобосса. Я даже испугался поначалу, решив, что Нюгор привел меня опять к киношникам. От него можно было этого ждать: слишком дряхл бедный Нюгор. Но он любит свой оффис, вращающееся кресло между двумя письменными столами, любит русских, с которыми проработал чуть ли не всю жизнь, любит свой русский язык, приметно теряя его с возрастом. Да и едва ли нужен нашему отделению с его вялой, чуть теплющейся, как при анабиозе, жизнедеятельностью более энергичный сотрудник.

Присутствие Трюгве исключало для меня возможность пользоваться немецким и английским, Трюгве непременно хотел исполнять роль толмача. Он плохо слышал и не блистал чистотой произношения, я тоже сродни Де-

Берген. Ганзейский квартал.

мосфену, взявшему в рот камешки, а вот горообразный профессор только тем и отличался от кинобосса, что был глух, как тетерев. Может, все же напрямую мы как-нибудь и поняли бы друг друга, но вот через коммутатор связь упорно не налаживалась.

Профессор был очень стар, он лично знал Амундсена и мог бы о нем порассказать, но ему было невдомек, зачем его потревожили. Через некоторое время без досады и неудовольствия профессор погрузился в сладкий сон наяву. Порой он помещал между толстыми, отвисшими щеками круглую улыбку маленького розового рта, лучил кожу у глаз, а затем вновь проваливался в блаженную пустоту непричастия. Сотрудники, наблюдавшие наше странное общение, не делали попыток прийти на помощь.

За окнами синело совсем чистое небо, я подумал, как синь и красив сейчас Осло-фиорд, как белы на нем паруса яхт, как горят яркими красками бесчисленные суденышки на причале и чистом зеркале воды. Мир сошел на мою душу. В ухо толкался хрипловатый любезный рокоток Нюгора, я не утомлял себя пониманием. Поменьше суеты, поменьше рвения, удача сама находит своих любимцев. Ведь эти качества норвежского темперамента помогали им одерживать неслыханные победы в Арктике.

Фритиоф Нансен первым додумался до зверского — ведь тогда не было радиосвязи— способа проникать в тайны Ледовитого океана, вмораживая корабль в дрейфующий лед. Тем самым экспедиция добровольно обрекала себя на ледовый плен, который мог длиться годами. Не удивительно, что во время подобного дрейфа корабля «Мод» один из спутников Амундсена — по национальности не норвежец — ощутил близость безумия и бежал с корабля.

Итак, я сознательно вмерз в лед профессорского равнодушия и принялся дрейфовать по океану сонливого полубытия. А потом был короткий взрыв: в кабинет ворвалась молодая женщина и обрушила на нас звонкую россыпь прекрасной русской речи. Внучка выходца из России, сотрудница института, очаровательная эта женщина вывела нас из транса. Вдруг она заговорила о Мальмгрене, которого хорошо знал ее отец-океанограф. Меня это обрадовало, ведь и Мальмгрен — один из героев будущего фильма.

Мальмгрен воспитывался на хуторе, на жирном крестьянском молоке, желтом масле и густой сметане, но вырос слабым, хилым, неспособным к физическому труду. Всю недолгую жизнь борол он свое нездоровье и почти победил его, но вот горе для полярника — страдал морской болезнью. Он был общителен, по-девичьи деликатен и трогателен в отношениях с людьми, он долгое время носил очки лишь потому, что получил их в подарок. При всей веселости, общительности и легкости Мальмгрена в за́мке его души всегда оставался один запертый покой, куда никому не было доступа. Но в отличие от Синей Бороды он скрывал там не тела жертв, а себя самого, свою глубокую серьезность и боль викинга, не переносящего качки...

Тут произошло нечто вроде пробуждения

Вход в дом-музей Амундсена.

Везувия. Гора профессорского тела пришла в движение; сперва заколебались розовые округлости вершины, затем в содрогание пришли склоны до самого подножия. Послышались далекие раскаты, потом грозно нарастающий рокот, бульканье, сотрудники отдела зачарованно подняли головы, ожидая рождения чуда. Звуковой хао́с утишился, обрел ритмический строй, близкий человечьей речи:

— Однажды Мальмгрен.... ха, ха, ха... «пропустил» в метеорологическом журнале тридцать первое апреля!..

Ловя краткий миг пробуждения, я крикнул на выдохе, словно в окошко проносящегося мимо поезда:

— Расскажите об Амундсене!

— Что я могу рассказать?.. О нем столько написано!.. Тысячи, тысячи страниц... Целая библиотека,— слабым манием толстой руки профессор повел на золотящиеся корешки книг, заполнявших стеллажи.

— И потом вы же в Норвегии... Смотрите вокруг себя, смотрите. Амундсен во всем... в зданиях... в улицах... в траве... деревьях, горе, воде...

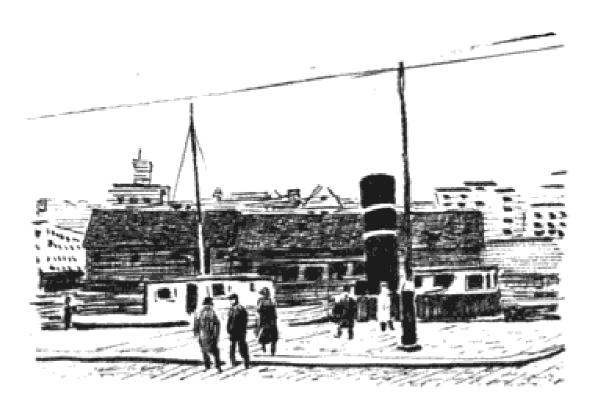
Я внял совету и, отложив на время поиски знакомцев Амундсена, отправился на машине в Драммен. Оправа Драммена, по-норвежски уютного, чистого, красивого города, так прекрасна, что я не мог отдать должного внимания камню и стеклу улиц. Город мелькнул почти нереально и стал милой малостью в сверкании вод фиорда, острыми, сине-блещущими клиньями врезающегося в склоны зеленых гор, на гребнях которых истаивали облака. И был стремительный, дурманный взлет — штопором — по тоннелю, спирально пронизавшему толщу горы от подножия до вершины, и вылет в синь и золото небесной крыши, и безмерная щедрость распахнувшегося без края, без предела простора.

Обращаясь к погибшему Амундсену в скорбный час гражданской панихиды, Рийсер-Ларсен говорил сквозь рыдание, от которого разрывалась его широкая, как панцирь, грудь: «Ты всегда думал, как бы лучше одарить милую родину...»

Стоя на вершине этой горы, легко понять чувство Амундсена к родной земле...

И еще я был в «тролльчатнике». Нарядный дом под красной черепицей, сарай, гумно, деревянная колода с родниковой водой. Перед домом выгон, там пасется корова с телкой, куры выклевывают какой-то корм из травы, возле крыльца с перевальцем расхаживают голуби, скворец то и дело наведывается в свой домик и снова уносится по хлопотливому скворчиному делу. Тролль, видать, справно ведет хозяйство, все у него в аккурате. Сам он стоит в густой траве, ростом с пятилетнего ребенка, но плечистый, кряжистый, большеголовый. Его широкий, кривой, мясистый нос нависает над долгой верхней губой, нахлопнувшей мундштук трубки, суконный колпачок свисает с рыже-сивых волос, голубые глазки усмешливо-таинственно посверкивают из-под кустистых бровей. Жена его тролльчиха сидит на ветке дерева, в чепце и красном платьице, крестьяночка-барынька величиной с воробья.

Я подивился совершенной материальности этого норвежского символа. Наши сверхъестественные существа не обладают такой несколько плоской достоверностью и завершенностью облика. Самый близкий всем — домовой, а какой он из себя, леший его знает! А леший? Его зримая отчетливость чуть больше: зеленый, косматый, руки и ноги подобны ветвям или древесным побегам. Но внутреннее существо тролля, пожалуй, загадочнее нашего доброго домового, проказливого лешего и злой бабы-яги. В тролле есть что-то лукавое и простодушное, ласковое и затаенное, что-то двусмысленное, ускользающее, во всяком случае, для чужеземца, и одновременно сильное, укорененное, вон ведь не за печкой, не в ветвях, а в своей избе живет! Тролль добр, а поди обидь тролля! В Амундсене, несомненно, что-то было от тролля...

Берген. Набережная.

Когда я вернулся из Драммена в Осло, на улицах столицы царило сдержанное волнение, и опять мелькали униформисты из Армии спасения. Случилось необычное даже для Осло, привычного к подобного рода развлечениям: забастовали полицейские, требуя повышения оклада, и Армия спасения пыталась организовать демонстрацию...

...Утром я вылетел в Берген. Над Осло, цепляя за крыши, плыли низкие, серые тучи, без устали сочившиеся острым, холодным дождем. Аэродром, расположенный так близко к фиорду, что отрывающийся от взлетной дорожки самолет оказывался сразу над водой, тонул в тумане, в который вбрызгивался отраженный асфальтом дождик, а прочернь молчаливых самолетов в белесой волглости то сажисто наливалась, то истаивала, и казалось, это кружит низко над землей стая птиц.

К моему удивлению, в положенное время диктор объявил посадку на Берген. Червячок очереди вполз в брюхо «Каравеллы»; неправдоподобно короткий для реактивного самолета разбег, и вот мы уже завязли в непрозрачной, липкой мути облаков, тумана, брызг, секущих крылья и стекла окошек. Нас встряхивало, подкидывало и сосуще опускало на облаках, как на ухабах, а потом самолет выдрался из склизкой чащобы в просторную, чистую синь, потеряв землю со всей ее неприглядностью. Когда же через полчаса земля вернулась, она была залита солнцем, зелена, свежа в далекой своей глуби. Мы устремились к ней, но она подставила нам заснеженные гряды гор; мы отмахнули их вправо и круто пошли на посадку, показавшуюся мне сначала вынужденной из-за пустынности бергенского аэродрома. Маленький домик аэропорта стал виден, лишь когда колеса «Каравеллы» коснулись посадочной дорожки.

Через Берген проходят многие трассы, отсюда летают в Лондон, но аэропорт обходится одним асфальтовым кольцом, малюткой вокзалом и большой красивой клумбой со стороны входа, полной махровых гвоздик. Между клумбой и вокзалом уже стоял городской автобус, я даже не заметил, как произошло наше переселение из самолета в автобус, и вот мы уже мчимся по извилистой дороге в Берген...

Был воскресный день, о чем я вспомнил слишком поздно, и мне не досталось делового, с грохочущим портом, с шумным рыбным рынком, напряженного, праздничного именно в силу своей будничности Бергена. Я, как тот бедняк, что лакомился лишь ароматом блюд, получил отраженное представление о самом крупном и самом романтическом порте Норвегии. Тяжелый и все равно приятный, волнующий запах рыбы возле массивного, стеклянно-окупоенного здания дал мне ощутить изобильное могущество прославленного рынка; повизгивающий кран, ловко опускающий на палубу грузо-пассажирского парохода легковые автомобили туристов, позволил вообразить трудовую симфонию портового погрузочного хозяйства — краны окружали бергенскую бухту, словно стада бронтозавров, собравшихся на водопой.

Разгуливающий по пустынному причалу пожилой бергенец, одетый со старомодной элегантностью: серый приталенный костюм, крахмальный воротничок с альпийским блеском, черный шелковый галстук, черный котелок,— помогал вообразить Руала Амундсена, так же вот, в который раз, с доброй и тихой гордостью озирающего Берген: разноцветные дома, взбегающие по кручам обставших бухту гор, солидные, еще ганзейских времен, здания складов, лабазов, стариннейших торговых фирм, хранящих на фасаде гербы Бергена и Любека, даты основания фирм, восходящие к пятнадцатому веку, и прекрасные, искони норвежские фамилии: Скуртвейт, Скульстад, Гундерсен и среди прочих Амундсен, владелец складов.

Сюда Амундсен не раз возвращался из странствий, отсюда уходил в неведомое; первым и последним впечатлением о родине была для него пестрядь нарядных домов, сумятица флагов, мачт, парусов, труб, кранов, дымов, запах рыбы, пеньки и дегтя — квинтэссенция норвежской жизни. Норвегия — мировой морской извозчик, а Берген — постоялый двор, полный россказней и легенд, уюта, нужного хоть изредка даже самому неустанному путнику, простого веселья, свиданий и разлук, смеха и слез,—суровый, знаменитый, одинокий человек никогда не жалел для него доброго взгляда...

За пирсом громко, с какой-то вызывающей печалью кричали большие жемчужные чайки...

К вечеру Берген ожил, открылись кафе, вмиг наполнившиеся щеголеватыми матросами разных национальностей и рослыми, золотисто-загорелыми девушками; молодые, красивые матери устремились с колясками на сквер, осененный брызгами высоченного фонтана; сквозь радужную пыльцу едва просматривался бронзовый памятник Григу. У подъезда Городского театра, охраняемого неизменным Бьернстьерне-Бьернсоном, на гранитных ступенях, днем отданных в безраздельное владение играющим детям, появились чопорные, в черном, господа и дамы с перламутровыми биноклями в руках. Это им, таким приличным, стерильным, успокоенным, Амундсен не давал закоснеть в уюте и ограниченности малого существования в стороне от сквозняков века, в защищенности слабой, периферийной страны. Он делал им роскошные, абстрактные, ненужные и все же заставлявшие сердца звенеть, а глаза сверкать удивительные подарки: Южный полюс, Северный полюс, воздушный мост между Старым и Новым Светом...

Мне не суждено было увидеть ночной жизни Бергена: раньше чем зажглись фонари, к зданию аэрофлота был подан автобус...

Я вернулся в Осло — из золота заката в чистую, хрустальную сиреневость погожих сумерек, еще не побежденных электрическим светом. Мы круто сели на горящую багрянцем воду и лишь случайно — так казалось — ухватили колесами краешек посадочной площадки...

На Карл-Иоганне, возле музыкального кафе, где выступают доморощенные биттлы, женоподобные их почитатели затевали какую-то возню с прекратившей бастовать полицией. Чего они-то могли требовать? Ведь идея их существования — в бесцельности, ни к чему не стремиться, ничего не желать. Но биттлы — поклонникам присвоено имя кумиров — волновались... Любопытно, в тот самый вечер их более активные стокгольмские коллеги вступили в трехдневный бой с полицией. Быть может, биттлы с Карл-Иоганна испытывали воздействие каких-то флюидов, подобно тому, как звери предчувствуют землетрясение?..

...Когда рыбаки, яхтсмены, туристы проплывают мимо этого дома, ставшего на уступе крутого лесистого берега, под соснами, продолжающими и за домом ярусное восхождение к аквамариновому небу, они подымают на мачту флаг; военные и моряки отдают честь. И король Улаф и крон-принц, страстный яхтсмен, салютуют дому, прикасаясь к околышу фуражки. Но нам этот дом достался не снизу, с воды, а сверху, мы словно упали к его воротам в трухлявом «оппельке» с сосновой и можжевеловой кручи, в стоне и скрежете бессильных тормозов, в легкой дурноте, и мы не успели наладиться на торжественную встречу с домом.

Внизу простиралась пустынная, темно-синяя, жгуче отблескивающая вода фиорда; у песчаной кромки берега переваливалась с боку на бок, тревожимая набегающей волной, старенькая, рассохшаяся лодка; кроны сосен упирались в небо, сгущая возле себя его синеву. От служебной постройки в нашу сторону шел, на ходу подтягивая старые штаны, загорелый пожилой человек с ярко-синими, уже издали, глазами.

— Капитан Густав Амундсен!— с гордостью сказал Трюгве Нюгор и, щадя износившийся пол машины — хозяин запретил нам опускать ноги,— вывесился на руках и толчком бросил свое тело наружу.

Трюгве было чем гордиться. Нашему приезду сюда предшествовала длительная телефонная разведка, которую Трюгве провел с редким мужеством и находчивостью. Прежде всего он попытался установить, кто из родственников Амундсена остался в живых. Это потребовало многоступенчатых переговоров. Прижимая трубку плечом к уху, Трюгве дотошно расспрашивал своим хрипловато-вежливым голосом множество людей, именуя их: «г-н агент», «г-н секретарь», «г-н директор». В Норвегии до сих пор сохранилось осмеянное Гамсуном пристрастие к званиям, особенно среди государственных служащих. Редко человека назовут просто по фамилии, например, «г-н Иенсен»; нет, обязательно — «г-н рассыльный Иенсен». Даже добрые знакомые не прочь повеличать друг друга: «г-н телеграфист», «г-н аптекарь», «г-н оптовый торговец», «г-н спринтер». Ну, а уж если человек плавал на корабле, хотя бы буфетчиком, то в старости он непременно «г-н капитан»...

Трюгве довольно долго не имел успеха, пока кто-то не посоветовал ему позвонить в загородный дом-музей Амундсена. Может показаться странным, но Трюгве впервые слышал об этом учреждении. И тут его ожидала двойная удача: оказывается, дом-музей не только существует и открыт для обозрения, но хранителем в нем — племянник и соратник Амундсена — Густав, сын его любимого брата. «Капитан Амундсен», «Капитан Амундсен»...— медово, растроганно рокотал через некоторое время Трюгве Нюгор в телефонную трубку...

До чего же похож Густав Амундсен на своего знаменитого дядю! Тот же рост, то же сложение, то же сопряжение мускулов на худом, выразительном лице, та же пронзительная, неистовая синь глаз. Лишь орлиная крутизна характерного амундсеновского носа выпрямилась в небольшой ущерб сходству, но в большой ущерб лицу, потерявшему в резкой силе.

А так — похож! Особенно, когда закурил, сжав краешком обветренных губ мундштук, и вдруг поглядел вдаль по-орлиному, прямо на солнце.

Трюгве что-то сказал ему по-норвежски. Гу-

Ю. Пименов. ПЕРЕД ТАНЦАМИ.

Ю. Пименов. ДЕВУШКИ ИЗ МАГАЗИНА.

став Амундсен издал странный горловой звук — не то взрыднул, не то всхохотнул, а может быть, обе эмоции одновременно вспыхнули в нем, и широким движением руки направил нас к двери. Ключ, извлеченный из глубокого кармана штанов, вхолостую проворачивался в замочной скважине. Амундсен что-то крикнул насквозь прокуренным, навек застуженным, но хорошим, добротным мужским голосом, и откуда-то, вся развеваясь по ветру, которого не было, юбкой, кофтой вроспуск, незаколотыми легкими волосами, улыбаясь большой улыбкой ярко-красного рта, возникла молодая женщина с гремящей связкой ключей. Кем была она Густаву Амундсену? Дочерью? Женой? Подругой?.. В нем снова взрыднулось-всхохотнулось, вспышка радости-боли навстречу любимому существу. И я понял, что все-таки нашел на этой земле Глана.

Молодая женщина уперлась в дверь голой коленкой, обронив с ноги разношенную шлепанцу, затем резко рванула на себя, тут же щелкнула ключом, и дверь распахнулась в мягкий сумрак прихожей...

Дом Амундсена отражает его личность. Безукоризненным порядком. Удобством и совершенством каждого предмета обстановки. Спальней, воспроизводящей корабельную каюту,— это не чудачество диккенсовского моряка в отставке, а умная забота о том, чтобы не нарушался сон при переходе от оседлости к путешествию. Отсутствием случайных, недоброкачественных или ненужных вещей; видно, что хозяин сам выбирал каждую мелочь, обряжая свой дом с той же тщательностью, с какой готовил свои экспедиции: все ножи остры, ложки по рту, стаканы по руке, бокалы устойчивы, тарелки вместительны, книги по вкусу, а не для вида, эспандер дьявольски туг, часы (столовые с корабля «Мод»), хронометры, градусники, барометры и нынче с безукоризненной точностью несут свою службу.

Да, в этом доме понятнее становится, почему именно Амундсену удалось решить задачи, оказавшиеся не по плечу стольким отважным людям. Он, как никто, понимал, что в полярных условиях жизнь человека зависит от самой последней мелочи, а вернее сказать, что любая мелочь там — на вес жизни. Поэтому каждую деталь снаряжения он возводил в королевский ранг.

Чучело белого медведя, чучело пингвина, чучелко канарейки, а где же знаменитые коллекции Амундсена? Оказывается, еще при жизни путешественника они ушли на уплату долгов...

Мы бродим по комнатам, шаги наши то бесшумно тонут в коврах, то рождают легкий скрип на зеркально натертом паркете. Маленькое пианино, на пюпитре — «Марш» Свенсона, миниатюрный гонг, изысканные туалетные принадлежности... На многих вещах, населяющих этот дом, печать женского изящества, а между тем ни одна женщина не свивала здесь даже кратковременного гнезда.

Капитан Густав, откашливая свой полувзрыд-полусмех, напоминающий клекот простуженного орла, поведал, что с началом странствий Амундсена женщины навсегда исчезли из его жизни.

— А ведь он нравился дамам, черт возьми!— с бравым видом вскричал Трюгве Нюгор.

— Еще как! В юные годы он одерживал бесчисленные победы. А потом обручился с Арктикой, и эта любовь поглотила его целиком.

— Ну, а когда он не путешествовал?..— сказал я.

— Он всегда путешествовал... Если он не был в пути, то писал книгу о последнем путешествии или обдумывал новое, готовился к нему, собирал средства. У Амундсена не было досуга, и этим он отличался от других людей. Последние годы жизни все его силы поглощала борьба с кредиторами. Он подарил людям Южный полюс и два Великих морских прохода, а сам не имел крыши над головой.

— А этот дом?!

— Пошел с молотка, как и все остальное имущество. Посол Гадэ купил его для Амундсена, но ввести своего друга во владение не мог, иначе все началось бы сначала. Как ни крути, а выходит, Амундсен жил здесь из милости...

...Я рассеянно перебирал вещицы, лежащие на письменном столе, в надежде, что они откроют мне свое тайное знание о давно ушедшем хозяине, шепнут заветное слово. Кабинет, судя по легкой спертости воздуха, давно не проветривался, и капитан Густав Амундсен распахнул окно, глядевшее на фиорд. Порыв ветра был внезапен, резок, как-то грубо студен. Гольфштрем окутывает южную часть Норвегии мягким, чуть сыроватым теплом, и этот жесткий, холодный пришелец полоснул, как ножом под вздох. Он прилетел издалека, из ледяного неуюта, где ведать не ведают о теплых течениях...

— Норд!..— прохрипел Густав Амундсен, и в синих глазах его заблистала сумасшедшинка и невыносимая, зарешеченного зверя, тоска.

Густав Амундсен лишь прикоснулся к расчетливой, математически оснащенной одержимости своего дяди, и все равно его старое, утомленное существо как-то бедно рванулось к ледяному дыханию Арктики. А что должен был чувствовать тот, великий, когда в душу ему ударял такой вот ветер? У Руала Амундсена нос был горбатый, как орлиный клюв. Всей ста́тью своей был он сух, жилист, костист, как орел. Он по-орлиному умел смотреть на солнце, на коварное арктическое солнце, наказующее смельчака слепотой. Орел!.. Но под уклон дней — орел с подрезанными крыльями. Богиня удачи отвернулась от него, столь счастливого в первых своих путешествиях. Он стал посмешищем мира в пору аляскинских неудач. Вместе с Омдалем рвался он к Северному полюсу, но все попытки кончались провалом. И люди забыли о его былых подвигах, они смеялись над бессилием своего вчерашнего кумира.

Позже полет на двух самолетах к Северному полюсу окончился полуудачей: на восемьдесят седьмой параллели они вынуждены были совершить посадку. Героизм, самоотверженность, поистине беспримерное мужество Амундсена и его спутников вызвали восхищение мира, но успех этот был каким-то сострадательным. Наконец удача: перелет через Северный полюс на дирижабле «Норге», но тут слава, будто бабочка на огонь, устремилась к сверкающему золотом мундиру Нобиле...

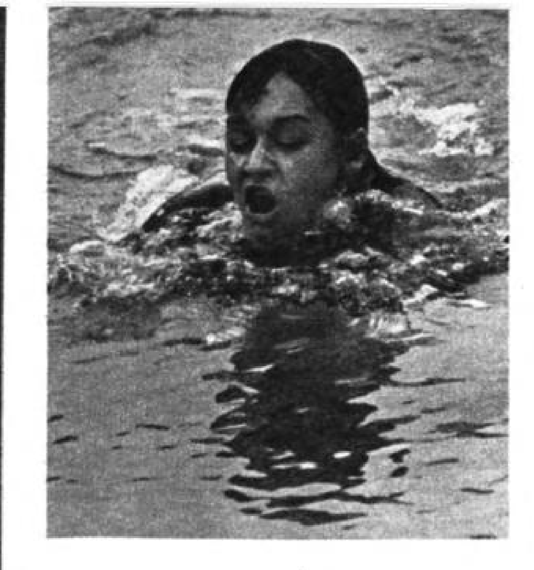
Что осталось? Четыре стены, да и те не свои, унизительная перебранка с итальянским аэронавтом и заправилами норвежского авиаклуба, вой кредиторов, одиночество. И никакой надежды найти мецената, готового вложить деньги в новое рискованное путешествие: герой выглядит слишком старым, слишком изношенным, а главное — разлучившимся с удачей. Но ветер, ветер!.. Он бьет в орлиное сердце, он не дает покоя... И тут известие: разбился дирижабль «Италия».

Он сразу понял: другой возможности не будет. Он не думал о своей вражде к Нобиле, он почти любил Нобиле, давшего ему надежду в последний раз соединиться с Арктикой...

Он еще раз убедился, как упало к нему доверие богачей-меценатов. Даже старый его друг и сподвижник Эллсуорт соглашался предоставить лишь часть суммы, необходимой для приобретения самолета. А может, тут иное: в роли наследника Эллсуорт был щедрее, расточительнее, а вступив во владение капиталом, узнал счет денежкам. Ну, а другие?.. Призывы Амундсена падают в пустоту. И тут Гильбо, летчик, боец, романтик, безумец, предлагает свой самолет «Латам», себя и свою команду. У орла отросли крылья. Не беда, что самолет — гроб, главное — лететь. Он не скрывает правды от экипажа: риск смертелен, у них больше шансов самим погибнуть, чем принести другим спасение.

Экипаж состоял из таких людей, благодаря которым человечество никогда не превратится в стадо двуногих. Капитан Вистинг и Лейф Дитрихсен спорили за право участия в полете. Дитрихсен, опытный полярный пилот, был нужнее, он победил. «Латам» на глазах ликующей и утирающей слезы толпы с третьей попытки поднялся в воздух. Все же это не было игрой на равных: экипаж ушел в небытие, Амундсен — в бессмертие...

...Когда мы вернулись в Осло, все шло своим чередом. Центральные улицы были запружены школьниками, они требовали повышения отметок...

Ира Позднякова устанавливает мировой рекорд в плавании брассом на 200 метров.

БЫСТРЫЕ СЕКУНДЫ МАЛЫШКИ

В тот знаменательный день московским любителям спорта было нелегко. По телевизору показывали матч по футболу на Кубок «Золотой богини» сборных СССР и Италии, во Дворце спорта заканчивался чемпионат мира по фехтованию. Поэтому на трибунах бассейна Лужников, где проходили соревнования пловцов пяти стран, собрались только истинные поклонники плавания.

И они были с лихвой вознаграждены за свою верность. Ведь спортсменов, которые в 13 лет устанавливают мировой рекорд, увидишь не часто.

О московской школьнице Ирине Поздняковой заговорили две недели тому назад в Будапеште, когда она проплыла 200 метров брассом за 2 минуты 46,1 секунды, показав второй результат за всю историю плавания. И вот Москва. Международные соревнования. И в одном заплыве встретились мировая рекордсменка Галина Прозуменщикова и Ирина Позднякова. Вначале они были рядом, но после последнего поворота чуть вперед вырвалась Ира и первой коснулась бортика бассейна. Секундомеры зафиксировали новый мировой рекорд — 2 минуты 43 секунды. Прежний рекорд мира улучшен сразу на 1,6 секунды. На радостях тренеры бросили в воду прямо в одежде наставника юной рекордсменки Игоря Юльевича Кистяковского. А Галя Прозуменщикова избавилась от приставки «экс» на другой день: она выиграла заплыв на 100 метров с новым рекордом мира — 1 минута 15,7 секунды.

Галя Прозуменщикова научилась плавать, когда ей было одиннадцать лет. В этом возрасте Ира уже выступила на всесоюзных соревнованиях взрослых, а с водой она дружит с пяти лет. Ее отец, Игорь Серафимович Поздняков, был страстный рыбак, но плавать не умел. И вот как-то на Оке, решив искупаться, утонул. После этого несчастья Нина Ивановна, мать Иры, и решила научить свою дочь плавать. В 1958 году она привела девочку в бассейн «Динамо», и спустя 6 лет Ира уже выполнила норму первого разряда в плавании брассом, а затем стала самым юным мастером спорта.

Несмотря на каникулы, у Малышки (как ласково зовут Иру старшие подруги по сборной команде СССР) много забот: в конце августа она выступит на чемпионате Европы в Утрехте (Нидерланды).

Генрих ХАЧКОВАНЯН

По установившейся традиции новый мировой рекорд отмечается вот так: тренер Иры Игорь Кистяковский сброшен в воду.

Фото Л. Бородулина.

Игорь Численко ведет борьбу с двумя итальянскими футболистами.

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ

Окончание. Начало на стр. 5.

чительной степени преимущество очевидца. И тем не менее есть что-то в спортивном зрелище такое, что притягивает на стадионы людей. Поэтому и мы погрузились в нанятую компанией «Кук и сын» машину, гордо названную «Голубой стрелой», и покинули уже обжитый нами Сандерленд.

Мы утешали себя тем, что в каждой поездке всегда есть преимущество познавания окружающей тебя жизни. Зеленые холмы, каменные ограды частных владений, бесчисленные овечьи стада, маленькие городки, по одному раскрою сделанные: серые и буро-красные домики под шифером или черепицей, стоящие у дорог большие бидоны с молоком.

Все же без тумана не обошлось. Когда мы подъезжали к Ливерпулю, пошел дождь. Плотная завеса туч тянулась над землей. Шофер Кен уверенно подкатил нас к стадиону, но надо же еще получить билеты. Найти пресс-центр в Ливерпуле оказалось не таким простым делом. Те, кого мы спрашивали, неизменно посылали нас в пресс-клуб, видимо, предполагая, что если журналисты интересуются пресс-центром, значит, им нужно что-нибудь спиртное. Спиртное находится в пресс-клубе. Наконец мы добрались до пресс-центра. Там уже было все свернуто. Мы объяснили полицейским, кто мы и зачем оказались в Ливерпуле, и только после этого, прошагав через бесчисленное количество комнат и лестниц, оказались в комнате, где сидело несколько старцев, очень удивившихся столь позднему появлению.

С билетами в кармане мы уже могли спокойно оглядеться по сторонам. В Ливерпуль приехало несколько тысяч бразильцев. То, что мы видели в Сандерленде, повторилось и здесь. На этот раз к стадиону тянулись под флагами бразильские болельщики. Некоторые шли колоннами, другие—менее организованно. И те и другие кричали: «Победу Бразилии!» Молодые, старые, худенькие подростки, тучные, пожилые люди с детской непосредственностью приговаривали: «Победа будет за Бразилией». Стадион был залеплен бразильскими флагами. А мы, не скрою, мы страстно желали победы венгерской команде. Гипноз сверхвероятных заявлений, гипноз многоречивых декламаций... Ах, богиня Нике! Слышала бы ты все это! Может быть, тебя и упрятали в банковский сейф, чтобы ты не слышала и не видела того, что происходит вокруг. Про себя-то ты знаешь, что победит в конце концов не тот, кто перекричит остальных, а тот, кто переиграет.

Утвердили составы команд. Пеле не был назван. Он сидел с нами в ложе прессы. По стадиону шел слух: «Пеле потянул ногу». Правда это или маневр тренера? Правда или нет, но Пеле сидел на пять рядов выше нас. Об этом думалось, пока по полю вышагивал оркестр. К музыкальным инструментам прибавились шотландские волынки. Оркестр играл что-то похожее на мелодию песни «Когда б имел златые горы...».

Наконец началась игра. Но что происходит на поле? Венгры полны решимости победить. Сильный удар издалека. Мяч летит в девятку, но бразильский вратарь отбивает его на угловой. Стадион гудит. Гудит, именно гудит. Иначе это и не назовешь: гу, гу... После этого еще: э-э-э... И тут выясняется, что на стадионе многие болеют за венгров.

Вот они, итальянские «тифози».

Здесь сегодня столкнулся европейский стиль игры с латиноамериканским. Но что это — случайность или закономерность? Венгерская команда все ближе подходит к бразильским воротам. Бене обходит одного бразильского защитника за другим и сильно бьет левой ногой в левый угол, прямо в сетку. Оказывается, это очень просто: надо обвести троих, точно ударить — и будет гол, после чего можно прыгать от радости и обнимать друг друга.

Но противники — это же бразильцы, чемпионы мира. Правда, без Пеле. Я оглядываюсь: у Пеле спокойное выражение лица. Что значит гол на третьей минуте игры, когда впереди целых 2 тайма! Бразильцы бросаются в ответную атаку. Они играют красиво, пожалуй, даже слишком красиво. Они прекрасно владеют мячом. Мячом, но на сей раз не воротами противника. И все же их атаки становятся все опасней. Мяч словно магнитом притянут к венгерским воротам. Подают штрафной, и мяч влетает в сетку венгерских ворот...

Сколько прошло времени? Оказывается, 15 минут. Всего 15 минут! Счет только ничейный — 1 : 1. И игра начинается снова.

Сыплет мелкий дождь. На 30-й минуте стадион гремит аплодисментами. Зрители аплодируют венграм. Возле штрафной площадки они разыгрывают комбинацию, мяч летит в ворота бразильцев. Но гола нет. Мяч выбивает из ворот головой бразильский защитник. Красиво, очень красиво! Бразильцы не хотят уступать. Вот они уже заняли штрафную площадку у венгерских ворот. Подается угловой за угловым, а гола нет. Бразильцам это не нравится. Они начинают грубить. Но, как известно, грубость не доказательство силы. Мяч

Лев Яшин отбивает мяч.

уходит к центру поля, как раз к тому месту, где была начата игра. И тут раздается свисток судьи. Первая половина закончилась. Я смотрю на Пеле. Лицо у него спокойное. Что ж, может быть, он и прав, ведь впереди еще 45 минут.

Как передать атмосферу на стадионе в Ливерпуле во второй половине этой незабываемой игры? Если сказать коротко, зрители были восхищены венгерской командой, ее чувством уверенности, полной отдачей каждого игрока для достижения победы. Казалось, что это работала хорошо отлаженная машина с одним заданием: вперед, только вперед. А бразильская команда потихоньку начала сдавать. Продолжалась грубость. Но венгры ее словно не замечали. Полежат на траве, похромают и снова отправляются в поле. Время от времени выбегали врачи и убегали опять. Венгерский защитник Месэй, в броске отбив мяч, упал и остался лежать. Бразильцы не были виноваты. И он не был виноват. Он хотел подняться, но не смог, что-то случилось с ключицей. Его увели. Минут через 5 с подвязанной рукой он оказался на поле и ринулся в атаку. Венгерской команде нужна была победа. На 65-й минуте мяч снова оказался в сетке бразильской команды. Его забил Фаркаш, замечательный футболист, в содружестве с великолепным нападающим Альбертом. И снова стадион загудел. 2 : 1. Но успокаиваться нельзя. Все вперед, вперед! Все ближе венгры к бразильским воротам. Удар мимо. Еще удар мимо. Венгры бьют по мячу, а их — по ногам. А их сбивают с ног на штрафной площадке. Что остается делать судье? Судья назначает пенальти. Удар, и мяч в сетке — 3 : 1. Четвертый мяч летит в сетку, но судья его не засчитывает. Что ж, судье видней. Только зрители с ним не согласны.

Остается 10 минут игры. Полицейские в черных плащах окружают футбольное поле и мед-

ленно патрулируют взад — вперед, взад — вперед. Бразильцы делают несколько попыток пробиться к венгерским воротам, но попытки кончаются неудачей. И, наконец, долгожданный свисток судьи. Победа! И вот тут оказалось, что на стадионе есть и венгерские флаги. Не очень много, но есть. Они взлетают над головами зрителей. Теперь можно... Теперь даже лучше, чем до игры. Стадион рукоплещет. Бразильская команда покидает поле. Увлекшись игрой, я не смотрел во второй половине за Пеле. А когда, поднявшись, обернулся, его уже не было. Впереди у Бразилии нелегкая игра с португальской командой, которая пока идет без поражений.

Долго наш автобус не мог выбраться из Ливерпуля. Полтора часа ползли к автостраде. В половине шестого утра мы увидели Северное море, чуть тронутое розовыми бликами встающего за облаками солнца. Наступал день. День для нас нелегкий, трудовой. День встречи команд Советского Союза и Италии.

Тренеры всегда заботятся о выполнении режима своими футболистами. Это правда. А кто заботится о болельщиках? Как им быть? Что им делать для того, чтобы нормально прожить часы до матча? А как неимоверно трудны для болельщиков 90 минут игры и 15-минутный перерыв! Неизвестно еще, кому труднее.

Я не буду снова описывать театральную часть подготовки к матчу с итальянцами. Никаких существенных изменений она не претерпела. Разве только на стадионе вместе с трещотками появились еще и барабаны. Так страшнее. Но для нас было чистой неожиданностью увидеть перед игрой плакат над головами зрителей: «Эй, ухнем!» И ниже еще плакат: «Братский привет от моряков». Значит, в нашем полку прибыло. Наши моряки, выгрузившись где-то поблизости, не могли пропустить такую важную встречу. И правильно сделали.

Когда мы появились на стадионе, радио разносило над трибунами мелодию «Стеньки Разина». Администрация стадиона решила сделать нам подарок. Вдохновленные такой музыкальной поддержкой, мы терпеливо смотрели и слушали беснования итальянских болельщиков. Не так давно здесь же, на этом стадионе это помогало итальянской команде. Но тогда выступали чилийцы. Как будет сегодня? Вместе с нами сидели корейские тренеры и журналисты. Они были довольны. Игра с чилийцами закончилась 1 : 1. Корейские футболисты забили игровой мяч. Впереди у них матч с итальянцами. Нелегкая игра. Нелегкая игра предстояла и нам.

В нашей команде произошли некоторые изменения. Сегодня Льву Яшину предстояла более тяжелая работа, чем оставлять автографы местным и приезжим болельщикам. Играет Валерий Воронин. Итальянцы с уважением и даже с опаской относятся и к Яшину и к Воронину. У них для этого есть некоторые основания. Тут трещотки не помогут. Тут надо играть...

Игра эта уже показана и описана нашими спортивными комментаторами. Сидя в Сандерленде, мы представляли, с каким волнением сейчас слушают радио и смотрят телепередачи там, дома. Мы отводили от себя морально расслабляющие мысли о проигрыше. Мы должны были выиграть! Кое-кто даже был согласен на ничью. Но на душе скребли кошки: а вдруг проиграем? Нет, прочь, прочь эти мысли! Только выигрыш, только выигрыш.

И грянул бой!

Желтый мячик, как солнечный шарик, заметался по полю. Как хочется, чтобы этот шарик был подальше от наших ворот! Первые минуты игры проходят очень неровно. Советские футболисты наступают. Мяч летит к Банишевскому. Но он плотно закрыт двумя игроками. Не дают ему итальянцы забить гол. Вот почему он все чаще перемещается на левый край. На какое-то мгновение защита открывает Яшина. Следует сильнейший удар, но, слава богу, мимо. Мяч то у одних, то у других ворот. Невозможно сосчитать удары. Сильно бьет Сабо. Хороший удар, но чуточку мимо.

Игра снова у итальянских ворот. Итальянцам приходится туго. Мы подаем подряд несколько угловых, но гола нет. Отлично действует Валерий Воронин. Спокойно и уверенно. Желтому шарику удобно в его ногах. И летит он от Воронина не куда-нибудь, а к нашим игрокам. Умно играет Игорь Численко. И тоже спокойно. Спадает нервное напряжение. Начинается спокойный футбол. Но тут звучит судейский свисток. Перерыв на отдых. Отдых для всех и для болельщиков в том числе. Все-таки пока ничья. Если дело и дальше так пойдет, то, возможно... Вот зачем, оказывается, даны эти 15 минут! Для мечты. А кое-кому для критики... «Ему надо бы сделать так... Одному быть там... А он...»

Лучший нападающий португальской команды Эйсебио повредил бровь.

Как известно, болельщики самые наиквалифицированнейшие игроки. Если бы они, а не футболисты играли, то путь был бы усеян розами. Но поскольку они сидят на трибунах, а играют другие, то на поле и происходят некоторые неполадки.

Выигрыш у итальянской команды дает нам бесспорный выход в четвертьфинал. Не высокая, но все же ступенька. Во время перерыва приходят разные мысли. Например, такая: почему итальянцы все время держат шесть игроков в защите? Их явно устраивает ничья? Она, вероятно, могла бы устроить и нас, но все же больше нас устраивает победа.

Второй тайм начался наступлением итальянцев. Желтый шарик заметался в пределах нашей площадки. Защита возвращала его в центр поля, но он снова появлялся у наших ворот. Это были первые пять минут второго тайма.

Мне они не понравились, эти минуты. Я даже вспомнил маленькую книжечку, лежащую у телефона, с выдержками из священного писания: «Слова утешения на каждый день». На разных языках, в том числе на русском. Там есть такое утешение: «Да не смущается сердце ваше и да не устрашается». Очень важные слова. Не устрашается, не устрашается...

А затем мяч попал к Игорю Численко, от него — к Эдуарду Малафееву. Снова к Численко... Снова к Малафееву... Остался у Численко... Численко сделал обманное движение, будто передавая мяч Малафееву, и вдруг сильнейшим ударом отправил его в ворота... И стадион взорвался! Мяч был в сетке! Судья показывал на центр поля. Случилось это на 57-й минуте...

После гола наши заиграли в полную силу. Мяч почти все время оказывался на стороне противника. Кроме одного случая, когда в двух-трех метрах перед нашими воротами образовалась свалка. Все били по мячу. В ворота влетали один за другим игроки. Но влетали они без мяча. А мяч вообще исчез, скрылся. Его не было видно. А когда свалку по частям разобрали, мяч был в руках у Яшина.

На поле две сильнейшие команды чемпионата — Португалии и Венгрии.

Фото ЮПИ.

Еще несколько всплесков атак. Еще гудел итальянский барабан, трещали трещотки, но все было тщетно. Игра сделана. Советская сборная вышла в четвертьфинал.

На другой день мы были в гостях у наших футболистов. Сначала мы с ними обедали в профсоюзном доме, построенном на деньги рабочих. Футболистов приветствовал председатель клуба, по профессии мойщик окон. Он сказал, что день посещения советскими футболистами их клуба будет самым счастливым, и пожелал нам самого большого успеха. А затем мы поехали в гости к ребятам и беседовали с ними, рассказывали смешные истории, и Лев Кассиль обещал написать для «Огонька» повесть о футболистах. Цезарь Солодарь прочел стихи новорожденному Валерию Воронину. Мы не хотели изнурять футболистов литературой. Они отправились к столу, чтобы закусить воронинским тортом и выпить по случаю дня рождения товарища по стакану молока, а мы отправились в Сандерленд, раздумывая о том, как сложится ситуация на футбольном первенстве мира, с кем мы встретимся в четвертьфинальном матче, и тщательно оберегали себя от прогнозов. А в это время богиня Нике, заключенная в банковский сейф, возможно, улыбалась, как шекспировская Катарина, еще не зная точно своего жениха, но уже понимая, что время ее одиночества кончается.

Сандерленд — Ливерпуль — Сандерленд.

По телефону.

ЗДРАВСТВУЙ, ЧЕЛОВЕК НАШИХ ДНЕЙ!..

Юр. ЗУБКОВ

Они сидят вдвоем в вечерней тайге, у затухающего костра, и спорят о жизни — прораб Анна и Михаил, начальник участка... Михаилу, вчерашнему студенту, трудно. Его пугает необжитость здешних мест, непролазная грязь в распутицу, грубость окружающих. У него в глазах свет неясных еще огней будущих городов застилает память об огнях столичных улиц; шум вековых деревьев заглушается музыкой Шостаковича, стихами Ахматовой... Не верит Михаил, что Анне здесь не душно, что не хочется ей вырваться отсюда...

Невысокая, угловатая, не очень красивая, Анна к тому же старше Михаила лет на десять... Когда-то Анна окончила тот же московский институт, что и Михаил, и должна была бы — кажется ему — намного острее, чем он, понимать: дни, прожитые вдали от культуры, от больших городов, как и молодость, никогда не вернешь!

Но у Анны свой взгляд на вещи, своя философия.

Твердо убежденная в своей правоте, Анна возражает Михаилу. «Я понимаю,— говорит она,— тебе неприятно, стыдно видеть здешнюю жизнь. Тебе хотелось бы зажмуриться, сделав вид, что всего этого не существует... Либо мановением руки переселить всех в голубые города. Но это утопия!.. Когда ты поселишься в голубом городе, все равно кто-то будет растить для тебя хлеб и прокладывать дорогу к руде, из которой сделают самолет, чтобы ты мог полететь в Гагры...»

Спор этот в конце концов разрешается самой жизнью. Побеждает в нем Анна.

Именем победительницы и назвала свою пьесу М. Ганина. Пьеса ее идет сегодня не только в Москве, радуя силой утверждения человека, органически неспособного пройти в жизни мимо всего того, что нуждается в приложении его сил и таланта.

Тема человека, чувствующего себя хозяином земли,— вот главное и в спектакле, показанном драматическим театром имени К. С. Станиславского. Анна у артистки Р. Быковой — хрупкая, уже начинающая блекнуть женщина, с ранней сеткой морщинок у глаз. Сначала несколько странными кажутся ее непреклонные интонации, волевые жесты и движения, некоторая даже грубоватость. Но эта Анна хорошо знает, во имя чего она живет, работает, распоряжается людьми. Анна—Быкова постоянно и напряженно думает. Думает о людях, которые живут рядом с ней, о тех, кому суждено жить в будущем. И это сообщает всем ее решениям и действиям—порой чрезвычайно категоричным, суровым и резким — ноту задушевности и мягкости...

В последние годы у нас много говорят и пишут о так называемом интеллектуальном герое. Но нередко связывают само понимание интеллектуальности лишь со способностью человека подмечать недостатки в действительности, критически относиться к ней. Увы, такому «интеллектуалу» чаще всего не хватает широты взгляда, понимания исторической перспективы, а главное, активного желания помочь людям, делать действительность лучше, совершеннее... Сила же таких людей, как Анна, ее подлинная интеллигентность состоят в глубоком сознании **личной ответственности** за все совершающееся на земле.

На первый взгляд может показаться, что молодой ученый Торчиков из пьесы Я. Волчека «Заглянуть в колодец» скорее сродни Михаилу — такому, каким предстает он вначале,— нежели Анне. Но это только на первый взгляд. Определяющей чертой в характере Торчикова является его воинствующая бескомпромиссность. Не действительность отодвигает он от

«Заглянуть в колодец». В роли Торчикова — Н. Волков (слева), Колчанова играет В. Платов.

Фото И. Галанюка.

ТАЙНА ПЯТИДЕСЯТИ СТРОК

А. ЗУБОВ, Л. ЛЕРОВ, А. СЕРГЕЕВ

«ПРОБНЫЙ ШАРИК» ИЛИ?..

В ней было всего пятьдесят строк, в этой набранной нонпарелью заметке одного из зарубежных научных журналов. Журнал выходил в небольшом европейском капиталистическом государстве и был широко известен. Автор заметки сообщал, что в лаборатории видного московского профессора Алексея Михайловича Круглова широко поставлены исследования, связанные с проблемой большого значения...

Пятидесятистрочная заметка, занявшая свое скромное место в конце номера, тем не менее обрела сенсационный характер, вызвав оживленные комментарии ученых и много всяких домыслов.

Когда журнал пришел в Москву, в институте недоумевали: «Как могла появиться эта заметка? Кто дал информацию о работе, которая пока строго засекречена?»

Правда, автор заметки, по существу, ничего не раскрыл. Более того: в ней, с точки зрения знатоков дела, были, как говорят, общие слова. И им, знатокам, было очевидно: публикация заметки — «пробный шарик». Авось, подумают, что теперь уже нечего секретничать: все равно де, мол, кто захотел что-нибудь узнать об исследованиях Круглова, тот уже знает... Бывало, что и попадали на таких простаков.

И тем не менее в институте заметка при всей ее неконкретности вызвала тревогу: «Внимание, внимание! Кто-то пытается проникнуть в тайну научных работ!»

Больше всех, конечно, встревожился сам Алексей Михайлович, человек уже немолодой, много повидавший и испытавший в жизни. В тот день, когда журнал пришел в институт, профессор, кажется, сразу постарел на несколько лет. Его успокаивали, говорили ему много добрых слов, а он твердил свое: «Опростоволосился старик!»

Запросили несколько учреждений, не давали ли там официальной информации для прессы. Ответ пришел отрицательный. Что же делать? После недолгих раздумий Алексей Михайлович позвонил в КГБ.

Беседа длилась недолго, и профессор был несколько удивлен, когда, уже прощаясь, сотрудник Комитета госбезопасности вдруг спросил его:

— А вам Петр Максимович Егоров ничего не рассказывал о своих встречах с гостившим в нашей стране...— И сотрудник назвал фамилию иностранного ученого, работавшего в смежной области.

— Нет, не рассказывал,— несколько растерянно ответил профессор.— Хотя друг от друга у нас с Егоровым никогда не было тайн. Петр Максимович — мой лучший ученик и ближайший помощник.— Профессор умолк, задумался и вдруг решительно, твердо заявил: — Простите, но я исключаю даже самую мысль о нем, как о...

— Я тоже не допускаю этой мысли, Алексей Михайлович... Но не будем столь категоричны в своих суждениях. Жизнь — сложная штука. Как говорят французы: «C'est la vie...» Такова жизнь...

РВИ ЦВЕТЫ, ПОКА ЦВЕТУТ...

Натали, так звала ее бабушка, с детства привыкла к шумному обществу в их доме. Отца

Сцена из спектакля «Анна». В заглавной роли актриса Р. Быкова; Михаил — Ю. Гребенщиков.
Фото А. Гладштейна.

себя, а те привходящие, случайные обстоятельства, которые мешают ему, ученому, заниматься главным делом своей жизни — наукой.

В Московском драматическом театре на Бронной артист Н. Волков играет Торчикова человеком въедливым, колючим, вроде бы даже неприятным. Вот этот Торчиков подходит к доске, на которой пожилой ученый (как потом выясняется, директор института Колчанов), поправляя аспирантку, написал неверную формулу. Возмущение Торчикова столь велико, что даже в голосе его прорываются какие-то несвойственные ему, визгливые интонации... Да и все, что делает Торчиков — Н. Волков, он делает словно во зло самому себе,— стараясь нажить побольше врагов, прослыть склочником.

Однако же чем больше присматриваемся мы к нему, тем больше чувствуем, что вся эта неуживчивость, въедливость, злость порождаются одним лишь оскорбленным чувством веры в человека, в человеческий талант и разум. Так своеобразно, ершисто и задиристо выражает Торчиков — Волков свой протест против тех разочарований, которые приносит ему жизнь. Но куда исчезает колючесть Торчикова, каким мягким и обаятельным становится он, когда люди открываются ему с лучших своих сторон!

Именно таким и видим мы его в последней сцене — у пульта управления, рядом с Колчановым, который хоть и нелегко, а все же преодолел уязвленное самолюбие и решил вести научный поиск заново... Глаза Торчикова — Волкова сияют, жесты его стремительны и легки. Его вера в человека, ученого, идущего непроторенными дорогами, торжествует...

Совершенно иного Торчикова увидел я в спектакле Липецкого драматического театра. В исполнении В. Бокова Торчиков предстал как бы отлитым из одного куска цельной человеческой породы. И все в нем казалось пронизанным внутренним светом. Этот свет, чистота души, поданные крупно и сильно, обострив в Торчикове черты детскости, неожиданно обострили и главную коллизию пьесы. Оказалось, что рядом с человеком, подобным Торчикову, стыдно лгать и прятаться от большого дела, как это делал Колчанов до поры до времени... Стало также более естественно и понятно, что Торчиков полюбил ничем вроде бы не примечательную Зою — секретаря директора. Полюбил едва ли не с первого взгляда, разгадав в Зое натуру глубокую, богатую, такую же бескомпромиссную, как сам Торчиков...

Так время — наши шестидесятые годы — с его высокими требованиями к людям отражается в человеческих характерах и психологии, в отношении человека к своему призванию и месту в обществе...

Эстафету человечности и гражданственности сегодняшние герои восприняли от своих славных предшественников. Однако они не просто повторяют их черты и качества, а часто открывают зрителям в образе современника новые свойства, ранее неизвестные. Например, вот эту удивительную гармонию, слитность ума и сердца, которая отличает не только прораба Анну или ученого Торчикова, но все больше становится типической чертой человека шестидесятых годов.

В самом деле, треневской Любови Яровой, прежде чем она смогла сказать со всей искренностью комиссару Кошкину, что она его «верный товарищ», пришлось пройти путем огромной внутренней борьбы, выкорчевывая из сердца ценой невероятного морального напряжения любовь к мужу, оказавшемуся по ту сторону баррикад... Погодинский Гай, самоотверженный солдат революции и партии, даже он, утратив на мгновение привычную собранность, выложил на стол свой партбилет в ответ на жесткие слова Руководящего лица... Секретарь райкома Ракитина из пьесы Н. Вирты «Дали неоглядные...» — наша добрая знакомая уже по пятидесятым годам,— и та не сразу вступила в бой за правду и искренность человеческих взаимоотношений...

А вот нынешний человек — Софья Кичигина, героиня пьесы В. Лаврентьева «Чти отца своего». Сколько же в ней материнской зоркости души, мудрости ума и сердца, незнакомой ее предшественницам! Это, конечно, заслуга не только автора пьесы, но во многом и исполнительницы роли в спектакле Московского Художественного театра Аллы Константиновны Тарасовой, ее таланта, ее художнической и гражданской чуткости. Это она, замечательная актриса, сделала ведущей в спектакле тему Матери, чего, видимо, не понял рецензент журнала «Театр» В. Фролов...

Мы знаем и помним имена и образы матерей, которые благословляли детей своих, шедших на подвиг или даже на смерть на ратном поле или в революционной борьбе. Но для того, чтобы понять необходимость — и особенность—самоотвержения и подвига сегодня, в условиях мира, нужно обладать высокой степенью гражданственности, вошедшей в самую плоть и кровь человека, подлинной широтой мышления. Именно это качество — душевное величие Матери — и воплощено в образе, созданном А. Тарасовой, выдающейся советской актрисой. Это оно рождает восхищение зрителей, а отнюдь не одна лишь грациозная

она не помнила: он погиб на войне,— а мать очень быстро перестала горевать. Пианистка, много ездившая по стране с концертными бригадами, она всегда была в окружении веселой компании, частенько собиравшейся в их доме. Натали была еще школьницей, когда ей разрешали допоздна засиживаться в шумном обществе маминых друзей.

Ей еще не было и восемнадцати, когда за ней стал ухаживать скрипач, сухощавый и смуглый молодой человек с мужественным и приятным лицом.

Мама снисходительно относилась к завязавшемуся роману. Женщина не очень строгих правил, она сквозь пальцы смотрела на то, как дочь порой уединялась со скрипачом в свой «девичий будуар». Впрочем, Анну Петровну нельзя было всерьез принимать как мать, воспитывающую свое дитя. Нет, она не была создана для этой, по ее словам, «удивительно скучной деятельности». Да и времени не хватало: постоянные разъезды, гастроли...

Роль воспитательницы приняла на себя бабушка. Ей уже было далеко за шестьдесят, но она, в прошлом хористка провинциальной оперы, до сих пор подолгу просиживала у зеркала. Молодящаяся старуха придерживалась своего «морального кодекса», требования коего настойчиво внушала внучке. Главное среди них: «Рви цветы, пока цветут, пройдут златые дни, завянут ведь они».

Красивая, стройная, умненькая, в меру образованная, Натали легко завоевывала симпатии молодых и не очень молодых мужчин. Скрипач скоро уступил место предприимчивому театральному администратору. Этот предлагал руку и сердце. Натали молча выслушала его, а потом расхохоталась.

— Что вы, с ума спятили, Виктор Александрович! Мужем Натали будет... Вы знаете, кем должен быть человек, который захочет взять меня в жены?..

И, хлопнув дверью, вышла из комнаты. Бабушка была довольна внучкой: «Правильно понимает жизнь...»

Эпиграфом к альбому, в котором были собраны фотографии кинозвезд, девушка поставила строки, неизвестно откуда взятые ею, но достаточно полно выражавшие психологию начинающей «львицы»: «Любовь имеет власть дать в один момент то, что труд не всегда может дать за целый век».

Трудно сказать, какой дорогой пошла бы Натали после школы, если бы однажды в их доме не появился старший брат покойного отца — Федор Степанович. Это был крупный ученый, которого вопреки его собственному желанию перевели в Москву из южного города. Профессор, горячо любивший брата, почел своим долгом позаботиться о его семье, и в первую очередь о племяннице. Там, на юге, до него доходили смутные слухи о том, что жена брата быстро утешилась и ведет образ жизни, отнюдь не заслуживающий одобрения. Слыхал профессор, что и племянницу наставляют на тот же путь. И в первые же дни своей московской жизни убедился, что слухи весьма основательны. Тогда он твердо решил: «Мама, уж бог с ней, пусть живет как хочет, а за племянницу я в ответе... Перед памятью брата».

Профессор частенько наведывался к Натали. Она была в последнем классе школы, когда он повел с ней разговор о будущем. И с грустью отметил: увы, бабушкины семена уже пустили глубокие корни. Больно было за брата, но что поделаешь: «Поздно ты, кажется, появился в этом доме, дядя!»

В воскресные дни Федор Степанович увозил племянницу к себе на дачу. Он принадлежал к числу тех стариков, которые любят прислушиваться к говору ветра, птиц и любоваться тем, как солнечный свет могуче пробивается сквозь густую зелень дремучего леса. Здесь, на природе, дядя и вел свои, как он выражался, воскресные «проповеди». Прекрасный рассказчик, он очень увлекательно говорил о своих исследованиях, о своих учениках, трудом и талантом утверждавших свое место в жизни. В рассказах ученого вставали перед девушкой удивительно интересные, смелые люди, поистине творящие чудеса. И порой Федору Степановичу не без основания казалось, что племянница совсем другими глазами начинает смотреть на мир.

Равнодействующей двух сил — бабушки и дяди — явился институт иностранных языков... «Ну что же,— подумал профессор,— хорошо... Кончит иняз, я ее в научный институт переводчицей определю. Может, так и появится любовь к точным наукам. Или же будет педагогом... Благородная специальность».

У бабушки были свои планы: выдать внучку замуж за дипломата и отправить за границу. Это, как говорится, программа-максимум. Программа-минимум — переводчица «Интуриста», легкая, красивая жизнь, постоянные встречи с именитыми и богатыми иностранцами... Что же касается Натали, то она еще не решила, какой вариант для нее будет лучшим.

В институте у нее было много друзей. Друзей разных и по-разному оценивающих, что есть счастье человека.

Однажды, когда у Натали собрались на вечеринку однокурсники и кто-то из них случайно прочел эпиграф к фотоальбому, вспыхнул спор.

— Неужели это — твое кредо? — допытывался Саша, староста их группы, тыкая пальцем в альбом.— Неужели ты серьезно веришь, что любовь может сделать больше, чем труд? — И он испытующе посмотрел на молодую хозяйку дома.

Она усмехнулась и, передернув плечиками, исподлобья оглядела друзей.

— Я не верю ни в силу любви, ни в силу труда. Я верю в силу денег. Искусство жить — искусство делать деньги. Как их делать — это сугубо индивидуально... Не правда ли?

И, не ожидая ответа, она звонко рассмеялась, так что трудно было понять, всерьез она или шутит назло Сашке, чтобы подразнить его...

Поздно вечером, когда друзья разошлись, Наташа устроила бабушке страшенный разнос. Началось все с того, что бабушка бубнила:

— Молодец, Натали... Как ты этого Сашку отбрила! Ты не слушай его... И дядьку твоего... Подальше от него... Жизни не понимает...

Вот тогда-то и задала ей перцу Натали — бабушка даже задрожала от неожиданности:

— Ты дядю не трогай! Слышишь! Не смей!

мягкость да «магия имени», как полагает В. Фролов.

Кстати говоря, крупным общественным содержанием, острым ощущением **новых моральных качеств современника** пронизано и исполнение ролей Трофима Кичигина М. Болдуманом и Капитона Егоровича Н. Шавыкиным, хотя В. Фролов и их упрекает: первого в отсутствии мысли, второго в мелкости и ничтожности. Конечно же, рецензент и здесь не прав. Чувство справедливости, человечность, сознание своей ответственности за судьбы других людей движут поступками, определяют поведение и Трофима, и Капитона, и многих других героев спектакля на сцене МХАТ...

Способность улавливать то, как отражается в человеке время, наш сегодняшний день, и по-своему передавать это со сцены, художественно сильно и глубоко, присуща актерам театров не только столичных, но и периферийных. Именно она определила звучание образа Грани в постановке пьесы Ю. Петухова «Плот» на сцене Горьковского театра драмы. Главным в образе женщины, сменившей обеспеченную жизнь и покой на долю поварихи в бригаде сплавщиков леса, актриса Р. Вашурина сделала страстность сердца, стремление жить не вполсилы, а, как говорил еще горьковский Нил, на все средства души своей!

Именно эта способность позволила и калужскому актеру Ю. Заборовскому в спектакле «Иду на грозу» впечатляюще показать самоотверженность, готовность своего героя к любым лишениям ради осуществления его дерзкой мечты. И эта же самоотверженность с особенной силой дала себя знать при воплощении образа «дяди Оли» в спектакле «Семья Плахова», поставленном в Ярославле театром имени Ф. Г. Волкова.

Что говорить, пьеса В. Шаврина не отличается особой глубиной философского содержания. А роль «дяди Оли» чревата соблазном осмеяния этой мужеподобной, немолодой уже женщины. Но яркая актриса Е. Загородникова начисто отказалась от стремления к комедийности и приоткрыла такое богатство женской души, о котором, вероятно, не подозревал даже сам автор пьесы.

В простеньком, темном платье с отложным белым воротничком, чуть пушистыми волосами, собранными на затылке, с грустным, задумчивым взглядом, «дядя Оля» Е. Загородниковой очень женственна. Чем же тогда оправдывается странное ее прозвище — «дядя»? Да очень просто, сущностью роли. Сорок лет любила Оля Ивана Плахова, сорок лет молчала об этом; вырастила его троих приемных детей... Санитарка в отряде, которым командовал Плахов, уборщица в учреждении, которое он позднее возглавлял, не домработница, а домоправительница в его семье — она всюду шла за своим командиром, являя преданность и самоотверженность поистине рыцарские. Глядя на «дядю Олю» Е. Загородниковой, хлопотливую и очень домашнюю, невольно покоряешься внутренней красоте образа. Деликатность, боязнь показаться навязчивой рядом с добротой, активной и действенной, а если нужно, даже решительной, делают эту женщину обаятельной.

И какими же далекими от современности выглядят люди, движимые, подобно героям пьесы В. Розова «Затейник», совсем иными побуждениями и чувствами.

В театре имени Моссовета в постановке розовской пьесы занята наряду с большими, опытнейшими мастерами — Р. Пляттом, В. Сошальской — одаренная молодежь: В. Талызина, Н. Дробышева, Г. Бортников... Но ни естественность актерского поведения, ни яркость отдельных подробностей, ни опыт мастеров, ни обаяние молодости не в состоянии создать живые и полноценные, подлинно современные характеры, раз уж они отсутствуют в самой пьесе...

Не стану говорить о тех, кто несимпатичен автору и вызывает его осуждение,— Валентине Селищеве и Марии Павловне Беляевой. Но что представляют собой люди, пользующиеся авторским сочувствием?..

Сергей Сорокин — затейник в одном из домов отдыха на юге. Человек, физически и морально опустившийся. Пьет, предоставляет комнату любовным парочкам, берет с них за это мзду... А подавал будто надежды, и немалые. Но случилась лет пятнадцать назад в его жизни беда: девушке, которую он любил и которая готовилась стать его женой, намекнули, что если, мол, она не выйдет замуж за сына крупного прокурора, то и Сергей Сорокин может оказаться в местах не столь отдаленных... Впрочем, даже не намекнули — просто этот самый прокурор занес имя, отчество и фамилию Сергея в свою книжечку. И Сергей панически бежал из Москвы! Купил билет до Челябинска, вылез на какой-то узловой станции. «За вокзал ушел,— вспоминает он,— на кирпичах сидел долго... А потом все шел... Четверо суток шел. День и ночь».

Несколько лет, скрываясь, мотался «герой» по стране: Мурманск, Тюмень, Полтава, Средняя Азия...

Но почему? «Где-то тогда засел этот страх сюда (ткнул пальцем в голову), в какую-то доминанту, и все сидит... Чего боюсь — не знаю».

Галина, которая любила Сергея, тоже из страха стала женой Валентина Селищева... Узнав о том, что Сергей жив и что ему плохо, она торопится к нему на помощь, и это очень хорошо: человека нельзя оставлять в беде! Но, не повстречай случайно Валентин Сергея на юге, Галина так бы ведь и продолжала жить с мужем, которого не только не любит, но презирает за моральную нечистоплотность... А как может она дружить с отцом Валентина — Алексеем Павловичем, считать его «талантливым, сильным, умным человеком», когда именно он так подло и жестоко поломал в свое время две молодые жизни — ее и Сергея?.. И можно ли считать в самом деле Алексея Павловича порядочным человеком, честным коммунистом?..

Видимо, чувствуя шаткость своей концепции, В. Розов стремится обелить Алексея Павловича. Он информирует нас о том, что тот не грозил Галине, не делал ей ничего плохого и во всем виноват лишь ее страх. Но почему же тогда сам он так терзаем угрызениями совести сегодня? Почему целые годы ему Сергей «за каждым углом мерещился»?..

Спору нет: актеры театра имени Моссовета играют пьесу В. Розова талантливо. Но чем талантливее они играют, тем более остро приходят в противоречие с поиском правды жизни воплощаемые ими образы. Все они с червоточинкой. Все они разъедаемы сомнениями, компромиссами, угрызениями совести... И мнимая сложность их душевного мира в конечном счете становится далекой от подлинной сложности душевного мира современника—человека, неразрывно связанного с той действительностью, которую он сам создает и которая, в свою очередь, формирует его собственный характер...

Наш современник... Человек шестидесятых годов... Он шел вместе со своей страной, мужал вместе с ней... И народ ждет, чтобы сегодня современник представал со сцены во всей своей глубине и своеобразии, отражая и те черты, которые восприняты им от людей старших поколений, и те, которые воспитаны в нем нынешней действительностью.

ДИМКА-КАКТУС

Нет, еще неизвестно, кто победит: дядя или бабушка? А тут у дяди появился помощник — Дима, молодой инженер-строитель, сын старого друга Федора Степановича. Он познакомил его с племянницей на концерте. Натали в этот вечер была поистине прекрасна. Дядя сразу уловил, как мгновенно перекрестились их взгляды — Димы и Наташи.

Все, что произошло в последующие дни,— еще один удар по скептикам, не верящим в любовь с первого взгляда. Бабушка была в полном смятении: Дима отнюдь не принадлежал к числу тех, кто, по ее мнению, мог бы составить счастье внучки, а попытки помешать вспыхнувшему чувству рухнули. Наташа была словно в угаре. Все, буквально все нравилось ей в Диме: и спортивная фигура, и темные курчавые волосы, лохматившиеся над черными задумчивыми глазами, и как он играет на пианино, как танцует. Впервые она, кажется, по-настоящему полюбила настоящего человека. Он чем-то напоминал ей дядю — такой же ершистый, колючий. Натали прозвала его «Кактусом».

Однажды вечером Наташа заявила бабушке, что Дима уезжает в Сибирь строить в тайге новый город и зовет ее с собой, конечно, после окончания института.

Бабушка несколько минут не могла прийти в себя — казалось, что сейчас ее хватит удар.

— Ты с ума сошла!.. Тайга. Сибирь... Безумство, бред. Опомнись, Наташа! Это не для тебя. Да и вообще, что ты нашла в этом...

Была предпринята фронтальная контратака бабушки, мамы, ее друзей. Пытались даже подключить дядю: «Зачем девушке уезжать из Москвы?.. Да еще с ее специальностью...»

Долго Наташа терзалась сомнениями. Но «разум» взял верх над чувством. На вопрос Димы: «Поедешь или нет?» — она уклончиво ответила: «Впереди целый год. Там видно будет. Но, честно говоря, меня не прельщает романтика тайги. Бабушка, вероятно, права: я не рождена для подвига... Подумай, может, и ты не поедешь?.. Здорово было бы, не правда ли?» Дима ответил улыбкой средней веселости, потом сжал губы так, что они побелели, и в свойственной ему манере сказал: «Все красивое ядовито. В этом суть любой красоты».

Вскоре он уехал в Сибирь, сказав на прощание:

— Что же, я согласен, Наташа, поживем — увидим. Практика — критерий истины. Буду писать тебе и буду жить ожиданием твоих писем.

Было это в ту пору, когда Наташа уже перешагнула на последний курс. В занятиях она преуспевала. Каждый раз на институтских встречах студентов с работниками какого-нибудь посольства Натали обращала на себя внимание и своим произношением и богатым запасом слов. И когда «Интурист» попросил послать к ним на практику в качестве гидов группу старшекурсников, среди них оказалась и Наташа.

В «Интуристе» были очень довольны ею. Даже как-то намекнули: «Возможно, что пошлем заявку на вас...» Наташе это было приятно, пожалуй, «Интурист» ей импонировал все же больше, чем Димкина тайга. А бабушка и вовсе ликовала: «Все выходит по-моему».

И вдруг совершенно неожиданно для всех друзей по институту, для мамы и бабушки Наташа перед самым окончанием отказалась идти работать в «Интурист». И вообще во всем ее облике, поведении, образе жизни произошли какие-то непостижимые перемены. Откуда этакая хмурость, озабоченность? Куда пропал былой интерес к шумным вечеринкам, танцам? Бабушка склонна была отнести все это на счет Димкиных писем — они приходили чуть ли не через день. На все домогательства старухи Наташа отвечала уклончиво, а иногда, вспылив, вихрем налетала на бабушку, повергая ее в страшное смятение. «Вот и уеду к Димке. Тебе какое дело?» Притихшая бабушка, однако, долго не могла успокоиться: «Неужели уедет?.. До чего же переменчивая, стрекоза!»

В тайгу она не уехала, но однажды заявила маме и бабушке, что зря не послушалась дядю и не пошла в науку.

— Что ж, надо исправлять ошибку. Попрошу дядю устроить меня в какой-нибудь научный институт переводчицей. А там видно будет. Может, и Димку перетяну, не правда ли?

Мама отнеслась безразлично к этим новым веяниям в жизни дочки, а бабушка снова бубнила:

— Я тебя не узнаю!.. Тебя подменили!..

Внучка ласково успокаивала бабушку, но решения своего не изменила. Что же касается дяди, продолжавшего опекать Наташу, то он, пожалуй, был доволен больше всех — откровенно говоря, Димкин вариант ему тоже был не по душе. И вот уж из крупного научно-исследовательского института, которым руководил друг Федора Степановича — Алексей Михайлович Круглов,— в иняз отправляют заявку на переводчицу.

ЭВРИКА! ЧУДЕСНАЯ ИДЕЯ!

Наталья Викторовна, ее теперь уже так величали, оказалась смышленой, отличной переводчицей. В пределах возможного она проявила себя способной к пониманию проблем той узкой области научных исследований, коим посвятил свою жизнь ее шеф — профессор Круглов. Она не только переводила, но и реферировала для него некоторые статьи. А для повышения квалификации стала усердно почитывать доступную ей, но все же специальную литературу.

Профессору нравилась такая целеустремленность, такой серьезный подход к делу. Он горячо поддерживал переводчицу в ее намерениях и сделал соответствующие распоряжения.

— Свяжитесь с Петром Максимовичем Егоровым,— мой ближайший ученик, большой эрудиции ученый и чуткий, отзывчивый товарищ. Он поможет вам войти, так сказать, в нашу тематику и освоить терминологию. Я ему скажу о вас... Вам будет легче.

Кандидат технических наук Егоров был действительно человеком добрым, отзывчивым и охотно помогал Наталье Викторовне. Помощь эта была тем более успешной, что переводчица проявила способности к точным наукам. Она удивительно быстро входила в курс исследований, которым посвятили себя шеф и его ученик. Правда, весьма элементарно, но Ната-

Танабай догонит своих

«На старой телеге ехал старый человек. Буланый иноходец Гульсары тоже был старым конем, очень старым...»

Так эпически просто и спокойно начинается новая повесть Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары»[1]. Но начатая с эпической простотой, она уносит нас в гущу больших событий, яростных столкновений, знакомит с людьми сильного характера, действующими в сложной, трудной, а временами и трагической обстановке.

...Осилив трудный подъем, старый конь упал. И больше уже никогда не подняться ему. «Танабай заглянул ему в глаза и помрачнел. В глубоко запавших, полуприкрытых облезлыми складками век глазах лошади он ничего не увидел. Они померкли и были пусты, как окна заброшенного дома».

Пусто кругом, каменистая дорога, голая степь, вдали снежные горы, и февральский ветер дует настойчиво и зло. Умирает конь — старый друг, товарищ молодости, и вся жизнь Танабая Бакасова, сложная, нелегкая, проносится в его памяти, старого человека, цепкой к далеким событиям. И стержнем этих воспоминаний становится конь Гульсары, любимец молодых лет Танабая, стройный иноходец, ослепительный, как солнце. Недаром его прозвали Гульсары — лютик, желтый цветок. Как давно все это было, а сейчас, в этот злой февральский день, «ребра иноходца туго ходили вверх и вниз, вздымая худые, дряблые бока под мослаками. Некогда светло-желтый, золотой, он был теперь бурым от пота и грязи...»

Умирает конь, тоска хватает Танабая за душу, и вереница воспоминаний, как караван верблюдов, проходит перед ним, и кажется, конца нет этому каравану. Все вспомнилось: и фронт, шесть лет солдатских дорог и на далеком Западе и на Дальнем Востоке; и добрый друг, честный старый коммунист Чоро Саяков, председатель колхоза, а потом парторг, оставивший после своей смерти добрый след в сердцах людей; и верная жена Джайдар, мать его детей, делившая с ним и радости и горести; и ласковые руки Бюбюжан, к которой тянулся всей душой, да оборвала она это неверное, зыбкое, уворованное счастье; и других своих друзей и недругов вспомнил он, всех, с кем сталкивала его судьба... Вспомнил он и себя самого, свои ошибки, свой молодой задор, свою молодую непреклонность и жестокость и даже жестокость, но не осудил, отстранил все это от своего суда: было и прошло... Его, старого коммуниста, борца за колхозный строй, солдата-фронтовика, безжалостно и несправедливо исключили из партии, но не вырвали у него из сердца внутреннюю партийность, честное отношение к труду, к своим обязанностям, к своему долгу. Чоро не сумел и не успел помочь ему, но поможет его сын Самансур, сын друга. «Не ровен час, паду в пути, как иноходец Гульсары. Должен ты мне помочь... вернуться в партию. Мне немного осталось. Хочу быть тем, кем я был...»

Пал конь Гульсары, простился с ним Танабай Бакасов. «Смотрел сквозь слезы старик на новое утро, на одинокого серого гуся, быстро летящего над предгорьем. Спешил серый гусь, догоняя стаю.

— Лети, лети,— прошептал Танабай.— Догоняй своих, пока крылья не устали...»

Танабай тоже догонит своих — таков логичный и естественный вывод читателя, когда он заканчивает повесть Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары», закрывает ее последнюю страницу.

Танабай догонит своих потому, что коренным образом изменилась обстановка в стране. Разоблачены тупые, равнодушные чиновники, такие, как Кашкатаев и Сегизбаев, партия поставила непреодолимую преграду очковтирателям, карьеристам, людям, для которых благополучная реляция выше благополучия человека. Танабай догонит своих потому, что восторжествовала честность и правда.

Чингиз Айтматов написал повесть мужественную, верную и вместе с тем глубоко лирическую, даже нежную в своем лиризме. Он не ушел от трудной, сложной темы, а врубился в нее со всей присущей ему страстью. Его родная Киргизия предстала со страниц повести во всем своем обаянии. Язык повести душист и ароматен, как душисты киргизские степи и предгорья в летние вечера. И — что очень важно — повесть его близка всем советским людям, чувства, мысли, переживания ее героев понятны и дороги каждому, независимо от того, где он живет, какое солнце — северное или южное — его греет.

«Прощай, Гульсары» Чингиза Айтматова — радостная, светлая удача молодого талантливого писателя.

В повести нет и ста страниц, но каждая из них звенит золотом.

Ник. КРУЖКОВ

[1] «Новый мир» № 3, 1966 год.

ФИНИШ ФЕХТОВАЛЬЩИКОВ

Старший тренер сборной команды СССР Лев Сайчук с Большим призом наций.

Завершен чемпионат мира по фехтованию. Советские рапиристки вслед за личным завоевали и командное первенство, а среди команд шпажистов лучшими оказались французы. Но это уже не могло повлиять на судьбу Большого приза наций. Во второй раз подряд его получает команда Советского Союза. Лучшим фехтовальщикам были вручены призы газет и журналов. Обладателем приза журнала «Огонек» стал французский шпажист Клод Буркар.

Самый техничный шпажист чемпионата Клод Буркар с призом журнала «Огонек».

Фото А. Вочинина.

ша уже могла понять, о чем они иногда спорят, и легко выплавливала из большой статьи в каком-нибудь зарубежном журнале именно то, что больше всего могло заинтересовать профессора. Как-то она сказала Петру Максимовичу:

— Жаль, что я не послушалась дядю. Мне кажется, что я могла бы преуспеть в науке...

— Вы же еще очень молоды, Наталья Викторовна. Господи боже мой! О чем вы говорите? Вам и сейчас не поздно поступить в институт... И начать все сначала.

Наташа радостно захлопала в ладоши.

— Чудесная идея!.. Петр Максимович, вы гений!..

И тут же стала советоваться: в какой технический вуз поступить, как готовиться к экзаменам, чем сможет помочь дядя?

— Ну и, конечно, вы, Петр Максимович... На вашу помощь я могу рассчитывать?

— Готов хоть сейчас...

Подготовка в вечерний институт еще больше сблизила Наташу с Егоровым.

По вечерам они иногда задерживались в лаборатории. А тут как-то в жаркий летний день молодой ученый пригласил переводчицу освежиться — поехать в Химки, поужинать на летней веранде. Она деликатно отказалась.

— Что вы, Петр Максимович... Это неудобно... К тому же экзамены на носу.

Он смутился, что-то пролепетал и, смущенно улыбаясь, развел руками.

Вступительные экзамены в институт она выдержала. Не потребовалось никаких и ничьих хлопот: переводчицу научно-исследовательского института охотно приняли в вечерний вуз. Бабушка ахала, охала, но и она смирилась, уверовав в талант Натали.

Теперь начиналась новая полоса в жизни Наташи, и шеф в шутку уже называл ее коллегой. Специальность, избранная девушкой в вузе, была сродни направлению работ профессора Круглова.

Время шло. Наталья Викторовна была на третьем курсе. Она уже не механически, а со знанием дела переводила, реферировала статьи для профессора. А он души не чаял в ней: «Чудесная помощница! Ее хоть младшим научным сотрудником назначай».

РАЗГОВОР НА НАБЕРЕЖНОЙ

Однажды случилось так, что Наталья Викторовна не успела к концу дня закончить срочный перевод для большого доклада в Государственном комитете. Расстроенная, она пришла к профессору: как быть?

— Вот уж и не знаю, дорогуша. Завтра утром доклад, а для сравнения с нашими результатами зарубежные данные нужны до зарезу.

— Я готова привезти вам их вечером домой. Посижу здесь еще несколько часов.

— Да вы же голодны... Сейчас велю принести вам чего-нибудь перекусить. А к восьми машину пришлю...

Ее встретили очень радушно, запросто. Елена Максимовна, веселая, полная дама, хорошо знавшая почти всех сотрудников мужа и покровительствовавшая некоторым из них, усадила Наталью Викторовну пить кофе.

Профессор забрал переводы и, оставив женщин, удалился в свой кабинет. У хозяйки дома и переводчицы, несмотря на большую разницу в годах, обнаружилась общность взглядов на многие вопросы. Они сошлись характерами и понравились друг другу. Наталья Викторовна засиделась в профессорском доме допоздна. И в тот же вечер было решено, что она будет давать уроки английского языка Володе — профессорскому сыну.

— Ждем вас послезавтра, Наталья Викторовна. Вообще прошу чувствовать себя у нас, как дома...

И вот переводчица уже свой человек в профессорском доме. Обычно после занятий с Володей она оставалась ужинать, и случалось, что за столом оказывалась рядом с Петром Максимовичем, который иногда до поздней ночи работал с шефом. Наталья Викторовна беседовала с хозяйкой дома, а учитель и ученик, не обращая внимания на женщин, вели свои разговоры, оживленно обсуждая результаты каких-то экспериментов.

Петр Максимович частенько провожал Наташу домой. И при этом всегда был подчеркнуто сдержан. Наташе трудно было разобраться, в чем дело. Неужели это после давнишнего ее отказа ехать в Химки — с тех пор он больше ни разу не предлагал ей провести вечер вместе. Или, может, тут совсем другое: она как-то, правда, несколько туманно, поведала ему, что есть в Сибири такой Димка-Кактус...

Однако при всей своей сдержанности Петр Максимович не мог скрыть: нравится ему эта девушка, ее лицо, голос, острый ум, тонкая наблюдательность, способности и трудолюбие. Несколько раз он ловил себя на этой мысли и тут же говорил себе: «Брось! Оставь все это. Не время... Надо готовиться к поездке на симпозиум».

О поездке на международный симпозиум в столице небольшого европейского государства он как-то поведал Наталье Викторовне. Это было осенью. Они оба задержались в институте и теперь, возвращаясь домой, шли по набережной. Стояла безлунная ночь с нависшим над рекой хмурым небом. Они молча глядели на мерцавшие сквозь туман одинокие звезды. Кругом было тихо, и только золото листьев шуршало под ногами.

Первой прервала молчание Наташа:

— Как жаль, что вы уезжаете. Мы поехали бы в воскресенье в Абрамцево...

Он даже вздрогнул от неожиданности.

— Да, конечно... Мне тоже жаль... Нет, я не то хотел сказать... Я хотел...

Он замолчал. Остановился. Подошел поближе к Наташе.

— Но впереди еще столько воскресений.— И, кажется, впервые он пожал ей руку и уж совсем неожиданно для себя прижал ее ладонь к своей щеке.

И снова долгое молчание. Потом он стал рассказывать ей о симпозиуме, о возможных дискуссиях. Наташа встревожилась:

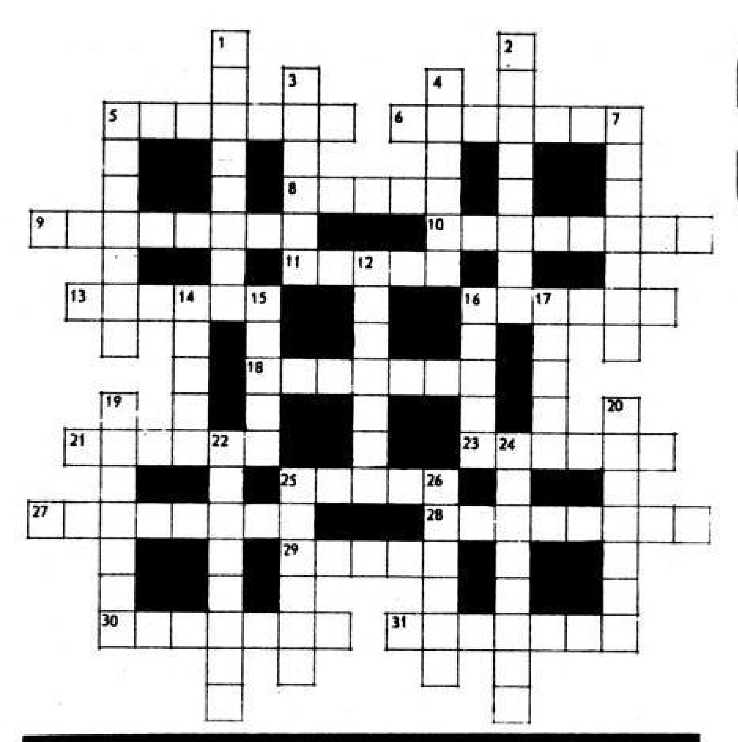
— А вас не положат там на обе лопатки?.. Я боюсь за вас...

— Что вы, Наташенька... Мы так далеко впереди них...

И он говорил о шефе, о лаборатории, о последних открытиях. Наташа перебила его:

— Извините, Петр Максимович, но мне все это надоело в институте. Давайте о чем-нибудь другом...

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Басня И. А. Крылова. 6. Оперетта И. Кальмана. 8. Размер типографского шрифта. 9. Персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир». 10. Небольшая оперная ария. 11. Плодовое дерево. 13. Советский поэт. 16. Венгерский народный танец. 18. Автор памятника Репину в Москве. 21. Волокно из стеблей конопли. 23. Повесть Н. В. Гоголя. 25. Раздел книги, статьи. 27. Арифметическое действие. 28. Вьющийся кустарник с красными ягодами. 29. Снаряд для метания. 30. Государство в Африке. 31. Местное наречие, говор.

По вертикали:

1. Мех. 2. Лесная птица. 3. Остров в Ионическом море. 4. Прозрачная бумага или тонкая ткань, применяемая при черчении. 5. Вереница судов. 7. Областной центр в Узбекской ССР. 12. Штат в США. 14. Безветрие, затишье. 15. Промысловая рыба семейства лососевых. 16. Река в Алтайском крае. 17. Немецкий математик XIX века. 19. Сельскохозяйственная работа. 20. Сумка для карт. 22. Съезд, совещание. 24. Порт на Суэцком канале. 25. Мера земельной площади. 26. Русский шахматист, чемпион мира.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали:

3. Гайдар. 7. Кура. 9. Шарманка. 10. Бугульма. 11. Праща. 13. Скафандр. 14. Сайда. 16. Перепелятник. 20. Аэродинамика. 22. Петит. 23. Вертолет. 26. Триод. 27. Экспресс. 28. Кармалюк. 29. Сито. 30. «Галька».

По вертикали:

1. Баккара. 2. Карабин. 4. Канистра. 5. Чигорин. 6. Характеристика. 8. Жмуйдзинавичюс. 11. Перископ. 12. Аспирант. 14. Секстант. 15. Астероид. 17. Пруд. 18. Яхта. 19. Виктория. 21. Ривьера. 24. Рассказ. 25. Лукошко.

На первой странице обложки: Южный Буг на закате. Так выглядит эта живописная река в центре Винницы.

На последней странице обложки: На пляже Немировского дома отдыха «Авангард».

Фото Н. Козловского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

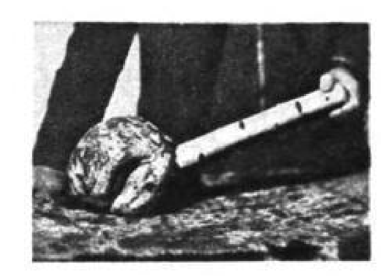
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10650 Подписано к печати 20/VII 1966 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0.
Тираж 2 000 000. Изд. № 1356. Заказ № 1942.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

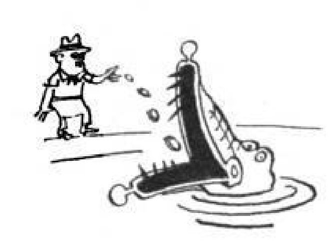
ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

ПЕРЧАТКА ИЗ ЛЕСА

Как-то гуляя в лесу, я нашел ветку березы с наростом, напоминающим боксерскую перчатку.

В. АНДРЕЕВ

МНЕ СВЕРХУ ВИДНО ВСЕ

Променаж в австралийских лесных дебрях совершает со своим наследником медведь коала. Малыш подрос, и в родительской сумке ему стало тесно, вот он и перебрался на спину заботливой мамаши.

ПОСЛЕДНИЙ ТИГР

Перед вами фотография, которая сделана 27 лет назад на острове Тасмания, находящемся недалеко от Австралии. На ней изображен последний экземпляр тасманского тигра, истребленного человеком. Ученые называют его также сумчатым волком — у него сумка для вынашивания детенышей. Тасманский тигр — очень пугливое животное. Целыми днями он отсиживался в горных пещерах и лишь с наступлением темноты выходил в поисках добычи.

В настоящее время чучела тасманского тигра являются редчайшими экспонатами некоторых зоологических музеев мира.

А. РЕВИН

ДИВАН-КАТАПУЛЬТА

Этот обыкновенный на вид диван, сделанный в ГДР, считается последней новинкой. Если завести связанный с диваном будильник, то в определенное время матрац подскакивает. Хочешь не хочешь, а придется вставать.

КРОКОДИЛЬИ МОНЕТЫ

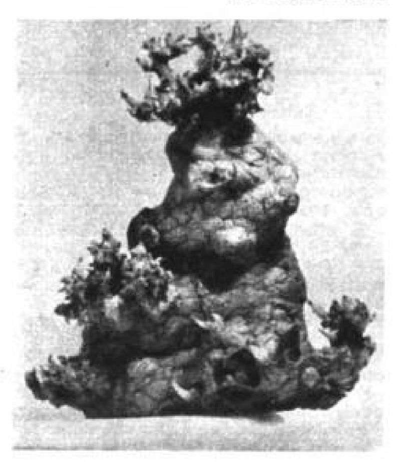
У посетителей белградского зоопарка существует обычай бросать в бассейны металлические монеты. И когда теплые дни выманили из водоемов крокодилов, их спины были сплошь усеяны этими монетами.

Но даже отважные мальчишки не решились подойти к животным и заработать себе на мороженое!..

ЧТО ЗА ЗВЕРЬ?

Природа не скупится на выдумки. Страшное чудовище — всего лишь обыкновенная картошка.

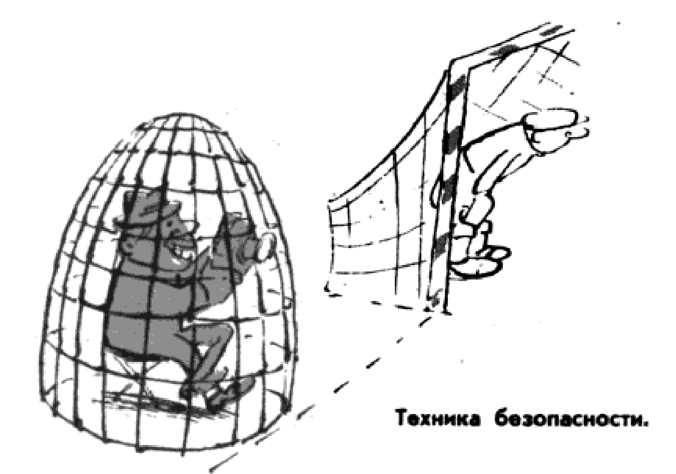
В. НАЯШУЛЬ

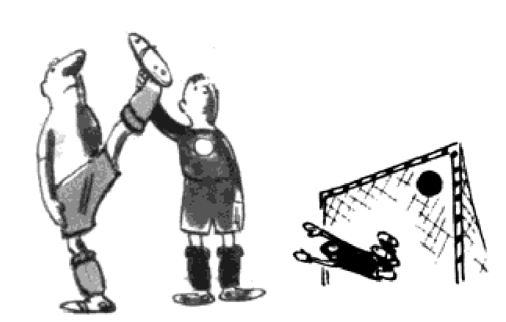

Вратарь в этом матче был на высоте.

Техника безопасности.

В сумме их площадь равна площади обычных ворот...
Рисунок Е. Шабельника.

Без слов.

Рисунки А. Грунина.

Без слов

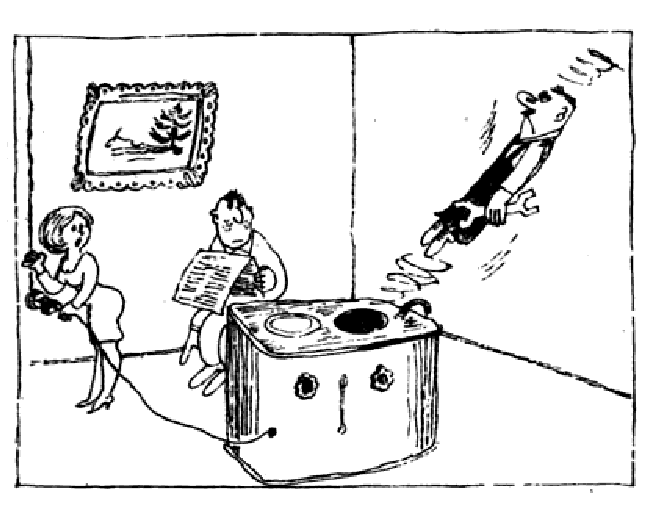

Модная прическа.

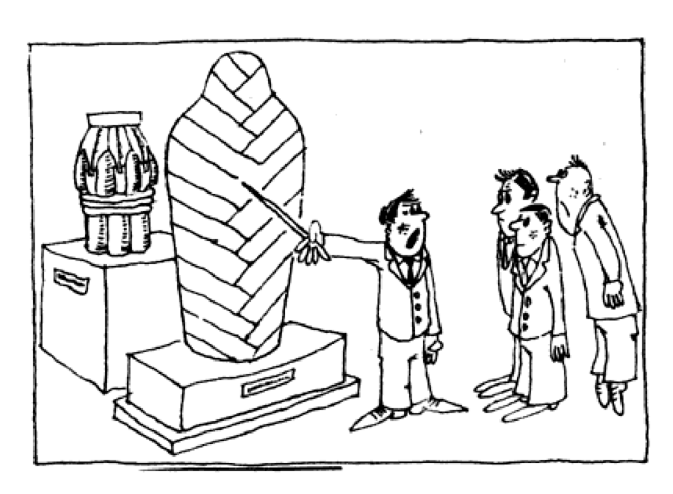

— Ты и сейчас будешь утверждать, что шпильку потеряла в машине?!

Рисунок В. Арсеньева и В. Лозовского.

— Что же ты не предупредил, что мастер чинит стиральную машину?!

— Этот гражданин пять тысяч лет назад нарушил правила уличного движения.
Рисунки Е. Шабельника.

— Честное слово, дорогая, я случайно поймал ее на мотыля!..
Рисунок А. Шварца.

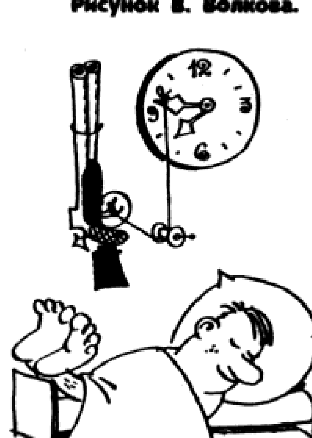
Ожидание.
Рисунок Б. Боссарта.

— Кажется, опять плавучий дом отдыха прошел...
Рисунок В. Воеводина.

— Но я же не знал, что она говорящая!
Рисунок Б. Боссарта.

Будильник.
Рисунок В. Волкова.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663